

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКО-УЗБЕКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Б. СЫДЫКОВА**

На правах рукописи

УДК: 801:159.942.3(575.2)(043)

Исакова Миргул Топчубаевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ
В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание**

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Дербишева Замира Касымбековна,
доктор филологических наук, профессор.

Бишкек – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	10
1.1. Лингвокультурология как отрасль языкознания	10
1.2. Эмоции как объект лингвокультурного сопоставления	22
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	39
ГЛАВА 2 МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВОВ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЧУВСТВ В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	40
2.1. Методы сопоставительной лингвокультурологии	41
2.2. Лингвокультурологический подход в изучении языковых явлений	59
2.3. Материал исследования (краткий анализ художественных произведений)	68
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	89
ГЛАВА 3 РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ И ИХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА «РОБ РОЙ» И ТОЛОГОНА КАСЫМБЕКОВА «СЫНГАН КЫЛЫЧ»/ «СЛОМАННЫЙ МЕЧ»	90
3.1. О способах выражения эмоций в романах «Роб Рой» и «Сынган кылыч»	91
3.2. Эмоциональный концепт гнев в английском художественном дискурсе	97
3.3. Эмоциональный концепт радость в кыргызском и английском языках	107
3.4. Общие и специфические негативные эмоции в романах «Роб Рой» и «Сынган кылыч»	119
3.5. Специфичные эмоции. Концепт презрение в английском дискурсе	130
3.6. Эмоциональный концепт страх в кыргызском дискурсе	138
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	149
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	152

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время эмоции и средства их выражения наиболее широко изучаются и находятся в центре внимания многих ученых. Еще в XX веке известные российские лингвисты В. А. Мальцев, С. Б. Берлизон, М. Д. Городникова, Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Павлова, Н. М. Михайловская и др., опережая западноевропейских и американских лингвистов, стояли у истоков нового – эмотиологического направления в лингвистике в тесных рамках системно-структурной парадигмы. Значительная часть языковедческой литературы посвящена изучению репрезентативов эмоциональной сферы человека. С начала 80-х гг. в зарубежной лингвистике большое внимание эмоциональному аспекту языка уделяют А. Вежбицкая, В. Волек, Дж. Эйтчисон, В. Эдмонсон, А. Лоуэн, В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, Н. В. Дорофеева, С. В. Ионова, И. И. Чесноков. Позднее проблемы эмотиологии рассматривались в трудах ученых из Кыргызстана, таких как М. И. Лазариди, Г. Ж. Болотахунова, Р. К. Ормокеева, Е. И. Жоламанова, Н. Э. Арсланбекова и др.

Актуальность исследования. Эмоции и чувства находят отображение в естественном языке, и изучение способов этого отображения давно стало важной частью лингвистики. В наше время эмоции и чувства исследуются также в дисциплинах, возникающих «на стыке» лингвистики и других антропологических наук, например в лингвокультурологии и этнопсихологии. Эмоции и чувства, будучи важнейшей частью внутреннего мира человека, составляют важнейший предмет изображения в художественных текстах. На это нацелены все элементы структуры художественного изображения: вербальные и невербальные средства презентации эмоций. На интерпретацию эмоциональных смыслов при восприятии художественного текста работают и внеязыковые феномены – фоновые и культурные знания авторов.

В данном исследовании представлена модель комплексного анализа эмоциональной картины мира в произведениях кыргызского и английского авторов.

Лингвистика позже других наук обратилась к проблеме эмоций, однако этот поворот не случаен. В последние десятилетия многие лингвистические исследования приняли отчетливый антропоцентрический характер, т.е. человек стал своеобразной точкой отсчета, которая используется в языке для описания физических качеств предметов, окружающих его, а также для распознавания процессов, происходящих внутри него самого: мыслей, чувств, внутренних ощущений. В связи с актуальностью исследования данного объекта для современной науки, а также достаточно большим накопленным эмпирическим материалом в рамках лингвистики выделяется особая отрасль *эмотиология*, или «*лингвистика эмоций*».

Наиболее продуктивно данную тему можно исследовать на примере текстов художественного характера, поскольку предметом литературы является прежде всего человеческая жизнь.

Связь работы с научно-исследовательскими программами и прецедентами. Тема диссертационной работы входит в тематику научно-исследовательских работ кафедры английской филологии Кыргызско-Узбекского Международного университета имени Б. Сыдыкова.

Целью настоящего сопоставительного исследования является изучение концептов, обозначающих эмоции в аспекте лингвокультурологического анализа кыргызской и английской художественных картин мира, что позволяет выявить национальные стереотипы, специфические метафорические и общие представления, характерные для двух лингвокультур.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

1. определить методологию исследования данной проблематики на основе работ отечественных и зарубежных исследователей;
2. рассмотреть особенности и сложности концептуализации понятия "эмоция" в контексте формирования национального образа мира;
3. произвести сплошную выборку вербальных и невербальных способов выражения эмоций из анализируемых произведений;

4. проанализировать метафорическую интерпретацию эмоций в романах Т. Касымбекова «Сынган кылыч» и В. Скотта «Роб Рой»;

5. охарактеризовать лингвокультурологические аспекты выражения эмотивных концептов в кыргызском и английском художественном дискурсе;

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые:

– определено место категории эмотивности в концептуальной картине мира кыргызского и английского этноса;

– установлены вербальные и невербальные механизмы формирования эмоциональной картины мира, выдвинуто и продемонстрировано предположение о том, что некоторые номинанты данного концепта в сопоставляемых языках имеют как общечеловеческий, так и этнокультурный характер;

– методом систематизации обширной группы лексем, называющих эмоции в кыргызском и английском языках, выявлены национальная специфика и тенденции, характерные для эмоционального поведения и эмоциональных реакций двух народов;

– установлены ассоциативно-семантические связи слов, демонстрирующие параллели и различия эмотивов в английском и кыргызском дискурсе.

– выявлена и разработана система невербальных проявлений эмоций, характеризующих этноспецифический характер эмоциональных реакций;

– реализована модель лингвокультурологического анализа в сопоставительном аспекте вербальных и невербальных средств, номинирующих социально-культурный компонент в кыргызской и английской языковой картине мира.

Практическая значимость исследования работы состоит в том, что выводы и материалы исследования могут быть использованы на лекционных курсах по введению в языкознание, теории языка, теории межкультурной коммуникации, истории и теории перевода, сравнительной типологии, а также в

спецкурсах по этимологии, лингвокультурологии, психолингвистике, лексической семантике, антропологистике, в преподавании теории и практики иностранных языков и т.д.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Лингвокультурологический подход к исследованию языковых репрезентаций базовых эмоций человека обосновывается тем, что эмоциональная сфера – это формы сознания, отображающие результаты как общечеловеческих, так и этноспецифических стереотипов поведения человека.
2. Эмоциональная картина мира в художественном воплощении восточного-кыргызского и западного-английского писателей имеет много универсальных черт, что свидетельствует об общечеловеческих основах проявления эмоций.
3. Преобладание негативных эмоций как в английском, так в кыргызском дискурсе свидетельствует о более мощной психологической силе воздействия на человека, что обуславливает их высокую номинативную презентабельность в обоих языках.
4. Невербальные проявления эмоциональной экспрессии в западном и восточном стиле поведения героев романа демонстрируют определенные различия, а именно: у кыргызских персонажей наблюдается активность мимики внешних частей лица (скул, губ, бровей, глаз и др.), а также физиологическая реакция внутренних органов человека (печень, кровь, нутро, кости). Проявление эмоций у героев английского романа более статично; эмоциональные реакции выражаются главным образом взглядом, изменением выражения лица, тоном голоса, а также характерной позой.
5. Метафорическая интерпретация эмоций в обоих произведениях демонстрирует явные параллели и выражается через образы огня, кипящей субстанции, бурной стихии и т.д.
6. Лингвокультурологическое своеобразие эмоционального поведения персонажей обоих романов определяется историческим фоном описываемых

событий, традиционным укладом жизни героев романа, характером ментального склада кыргызского и шотландского народов.

Личный вклад автора состоит в выявлении, определении места и роли категории эмотивности в произведениях В. Скотта «Роб Рой» и Т. Касымбекова «Сынган кылыч». Выявлена и систематизирована специфика эмоциональных концептов в лингвокультурологическом аспекте в кыргызском и английском языках.

Апробации работы. Содержание работы отражено в докладах на международных, межвузовских научных, научно-методических и научно-практических конференциях разного уровня.

Содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях:

1. Исакова, М. Т. The role of language in the construction of emotions [Текст]/ М. Т. Исакова, А. Ж. Байбагышова // Вестник филиала РГСУ в г. Ош. – 2007. – №7 – С. 17-19.
2. Исакова, М. Т. Выражение эмоций в языке [Текст]/ М. Т. Исакова, З. К.Дербишева // Сборник научных статей «Наука. Образование. Техника.» Кыргызско-Узбекского университета. – 2008. – №3 – С. 6-8.
3. Исакова, М.Т. Эмоциональное общение в изучении иностранного языка [Текст]/ М. Т. Исакова // Вестник филиала РГСУ в г. Ош. – 2010. — №8 – С. 127-130.
4. Исакова, М. Т. Difficulties of intercultural communication [Текст]/ М. Т. Исакова // Вестник филиала РГСУ в г. Ош. – 2010. – №8 – С. 130-133.
5. Исакова, М. Т. Лингвокультурология как один из векторов обучения иностранным языкам [Текст]/ М. Т. Исакова // «Известия» Ошского Технологического университета. – 2011. – №1 – С. 54-57.
6. Исакова, М. Т. Диалогическая речь как эмоциональный аспект обучения иностранному языку студентов языкового факультета [Текст]/ М. Т. Исакова // ЖИЗНЬ И ЯЗЫК В ДИНАМИКЕ: межд. научн. конф., посвященная памяти засл. деятеля науки КР, д-ра филол. наук, профессора А. О. Орусбаева. Бишкек:

- КРСУ. – 2012. Специальный выпуск. – С. 261-264.
<http://lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/4429.pdf#page=261>
7. Исакова, М. Т. Эмоциональная и психофизиологическая сферы человека [Текст]/ М. Т. Исакова // Журнал «ИЗВЕСТИЯ ВУЗОВ». Бишкек. – 2012. – №2 – С. 238-241. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36289135>
 8. Исакова, М. Т. Эмоции и психофизиологическое состояние человеческого организма [Текст]/ М. Т. Исакова // Вестник филиала РГСУ в г. Ош. – 2012. – №10 – С. 75-79. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35200302>
 9. Исакова, М. Т. Этнокультурные особенности эмотивного дискурса в русском, кыргызском и английском языках [Текст]/ М. Т. Исакова // Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Тюрко-славяно-германские культурно-языковые связи: Труды междунар. науч. конф. КРСУ. – 2013. – Спец. выпуск. – С. 93-99.
 10. Исакова, М. Т. Этнокультурные особенности в эмотивной лексике [Текст] / М. Т. Исакова // Вестник Южного отделения Национальной Академии Наук Кыргызской Республики №1. – 2013. – С. 143-147.
 11. Исакова, М. Т. Эмотивное пространство текста (на примере романа Т. Касымбекова «Сломанный меч») [Текст] / М. Т. Исакова // Вестник Ошского государственного университета. Серия гуманитарных наук. – 2014. – №3. – С. 111-116.
 12. Исакова, М. Т. Эмоциональная и психофизиологическая сферы человека в диалоге английской и кыргызской культур [Текст]/ М. Т. Исакова // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей. Серия «Концептуальные исследования». – 2015. – №21. – С. 208-214.
 13. Исакова, М.Т. Содержание и взаимосвязь понятий «культура» – «язык» - «нация» [Текст]/ М. Т. Исакова // Вестник Ошского государственного университета. Серия гуманитарных наук. – 2015. – №4. – С. 164-167.
 14. Исакова, М. Т. Эмотивное пространство художественного текста [Текст]/ М. Т. Исакова // Лингвокультура и концептуальное пространство языка: сборник

статей. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – 2016. – №10. – С. 436-442. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27602006>

15. Исакова, М. Т. Эмоциональная концептосфера в кыргызской и английской лингвокультурах [Текст]/ М. Т. Исакова, Н. С. Мадраимова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №1-2 (76). - С. 436-442. <https://elibrary.ru/item.asp?id=50283260>

16. Исакова, М. Т. Концептуализация и категоризация эмоций как способ формирования национальной картины мира [Текст]/ М. Т. Исакова // Бюллетень науки и практики. Т. 9. – 2023. – №7. – С. 450-456. <http://www.bulletennauki.ru> <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92>

17. Исакова М. Т. Обозначение эмоций в художественном тексте как источник лингвокультурологической информации [Текст]/ М. Т. Исакова // Лингвокультурологические чтения. – Москва, 2024. – С. 223-229. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69150953>

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы на русском, кыргызском и иностранном языках. Общий объем диссертации составляет 174 страниц.

ГЛАВА 1 ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Лингвокультурология как отрасль языкознания

Современный этап развития лингвистики характеризуется всеобщим интересом к содержательным и функциональным аспектам языка, где в центре исследования стоит задача не только изучения действительности, отражаемой языком, но и его внутренних и внешних отношений с человеком, внутренний мир которого он представляет. В соответствии с этим сформировались такие характерные черты современной лингвистической теории, как интегративность, "семантичность" и антропоцентризм.

Вопрос о соотношении языка и культуры поднимался в трудах отечественных и зарубежных лингвистов сотни лет назад и не теряет своей актуальности до сих пор. С развитием семасиологических и ономазиологических теорий язык стал пониматься как средство изучения стоящих за ним ментальных структур. Язык в контексте антропоцентрической парадигмы понимается как многомерное явление, возникающее только в человеческом обществе и характеризующееся как "продукт культуры", ее ключевой компонент и условие существования.

Язык также имеет индивидуальные формы, которые непосредственно влияют на характер сознания его носителей. Сами исследователи определяют язык как "мир, находящийся между миром внешних явлений и внутренним миром человека" [136, с. 60]. В центре антропоцентрической парадигмы в лингвистике находится не человек как таковой, а языковая личность.

Попытки определить и исследовать основные вопросы взаимодействия языка и культуры предпринимались учеными еще с начала XIX века (работы Якоба Гримма, Иоганна Гердера, Вильгельма фон Гумбольдта, А. А. Потебни). Вопросы лингвокультурологических исследований нашли отражение в работах В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни, которые заложили теоретические основы в середине XIX века и дали направление для развития современных лингвокультурологических исследований.

В XX веке идеи ученых развивали Л. Витгенштейн, Л. Вайсгербер, Ж. Деррида, Ш. Балли, Ж. Вандриес, Ф. Боас, М. Гайдеггер и др. На современном этапе к проблемам лингвокультурологии обращаются российские, зарубежные и кыргызские исследователи, среди которых наиболее значимыми являются Н. И. Толстой, Э. Сепир, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. В. Красных, В. И. Караганда, В. И. Красных, В. И. Карасик, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, А. Вежбицкая, З. К. Дербишева, М. Дж. Тагаев, П. К. Кадырбекова, К. З. Зулпукаров, Г. А. Мадмарова и др.

Сегодня различные аспекты взаимодействия языка и культуры составляют область исследования ученых, изучающих язык и культуру.

Еще Э. Сепир писал: «Язык — это путеводитель, приобретающий всё большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [176].

Русский академик Ю. С. Степанов считал, что сущность языка, — в той мере, в какой она вообще может открыться, — открывается не «инструментальному», а философскому взгляду». Отсюда вывод: в научном мире назрел переход лингвистики на новый виток развития, на новую парадигму [179].

Н. И. Толстой говорил, что отношения между культурой и языком можно рассматривать как отношения между целым и его частями. Язык можно исследовать как компонент культуры или как инструмент культуры, но это не взаимозаменяемые понятия, особенно в отношении литературного и фольклорного языка. В то же время язык автономен по отношению к культуре в целом. Он может рассматриваться как в отрыве от культуры, так и в качестве равноправного и равнозначного явления по сравнению с культурой.

И. Гердер, например, утверждал, что конституирующие возможности языка влияют на формирование народной культуры, психологии и творчества. Однако наибольшее распространение получила точка зрения В. фон Гумбольдта (начало XIX в.), считающегося основоположником этнолингвистики. Этот немецкий лингвист высказал следующее мнение: "Культура проявляется прежде

всего в языке, и именно язык может приобщить человека к той или иной культуре" [136, с. 26].

Концепция В. фон Гумбольдта была впоследствии воспринята европейскими учеными Антуаном Майером ("пионером" социолингвистики), Жозефом Вандриесом (развил социолингвистические идеи Ф. де Соссюра и А. Мейера и разработал понятия социолекта и идиолекта), а также Эмилем Бенвенистом (изучение языка в контексте психокультурных и культурных концептов).

Идею В. фон Гумбольдта о языке как деятельности духа развил также А. А. Потебня, который отстаивал право национальных языков и культур на самостоятельное развитие, подчеркивал их связь с историей народа и эволюцией человеческой мысли в целом. По мнению А. А. Потебни, язык составляет историческую форму народного духа, средство кодирования в структурах, созданного ею национального мировоззрения [166].

В дальнейшем тезис о целостности и синергии языка и культуры лег в основу концепции неогумбольдтианства и известной американской лингвистической школы Сепира-Уорфа, которая считала, что язык неотделим от когнитивных процессов. По мнению сторонников гипотезы Сепира-Уорфа, именно язык (точнее, его структура) определяет мышление и восприятие человеком действительности. Более того, один из представителей неогумбольдтианства Л. Вайсгербер доказывал, что язык является "промежуточным миром" между мышлением и реальностью.

Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и народной философии, по мнению Н. И. Толстого, часто является единственным источником истории и духа народа и давно уже признан таковым и используется для исследования культурологами и мифологами.

Винокур Г. О. отмечал, что всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык [51, с. 26]. Возрастающий интерес

лингвистики к человеку, связан с пониманием того, что есть человек, чего достигает человек посредством языка.

В концепции В. Н. Телии исследования языка и культуры отличаются от других областей культурологии тем, что направлены на изучение живых коммуникативных процессов в синхронной связи с этническим менталитетом, активным в тот или иной культурный период [190].

Французский исследователь К. Ажеж писал, что лингвистика зашла в тупик, как только попыталась стать точной наукой: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания... Одержимость научностью придала ее облику ложную строгость, равную которой нельзя обнаружить более нигде, включая самые точные науки. Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса...» [6, с. 304].

Выходом из этого тупика стал интерес лингвистики к человеку, ибо для понимания того, что есть человек, важно, чего достигает человек посредством языка. А кроме того, в конце XX века, говоря словами Р. М. Фрумкиной, «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект – культуре» [198, с. 104].

Но культурному параметру языка внимания уделяется по-прежнему мало, если не считать незначительного количества на общем фоне работ Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, А. Д. Шмелева, Т. В. Булыгиной, В. Н. Телия, Ю. С. Степанова, В. Красных, М. Л. Ковшовой и др. Все это привело к возникновению лингвокультурологии, где основы и достижения лингвистики и культурологии тесно переплетаются с основами и достижениями философии, психологии, антропологии, культурологии, синергетики и других наук.

Термин "лингвокультурология" появился в 90-е годы XX века в работах российских лингвистов Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия и других исследователей. В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и другие стали важными примерами интеграционного процесса в отечественной гуманитарной науке. Привлекают

внимание фундаментальные исследования в области лингвокультурологии Ю. Степанова, Ю. Лотмана, Н. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. Красных, В. Воробьева, В. Телии, Е. Верещагина, В. Костомарова, В. Масловой, З. Дербишевой и др.

В начале XXI века существующая научная парадигма претерпела серьезные изменения, в результате чего появился ряд новых идей и подходов к исследованию языка:

«антропоцентризм, предполагающий системное освоение языка, его единиц, текста, дискурса сквозь призму человеческого фактора, рассмотрение пребывания человека в языке и языка в человеке;

когнитивизм (язык – результат когнитивной деятельности, способ организации и хранения человеческого знания о мире, пространство мысли и духа);

лингвокультурологизм (тесная связь языка и культуры народа, понимание развития языка как результата творческой деятельности человека)» [34, с. 65-69].

Безусловно, лингвокультурология действительно базируется на трех вышеупомянутых принципах и считается одним из "продуктов" формирования антропоцентрической парадигмы, сложившейся в XX веке и являющейся сегодня доминирующей парадигмой в лингвистике.

Тенденция к взаимопроникновению различных областей научного знания является одной из определяющих характеристик науки XX века. В гуманитарных науках проявлением этого стремления к интеграции стало возрождение культурологических исследований и изучение феномена культуры. Различные аспекты взаимодействия языка и культуры составляют поле исследования для ученых-лингвокультурологов. Тезис о том, что "язык является инструментом создания культуры, поскольку с помощью языка создаются реальные и объективно существующие произведения материальной и духовной культуры", лег в основу возникшей в 2000-е годы новой науки – лингвокультурологии [137, с. 27].

Появление междисциплинарной дисциплины "Лингвокультурология" на стыке языкознания и культурологии вызвало бурный интерес к ней со стороны лингвистов. Следует отметить, что в трудах российских, европейских и американских исследователей проблематика лингвокультурологии понимается различными способами, но существование и постоянное развитие этой науки как таковой неоспоримо.

Лингвокультурология — одно из наиболее активно развивающихся научных направлений в современном языкознании. Скептическое отношение некоторых исследователей к правомерности существования лингвокультурологии как науки обосновывается, в частности, тем, что на данный момент она не имеет четко обоснованного и уникального метода первичного исследования. Эта молодая научная дисциплина пограничного характера во многом базируется на концепции когнитивной лингвистики, использует ее понятийный и терминологический аппарат. Не случайно были сделаны попытки определить сходства и различия когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [109, с. 3-16].

В научном мире сегодня распространено несколько дефиниций понятия «лингвокультурология». По мнению В. И. Карасика, лингвокультурология – это "комплексная научная область знаний о соотношении и взаимовлиянии языка и культуры" [107.].

А. Т. Хроленко считает, что лингвокультурология ориентирована на выявление связей между языком, национальной психикой и культурой, причем исходным пунктом анализа может быть любое из этих трех явлений [201].

В. В. Воробьев в своем определении утверждает, что "лингвокультурология – это изучение взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в его функционировании, отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [58, с. 37].

В аспекте нашего исследования мы считаем правомерным пользоваться определением В. В. Красных, которое характеризует лингвокультурологию как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально лингвального комплекса» [119, с. 12].

По мнению Н. И. Толстого, лингвокультурология появилась еще в начале XIX века. Это направление успешно разрабатывалось братьями Гримм, создателями всемирно известной мифологической школы, нашедшей свое продолжение в России в 60-70-х годах XIX века в трудах А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни.

По прогнозу Эмиля Бенвениста лингвокультурология как автономная область лингвистических исследований сложилась в 70-х гг., «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» с целью обеспечения научных основ презентации и активизации данных о стране и культуре изучаемого языка при помощи филологической методики преподавания. Данная область лингвистических исследований представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса [55, с. 79-95].

Выделять этап развития лингвокультурологии по мнению В. А. Масловой, несколько нетрадиционно, поскольку как наука она сложилась лишь около 20 лет назад. По ее мнению, в становлении лингвокультурологии можно выделить два этапа:

1) этап предпосылок возникновения лингвокультурологии (XIX – конец XX в.), когда увидели свет труды А. А. Потебни, В. фон Гумбольдта и Э. Сепира;

2) этап «оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований» (начало 90-х гг. XX в. – по сей день) [137, с. 28].

В будущем ученые прогнозируют появление еще одного, третьего периода развития лингвокультурологии, а именно – выделение ее в отдельное междисциплинарное направление исследований [137, с. 28].

Основными областями активного взаимодействия языка и культуры являются:

- 1) *фразеологический фонд языка;*
- 2) *мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке;*
- 3) *паремнологический фонд языка;*
- 4) *эталоны, стереотипы, символы;*
- 5) *речевое поведение;*
- 6) *область речевого этикета;*
- 7) *коды культуры;*
- 8) *концепты культуры;*
- 9) *ценности культуры.*

Это наиболее "культурные" объекты. Однако данный отмеченный перечень объектов изучения в лингвистике и культурологии вряд ли может быть окончательным и неизменным [140].

Особое внимание в лингвокультурологии уделяется языковым единицам, которые приобрели в той или иной культуре символические, референциальные, метафорические и метонимические значения, обобщая исходные результаты человеческого сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, церемониях, фольклоре, религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах, метафорических выражениях, символах и паремиях.

Следовательно, лингвокультурология, как одно из основных направлений современной лингвистики и один из «продуктов антропоцентрической парадигмы в языкознании, ориентирована на изучение культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке» [137, с. 8]. Лингвокультурология

изучает язык как феномен культуры, как выразитель особой национальной ментальности.

В. А. Маслова отмечает, что на современном этапе лингвокультурологических исследований условно выделяются следующие направления:

1. «Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.
2. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.
3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.
4. Сопоставительная лингвокультурология.
5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей» [137, с. 28-29].

Оригинальный взгляд на природу лингвокультурологии принадлежит А. Т. Хроленко. Исследователь определяет лингвокультурологию как «философию языка и культуры», где «объектом является язык и культура», а предметом – «фундаментальные проблемы изменения языка и его единиц, обусловленные динамикой культуры, а также преобразования в структуре и изменения в функционировании культуры, определенные языковой реализацией культурных смыслов» [201, с. 31].

Лингвокультурология наиболее тесно связана с лингвоисторическими дисциплинами, такими как культурология, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвострановедение, переводоведение, а также лингвистикой (лексикологией, фразеологией, семантикой и т.п.).

Изучение языка и культуры тесно связано с культурологией и лингвистикой. Культурология изучает самосознание человека в связи с различными сферами его социального и культурного бытия, включая природу, общество, историю и искусство, объектом ее является культура.

Лингвокультурология — это изучение процессов и результатов постоянного диалектического взаимодействия языка и культуры. Одной из задач лингвистики является изучение мировоззрения, которое отражается и закрепляется в языке через языковые образы мира, ее объектом является язык.

Лингвокультурология прежде всего "изучает современные языковые факты через призму духовной культуры. Иными словами, оно изучает только синхронное взаимодействие языка и культуры (живой коммуникативный процесс, связанный с менталитетом)" [137, с. 11]. Лингвокультурология должна исследовать не только национально-культурную информацию, но и информацию об общечеловеческой культуре.

Целью лингвокультурологических исследований является изучение и описание культурного пространства через призму языка и дискурса, а также культурного контекста коммуникативного пространства. Лингвокультурология стремится выявить с помощью языковых данных основные оппозиции культуры, зафиксированные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и зафиксированные в языке представления различных областей человеческой культуры: пространственные, временные, деятельностные и т.д.; наиболее древние представления, соотнесенные с культурными архетипами, проявляющимися через призму языка.

Основной задачей лингвокультурологии является «установление взаимной регуляции культуры и языка, которая зависит от культурно-языковой компетентности человека — носителя этого языка и культуры», то есть лингвокультурология как наука исследует взаимодействие языка как транслятора культурной информации и человека, который создает эту культуру с помощью языка» [152].

Объектом лингвокультурологии является лингвистическая (дискурсивная) функция языка, рассматриваемая с точки зрения ценностно-смыслового содержания. Такое обозначение предмета изучения языка и культуры восходит к концепции Гумбольдта. Согласно данной концепции, язык активно участвует во всех важнейших сферах культурной и дискурсивной жизни, а именно в

восприятию и пониманию действительности. Так что объект лингвокультурологии находится одновременно на периферии «нескольких фундаментальных наук — языкознания и культурологии, этнографии и психолингвистики» [137, с. 36].

По мнению И. Г. Ольшанского, объектом языковой культуры является прежде всего «языковая картина мира, не являющаяся чисто этнической или национальной» [153, с. 26-55].

Предметом исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (поговорах и пословицах) и т. д.

Очень тесно связываются между собой лингвокультурология и этнопсихолингвистика. Предметом исследования последней является то, «как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков; исследует речевой этикет и цветовую картину мира, лакуны в тексте в ходе межкультурного общения, изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д.» [137, с. 12]. Следовательно, этнопсихолингвистика главным образом ориентирована на изучение «внешних» проявлений культуры в языке и поведении человека.

В этой связи можно говорить и о направлении лингвокультурологии, которое развивалось в Кыргызстане под названием лингвокультуроведение. Формирование этого направления связано с именами Л. А. Шеймана и его последователей (М. И. Задорожный, Н. М. Варич, Т. В. Романевич, М. Х. Манликова, Г. У. Соронкулов, В. Н. Каипова и др.).

Особым направлением исследований в лингвокультурологии является лингвокультурологический анализ текстов. Культура во многом определяет восприятие и понимание художественных текстов, которые являются проявлениями культуры и ее носителями. Как утверждал Ю. М. Лотман, культура (в семиотическом понимании) живет вместе с текстом. Лингвокультурологический анализ текстов — это изучение и объяснение того, как культура встраивается в текст и изменяет его смысл [130].

В. А. Маслова полагает, что культура проникает в поэтический текст следующим образом: 1) через фольклорный материал; 2) через энциклопедические знания автора, которые нашли отклик и в душе читателя, прежде всего через интертекстуальные связи; 3) через ритуально-мифологическое, которое становится приемом создания особого мира; 4) через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности; 5) через национально-культурные коннотации и вообще многомерную семантику поэтического слова [140, с. 79].

На основании всего вышесказанного, исходя из лингвистической интерпретации изучения языка и культуры, можно сформулировать определение данной науки следующим образом

1. лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологии,
2. лингвокультурология исследует лингвистический аспект взаимосвязи языка и культуры и рассматривает этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и культурного содержания.

В настоящее время лингвокультурология является одним из ведущих направлений лингвистических исследований, наблюдается ее стремительное становление и развитие. В. И. Карасик объясняет данное явление несколькими причинами [106, с. 3].

Во-первых, это – стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики

поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности.

Во-вторых, это – объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук, необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (психология, социология, этнография, культурология, политология и т.д.).

В-третьих, это – прикладная сторона лингвистического знания, понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, который закодирован во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов и т.д., а этот опыт составляет суть изучаемого иностранного языка.

На сегодняшний день в рамках этой научной дисциплины выполняются диссертационные исследования, читается лекционный курс «Лингвокультурология», публикуются учебные пособия и учебники.

1.2. Эмоции как объект лингвокультурного сопоставления

Проблема отражения эмоций в языке и речи давно привлекает внимание лингвистов. Сдвиг в сторону антропологической парадигмы, характерный для последних десятилетий, привел даже к появлению еще одного направления, а именно эмотиологии, которая активно занимается изучением эмоций, используя научные методы ряда наук – социологии, культурологии, психологии личности, лингводидактики, лингвистики, лингвокультурологии, теории коммуникации (К. Изард, Б. Чарльстон, А. Н. Леонтьев, С. В. Ионова, А. А. Камалова, Н. А. Красавский, Е. Ю. Мягкова, Л. А. Пиотровская, И. В. Томашева, О. Е. Филимонова, И. А. Щирова, В. И. Шаховский и др.).

В лингвистике изучение способов вербализации чувств и эмоций человека также занимают значительное место и имеется множество научных трудов,

посвященных исследованию репрезентативов эмотивности в различных аспектах языка (В. И. Шаховский, А. Зализняк, Л. А. Пиотровская, С. В. ИONOва, И. П. Павлючко, Я. А. Покровская, М. И. Пименова, М. И. Лазариди, В. С. Мельникова, Г. Ж. Болотахунова, Р. К. Ормокеева, Е. И. Жоламанова и др.).

В нашем исследовании мы учитываем результаты исследований, в которых проблемы эмотиологии обсуждаются с позиций психологии, культурологии, социологии и лингвистики (Л. Г. Бабенко, 1986; А. А. Зализняк, 1985; К. Изард, 2000; Л. А. Пиотровская, 1994, В. И. Шаховский, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашева, 1998 и др.) Нами использованы или учтены идеи и наблюдения ученых дальнего зарубежья, труды которых написаны на иностранных языках (Н. J. Diller, 1992; M. Drescher, 1997; A. Foolen, 1997; A. A. Heller, 1972, С.Е. Izard, 1993; I. Wegner, 1985 и др.).

Термин «эмоция» имеет собирательное значение: он объединяет все психические переживания человека — чувства, аффекты, состояния, т. е. все «опытно-мотивационные» процессы; выбор этого термина определяется традицией, сложившейся в языкознании. До сих пор нет единого мнения относительно формы течения эмоциональных (психических) переживаний человека. Эмоции, несмотря на их биопсихосоциальное значение, остаются сравнительно малоизученным явлением, хотя современная наука на сегодняшний день насчитывает более 20 различных теорий эмоций. Сегодня, как показал анализ, общепризнанной, единой теории эмоций нет ни в психологии, ни в психолингвистике, ни в языкознании. Сложность создания такой теории заключается в том, что эмоции, имеющие свои перцептивные и акустические индикаторы, чаще вытекают из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем из самой действительности.

Различия в понимании изучаемого явления мотивированы тем, что человеческие эмоции и механизмы их языковой репрезентации рассматриваются в контексте различных дисциплин. Объективную картину репрезентации эмоций в языке можно получить, интегрируя разноуровневые подходы к изучению языка эмоций в рамках одной концепции. Одним из

недостатков существующих исследований является отсутствие единой и непротиворечивой теории эмоций.

Исходя из биологической теории языка (Матурана, Варела, 2001), мы видим, что эмоции человека являются важнейшим биологическим фактором, который может формировать язык эмоций.

С. В. Маслечкина подчеркивала важность эмоций для человека. Она считает, что поведение человека основано на эмоциях, они активизируют и организуют восприятие, мышление и стремления человека [136].

Как отмечает Б. Чарльстон, с помощью языка мы классифицируем, обобщаем, структурируем и описываем способы выражения тех или иных эмоций. Через язык формируется эмоциональная картина мира его носителей, а возникающие в результате эмоции также порождают различные ситуации общения [202, с. 37].

Так, в Словаре современного английского языка дается следующее определение эмоциональности: «тенденция показывать или чувствовать слишком много эмоций» — склонность к чрезмерному проявлению эмоций [243]. Исходя из этой концепции, можно рассматривать эмоциональность как категорию языка.

Эмоции составляют ядро мотивационной структуры человека. Они влияют на наши мысли и действия в повседневной жизни. Слова находятся в постоянной связи с нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью. Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, которая колеблется в зависимости от контекста [111, с. 231].

В связи с неотделимостью эмоций от жизни человека ученые различных отраслей науки, в том числе психологии, философии и языкознания, уделяют изучению эмоций особое внимание. Прежде всего, эмоции стали исследоваться в рамках философской науки, которая всегда считала эмоциональность основным атрибутивным качеством человека, одной из важнейших сторон его личности.

В эпоху античности эмоции представлялись как телесное или духовное, но всегда низменное начало, которое должно быть подчинено «высшей» сфере – разуму. В Средневековье эмоциональная сфера уже представлялась как низменное, телесное начало, противопоставляемое высшему, духовному началу. В эпохи Возрождения и Нового времени вернулось понимание главенствующей роли разума над эмоциями. Эмоциональная сфера в философии этих периодов приобретала все больший вес, так как начала включаться в рациональную сферу.

М. Шелер, как и философы XVIII века, разделял эмоции на оценочные и неоценочные. Первые он назвал чувствами-функциями, а вторые – «чувствами-состояниями» [211]. Первые — это интенциональные психические акты, участвующие в познании мира подобно высшим чувствам; таково, например, эстетическое восприятие. Эмоции второго рода — это эмоциональные реакции на то, что уже было описано как хорошее или плохое. Это не формы знания и не оценки как таковые. Большинство эмоций, таких как страх, гнев, радость и др., М. Шелер относил к чувствам-состояниям и считал, что они не содержат оценочного компонента [211, с. 19].

Знакомство с разными взглядами на проблему существования эмоций помогло определить их место в процессах мышления и восприятия мира. В результате теоретических исследований мы пришли к пониманию того, что все эмоциональные процессы протекают в психике человека и имеют универсальный характер, функционируя по общим законам. Большую роль в речевой деятельности играет эмоциональный аспект, который проявляется в категориях эмотивности, экспрессивности и оценочности, отвечающих за то, какая эмоция будет в знаке и какой уровень интенсивности она будет иметь. Установлено, что признак эмоции – это качественная характеристика, формирующаяся на основе субъективной оценки пережитого опыта, который может доставлять человеку либо удовольствие, либо неудовольствие.

По признаку качества (модальности) все эмоции делятся на положительные и отрицательные. Интенсивность – количественная

характеристика, отражающая степень переживания. Установлено, что каждая эмоция имеет свой диапазон интенсивности, в пределах которого возможно изменение ее силы в зависимости от развития ситуации, вызывающей эту эмоцию.

Долгое время в психологии эмоции и сознание вербальной личности разделялись многими учеными на разные аспекты ее психики. Сейчас уже не вызывает сомнений, что психика, сознание, мышление и язык тесно связаны между собой и что в каждом языке есть эмоциональный символ, с помощью которого вербализуется мир и эмоциональные отношения человека.

О сложности эмоций как предмета исследования свидетельствует тот факт, что до сих пор не существует четкого определения понятия "эмоция". Эмоции — это психологический феномен, вид поведения и психической деятельности. Но ни одна из существующих теорий и концепций эмоций не является исчерпывающей и универсальной, что вполне естественно в силу различных научных традиций стран, в которых они разработаны, и различий в терминологических системах языков, на которых эти концепции описаны, а также это объясняется различиями в понимании сути эмоций и объема этого феномена [49]. Этим же объясняется и факт отсутствия общепризнанной лингвистической теории эмоций [204].

Далее кратко рассмотрим, как они изучались в разных научных парадигмах когнитивной науки и лингвистики.

Согласно теории Ч. Дарвина, процесс развития эмоций является эволюционным следствием развития организма. Сама эмоция является важным механизмом, способствующим адаптации организмов как к условиям окружающей среды, так и к жизненным обстоятельствам [70].

Как отмечает Б. Чарльстон, с помощью языка мы классифицируем, обобщаем, структурируем и описываем способы выражения тех или иных эмоций. Через язык формируется эмоциональная картина мира его носителей, а возникающие в результате эмоции также порождают различные ситуации общения [214, с. 37].

В современной науке существует множество подходов к проблеме эмоций. Кэрролл Э. Изард называет свой подход психологией дифференциальных эмоций. В рамках этого подхода он пытается «охарактеризовать свойства и функции каждой отдельной эмоции, а также особенности отношений между различными эмоциями и их взаимодействия, рассмотреть отношения, связывающие эмоции, когнитивные процессы и поведение» [214, с. 17]. Наиболее значимые теории, развившиеся в рамках этого подхода, базируются на ряде общих предпосылок, главной из которых является идея о том, что эмоции служат организующим и побудительным фактором в поведении человека, его личностном развитии и отношениях с окружающим миром. К. Изард включает в мотивационную систему человека 10 основных эмоций: интерес, радость, удивление, огорчение, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [214, с.23].

А. Н. Леонтьев определяет эмоции как "особый класс психических процессов и психических состояний, связанных с инстинктами, желаниями и побуждениями" [128, с. 553]. Эмоции выполняют функцию регуляции активности субъекта путем отражения значимости внешних и внутренних обстоятельств для осуществления жизнедеятельности" [128].

Б. Паркинсон, определяя эмоции, выделяет четыре их компонента:

- (1) когнитивная оценка ситуации (например, оценка угрозы или вреда в ситуации);*
- (2) изменение тенденций действия (например, приближение или избегание);*
- (3) телесные реакции (например, частота сердечных сокращений);*
- (4) выразительные движения (например, мимика, поза) [219, с. 34-37].*

А. Фоолен одним из первых зарубежных исследователей поставил вопрос о возможности использования когнитивной теории для изучения эмоций в языке. Он поднял вопрос о диахроническом и культурологическом изучении языка эмоций. В своей статье «Экспрессивная функция языка» [1997] Фоолен теоретически обосновал вопрос о связи когнитивной семантики с экспрессивной (т.е. эмотивной) функцией языка. Данный исследователь, считая

исследование эмоций важной частью лингвистической науки, был уверен, что методические приемы, которые выработала когнитивная семантика, могут использоваться при анализе лингвистических способов выражения чувств [212, с. 26].

Когнитивный анализ эмоций свидетельствует о том, что чисто эмоциональных предикатов не существует, все они включают в том или ином виде ментальный, рациональный компонент. Однако многие ученые сходятся во мнении, что эмоции входят в структуру сознания и мышления и связаны с различными когнитивными процессами. Они представляют собой интеграцию интеллекта и кратковременных эмоциональных состояний (чувств) и в целом они имеют универсальный характер.

Следует отметить, что в решении данного вопроса существует несколько направлений:

– культурно-релятивистский, в котором сами эмоции и способность к их переживанию зависят от типа лингвокультурной и лингвоэтнической принадлежности;

– универсальный, согласно которому эмоции предстают универсальными категориями. Вне зависимости от лингвокультурной и лингвоэтнической принадлежности человека, любая эмоция открыта для переживания. Национальной спецификой обладают не сами эмоции, а отношение к ним [25].

В последние годы все большее внимание уделяется изучению эмоциональной составляющей межкультурной коммуникации. Это связано с тем, что, хотя выражение эмоций является универсальной человеческой способностью, степень эмоциональной открытости и экспрессивности, значение и направленность эмоций, их функции и роль в общении культурно различаются. Особенности эмоциональной экспрессии являются чертой национальной идентичности, а точнее, менталитета представителей той или иной этнической культуры, что отражается в их поведении и влияет на стиль общения.

Человеческие эмоции и их влияние на деятельность человека долгое время были традиционным объектом изучения психологов и поэтому не рассматривались с лингвистической точки зрения. Новый поворот в изучении эмоций произошел с появлением когнитивной теории эмоций, которая объединяет результаты лингвистики и когнитивной психологии.

Изучением процессов «оязыковления» эмоций занимается лингвоэмотиология или лингвистика эмоций. Несмотря на то что в середине 1970-х годов многие лингвисты считали ненужным заниматься изучением связи языка и эмоций и исключали такого рода работы из основных направлений лингвистических исследований (Э. Сепир, К. Бюлер), такие исследователи, как М. Брель, Ш. Балли, ван Гиннекен и другие, утверждают, что весь язык обусловлен эмоциями и отображается ими, и поэтому рассматривают лингвистику эмоций как одно из фундаментальных направлений лингвистики. Они считали выражение эмоций центральной функцией языка. В наше время уже считаются неоспоримыми такие утверждения как «вся лексика эмоционально окрашена», «в языке все эмоционально».

В 1987 году на пленарном заседании IV Международного конгресса лингвистов в Берлине был поднят вопрос об эмотивности в языке и обращение Ш. Балли к «знакам эмоций» стало началом исследования эмотивов в языке. Там же чешский языковед Ф. Данеш открыто и убедительно говорил о тесной взаимосвязи когниции и эмоции и показал огромную лингвистическую значимость изучения этой стороны языка. Именно на этой конференции проблема "язык и эмоции" была названа в числе пяти наиболее значительных направлений современных лингвистических исследований. Это заставило многих советских и зарубежных лингвистов обратиться к изучению языковых аспектов выражения эмоций и перейти к созданию системно-структурной парадигмы для исследования лингвистической теории эмоций.

За рубежом особое внимание эмоциональному аспекту языка уделяли такие исследователи, как А. Вежбицкая, Дж. Эйтчисон, А. Волек, В. Эдмонсон и другие.

Проблема "эмоции в языке" является интересной темой исследования и для российских лингвистов. У истоков эмоционального направления в советской лингвистике стояли Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, С. Б. Берлизон, Е. М. Галкина-Федорук, М. Д. Городникова, В. А. Мальцев, Н. М. Михайловская, Н. М. Павлова и другие.

Эмоциональной составляющей разных языков посвящено внушительное количество научных трудов. Общим для российских ученых, исследующих эмоции, является положение о том, что эмоциональность человека играет огромную роль в его жизни, представляя собой одну из форм отражения объективной действительности [Л. И. Бабенко 1990; Е. Н. Винарская 2001; А. А. Леонтьев 1984; Ю. М. Малинович 1983; Е. Ю. Мягкова 2000; В. А. Пищальникова 2003; И. В. Томашева 1995; И. А. Шаронов 2005, В. И. Шаховский 1988; и др.].

Последние два десятилетия характеризуются растущим интересом к исследованию эмоций в разных языках и культурах, как в вербальном, так и невербальном аспектах [Н. А. Багдасарова 2004; Е. Ф. Болдарева 2002; В. И. Болотов 1981; А. Вежбицкая 2005; Е. Н. Винарская 2001; С. В. Гладько 2000; Т. В. Ларина 2003, 2004, 2006, 2007, 2009; Е. Ю. Мягкова 2001; Л. А. Пиотровская 1995, В. А. Пищальникова 2003; В. И. Шаховский 1999, 2001, 2003, 2005, 2008; О. А. Яновая 2002; М. А. Токарева 2007]. Особое место в изучении эмоций принадлежит исследованиям, в которых эмоции изучаются на уровне высказывания [Т. В. Адамчук 1996, Н. С. Болотнова 1998, С. В. Ионова 1998, Л. А. Пиотровская 1994, В. А. Пищальникова 1999, А. В. Явецкий 2008].

Исследованиями языковой репрезентации эмоций занимались Ю. Д. Апресян [1993] и М. В. Никитин [1997], которые утверждали, что семантическая репрезентация эмоций может быть основана на метафорах; согласно точке зрения М. В. Никитина, эмоциональные метафоры — это эмоционально-оценочные впечатления от денотатов, передача которых основана на сходстве [Никитин 1997].

В современной лингвистике большое внимание уделяется стилистике эмоций. В трудах И. В. Арнольд, Н. С. Болотновой, Т. И. Воронцовой, И. Р. Гальперина, В. А. Кухаренко, Ю. М. Скребнева., В. К. Тарасовой, М. С. Чаковской, И. А. Щировой, Т. В. Юдиной и многих других исследователей, наряду с решением стилистических проблем общего характера и индивидуального авторского стиля, дается многосторонний анализ лингвистических средств репрезентации эмоций в текстах различных жанров и анализ стилистических средств, используемых при описании эмоционального состояния автора или персонажей литературных произведений.

Фундаментом, послужившем началом основания лингвистической теории эмоций, стали труды (монографии и статьи) известного российского лингвиста В. И. Шаховского, который на протяжении тридцати лет разрабатывал концепцию этого нового научного направления. По этой причине его с полным правом можно назвать «отцом русской эмотиологии». (Шаховский 1983, 2010). В 1987 г. профессор В. И. Шаховский разработал первую отечественную концепцию лингвистики эмоций на основе единой методики классификации эмоций в лексико-семантической системе языка. В 2008 г. ученый обобщил результаты своих исследований по проблеме "язык и эмоция" и развил эту концепцию, апробированную в многочисленных работах его учеников, в лингвистическую теорию эмоций.

Представления человека о своем внутреннем мире образуют в сознании эмоциональную концептосферу, состоящую из эмоциональных концептов. В. И. Шаховский определяет эмоцию как «специфическую форму отношения человека к миру и к себе в этом мире, а также ее языковое отражение в лексиконе и речевой деятельности человека» [204, с. 276].

Учитывая результаты современного естествознания, психологии и антропологии, А. Вежбицкая с первых своих работ всегда придерживалась мнения, что язык играет важную роль в формировании представлений об эмоциях, как в индивидуальной, так и в национальных культурах, и оставался последовательным в решении вопроса о природе эмоций в научном ключе.

Обобщенная форма определенных эмоциональных состояний, которая "прописана" в семантической структуре аффективных слов, отражает накопленный опыт – и не только индивидуальный опыт отдельных лиц, но и коллективный опыт членов общества или речевого сообщества [46, с. 263-305].

Очевидно, что по убеждению А. Вежбицкой, термины эмоций всегда зависят от языка и культуры и поэтому всегда имеет определенную лингвистическую и лингвокультурную специфику. В интерпретации А. Вежбицкой все многообразие эмоциональных явлений и способов их вербализации сводится в основном к терминам для обозначения эмоциональных состояний, с помощью которых люди говорят о том, что они чувствуют [46]. Эмоции противопоставляются поведению и мыслям:

1) X чувствовал что-то

поэтому X делал что-то.

2) X думал что-то о чем-то

по этой причине X чувствовал что-то

X не мог не чувствовать это [222, с. 41-45].

Как считает А. Вежбицкая, свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, поэтому носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков. Демонстрируя принципиальную роль языка в номинации и интерпретации эмоций для их адекватного межкультурного восприятия и понимания, автор доказывает, что язык проникает во внутреннюю структуру названий человеческих эмоций, тем самым опредмечивая, т.е. концептуализируя и лексикализируя их [223, с. 359-375].

В своих трудах А. Вежбицкая постоянно делает акцент на национальной специфике концептов (в том числе и эмоциональных концептов), что является важным для сопоставительного изучения культурного своеобразия народов, осуществления межкультурной коммуникации, переводческой деятельности.

В частности, в современной лингвистике активно исследуется специфика соотношения языковых и речевых проявлений эмоций, проблема взаимосвязи вербального и невербального речевого поведения у представителей различных лингвокультур. В связи с этим привлекают внимание наблюдения В. Эдмонсона, который заметил, что этические нормы выражения эмоций в различных языковых культурах проявляются не столько в том, как их выражают, сколько в том, в каких условиях это происходит (что разрешается) [204, с. 17].

Л. Г. Бабенко в работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» отмечает, что эмоции являются одной из форм отражения, познания и оценки объективной действительности. Такое определение эмоций распространено среди представителей различных наук, в первую очередь психологов и философов. Кроме того, это исходное определение эмоций разными исследователями имеет следующее уточнение: эмоции представляют собой особую, своеобразную форму познания и отражения действительности, поскольку «в них человек выступает и как объект, и как субъект познания, то есть эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности» [25, с. 28].

По мнению В.И. Шаховского, эмоциональный компонент межкультурной коммуникации всегда выступает как "специфическая доминирующая тенденция" в национальном характере и национальных стереотипах любой культуры [204, с. 64]. Очевидно, что на формирование эмоциональной субсферы влияют традиции, обычаи, характер, особенности повседневной жизни, стереотипы мышления и модели поведения, то есть те социокультурные и психологические характеристики, которые складываются на протяжении всего периода формирования какой-либо лингвокультуры. Особенно они важны для правильного изучения особенностей концептуализации и категоризации языковой сферы человека в различных лингвокультурных сферах. Их учет, безусловно, является важным для лингвокультурологических работ, в частности, для адекватного изучения особенностей концептуализации и категоризации лингвоментальной антропосферы в разных лингвокультурах.

Степень открытости и экспрессивности в проявлении эмоций, их направленность, значение, функции являются культурноспецифичными характеристиками коммуникативного поведения представителей различных культур. Так, в английской коммуникативной культуре, в основном ориентированной на чувства других, открытая демонстрация чувств не приветствуется, важнейшими чертами английского коммуникативного поведения принято считать сдержанность и самоконтроль. Для русской культуры, напротив, характерно открытое проявление эмоций, причем как положительных, так и отрицательных.

Об эмоциональной открытости русских и эмоциональной сдержанности англичан ярко свидетельствует лексическая система языка. По версии А. Вежбицкой, в английском языке отсутствует слово, аналогичное русскому, *хохотать*, которое означает смеяться безудержно, от души; при этом существуют слова, обозначающие другие варианты смеха: *chuckle* – посмеиваться или ухмыляться, что означает смеяться сдержанно, *giggle* – хихикать, что означает смеяться очень тихо. Эти слова подразумевают нечто меньшее, чем смеяться громко и заливисто, в свое удовольствие, от всей души. В качестве эквивалента, к слову, *хохотать* предлагается слово *guffaw* – гоготать, которое не является общеупотребительным в отличие от слова *хохотать* [46, с. 527-530].

Любое слово может быть нагружено эмоциональными коннотациями, а коннотация всегда эмотивна. В процессе исследования семантики лексических единиц эмоциональной сферы была выявлена «дихотомия номинации эмоций по типу оценочного знака», которую В. И. Шаховский объясняет следующим образом: «Если сравнить эмотивную лексику, взяв за критерий типоченочного знака, то во всех языках четко вырисовывается общая картина: эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, но употребляются они при общении друг с другом значительно реже, чем последние. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и

культур похожи, т.к. негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности при употреблении и синтагматическом комбинировании, что объясняется психологическим стремлением человечества к взаимопониманию в общении» [204, с. 18]. Также было выявлено, что «положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны».

Для полного раскрытия когнитивно-языковой природы эмоций целесообразно использовать термин "**эмоциональный концепт**", который состоит из атрибутивной и содержательной частей. Содержательная часть называет единицу сознания - память, а атрибутивная – область эмоционального опыта человека.

Исследователи, предпринимавшие попытки описания концептов эмоций (А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, В. Н. Телия, М. И. Лазариди, Р. К. Ормокеева и др.), указывают на их диффузный характер, трудность более или менее чёткой демаркации их границ на концептуальной карте языка. Так, В. П. Бабушкин отмечает сложности отнесения эмоциональных лексических концептов (*любовь, счастье, ревность* и т.п.) к тому или иному конкретному их типу: «мыслительным картинкам», «схемам», «гиперонимам», «фреймам», «сценариям», «инсайтам» [27, с. 35-36].

Эмоциональный концепт – это универсальное зародышевое ментально-структурное образование, отражающее типы и виды субъективной психикофизиологической реакции человека на воздействие внутренних и внешних раздражителей (зрительных, слуховых, вкусовых, обонятельных, тактильных, ирреальных, мыслительных и др.) в координатах «*жизнь – смерть*», «*добро – зло*», «*приобретение – потеря*», «*удовольствие – неудовольствие*», «*полезное – вредное*», «*приятное – неприятное*», проявляющееся в виде смыслов, представлений, образов, понятий, прототипов, гештальтов, фреймов, сценариев и прочих элементов в психике человека и материализуемое в языковых и неязыковых знаках носителей определенной культуры [150, с. 216-219].

Особенности национальных дискурсов, которые являются неожиданными и часто непонятными представителю иной культуры, демонстрируют существующие различия в культурных нормах речевого поведения, способы эмоционального реагирования на стимул, степени эксплицированности и экспрессии эмоций. Например, образ Бабы Яги в русских сказках вызывает у детей страх, а слово "бөө" (в переводе с древнекиргизского - "шаман") - у детей кыргызов. Это символы-концепты с этнокультурным содержанием [150, с. 216-219].

Совокупность концептов эмоций называется *эмоциональной концептосферой*. Эмоциоконцептосфера – основа эмоциональной языковой картины мира.

Эмоциональная языковая картина мира – это система языковых единиц, описывающая различные эмоциональные концепты и эмоционально-экспрессивные установки говорящего по отношению к объекту или процессу коммуникации. Она является частью языкового образа мира.

А. Вежбицкая в своей работе «Язык. Культура. Познание» классифицирует названия эмоций следующим образом:

- 1) негативные эмоции: *upset, sadness, grief, sorrow, despair* и др;
- 2) позитивные эмоции: *joy, pleasure, happiness, excitement* и др;
- 3) эмоции, представляющие субъектов негативных эмоций: *anger, fury, rage, madness, wrath* и др.;
- 4) само-эмоции, т.е. эмоции человека по отношению к самому себе: *guilt, embarrassment, humiliation, pride, shame, triumph* и др.;
- 5) эмоции, представляющие взаимоотношения людей: *hate, love, pity, respect, envy* и др. [45].

Базовые эмоции являются частью естественного развития человечества, они универсальны и узнаваемы во всех этнических культурах, но формы их выражения различны [46, с. 263-305]. Базовые эмоции четко выражены, но их количество варьируется, и нет однозначного мнения относительно

окончательного каталога человеческих эмоций (названо от шести до пяти тысяч человеческих эмоций).

В работах А. Вежбицкой последних лет значительно расширена эмпирическая база для выработки универсального семантического языка, применимого к разным лингвокультурам (английской, польской, русской (в том числе старославянской), немецкой, французской, японской, китайской, тайской и др. На обширном материале исследования обосновывается принципиальное для исследовательницы теоретическое положение об универсальности мышления и духовном единстве человечества, которые, однако, имеют национальную ограниченность. По мнению А. Вежбицкой, все эмоции могут быть, лучше или хуже, выражены и описаны на любом человеческом языке. Но у каждого языка есть свой набор готовых слов, обозначающих те эмоции, которые члены данной культуры признают как особенно заметные. При этом отмечается, что чем ближе две культуры, тем больше совпадение между их соответствующими наборами эмоций [224, с. 584—594].

Эмоциональное сознание говорящего субъекта требует эмоциональной рефлексии и её вербализации в лексических и фразеологических средствах языка. И те, и другие могут быть идиоматическими, если они не семантизируются вообще или семантизируются не полностью коммуникативным партнёром из другой культуры. Общее эмоциональное пространство человечества предполагает существование инвариантного эмоционально-смыслового поля, которое кодируется и воспринимается в лексических и фразеологических знаках языков. Эти эмотивные знаки обеспечивают как внутри, так и межкультурное общение на эмоциональном уровне.

Например, англичане, по сравнению с кыргызами, используют фатические эмотивы гораздо чаще и в них, как правило, содержатся разнообразные экспрессивные эмоциональнооценочные единицы: *gorgeous, lovely, beautiful, fantastic, marvelous, amazing, dazzling, superb, wonderful, fascinating, luxurious, breathtaking, sophisticated*. При этом исследователи предупреждают, что

семантика данных прилагательных не всегда соответствует их прагматическому значению и их не следует понимать буквально, поскольку эмоциональное состояние говорящего, как и высокая оценка действий, качеств адресата может не соответствовать его подлинному чувству или мнению. Эти прилагательные имеют эмотивный смысл и являются эквивалентами таких прилагательных, как *good* и *nice*. Такие прилагательные, как *glad* (кубанычтамын), *delighted* (ырахаттанамын), *happy* (бактылуумун) часто используются в повседневной речи, для которых кыргызские буквальные эквиваленты были бы неуместными. Фразы типа: *I'll be happy to come to your party; I'm very happy with this suggestion; What a happy coincidence* – говорят не о том, что говорящий «счастлив», а, скорее, о том, что он с удовольствием придет на ваш прием и что ему приятно ваше приглашение.

Кыргызы реже используют фатические эмотивы, они более прямолинейны в своем поведении и в своих оценках и часто не думают о том, что их искренность может обидеть партнера по коммуникации. В целом поведение кыргызов в фатической коммуникации является более сдержанным и менее экспрессивным. Ср.: – оценка свадебного торжества: *It was gorgeous. We had an enjoyable time. The bride looked absolutely fantastic. The food was exquisite.* – Бардыгы сонун болду. Мага абдан жакты; – комплимент: *Wow! What a gorgeous figure you have. You look like a model. I enjoy your beauty.* – Сен мыктысын; – прощание: *Thanks a million for a wonderful party. I loved it so much. Thank you very much for a lovely atmosphere. You are a star.* – Чоң рахмат. Баары абдан сонун болду.

Отмеченные различия в проявлении/демонстрации эмоций в английской и кыргызской коммуникативных культурах сказываются на стилях коммуникации: в фатической коммуникации эмотивность является неотъемлемой чертой английского стиля коммуникации, в то время как кыргызский стиль отличают эмотивная сдержанность и меньшая экспрессивность.

Следовательно, исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что несмотря на достаточную изученность языковых средств выражения эмоций,

вопрос изучения данной проблемы сохранил актуальность и сейчас. В большей степени это связано с тем, что отсутствует четкое определение эмоций и их классификации.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления.

2. Лингвокультурология, возникшая на «пересечении» ряда смежных наук, таких как: культурология, лингвострановедение, этнолингвистика, социоллингвистика, тесно взаимодействует с ними, но имеет по сравнению с ними свою специфику и свой особый, «интегративный» аспект изучения проблемы «язык и культура».

3. Лингвокультурология является новой исследовательской парадигмой процесса научно-культурной мысли о языке и культуре. Она не только расширяет диапазон исследовательской идеи, но и позволяет глубже и многограннее осознавать ее возможности.

4. Лингвокультурология как отдельная ветвь науки, способствовала появлению таких понятий как: «лингвокультурема», «язык культуры», «культурный текст», «языковая картина мира», «лингвокультурная парадигма», «ключевые понятия культуры», «культурные универсалии», «концепт», «концептосфера», «картина мира», «менталитет» и «концептуально-семантическое поле».

5. В своем развитии лингвокультурология прошла путь сначала от общей к собственно лингвистической культурологии, а затем от «нейтральной», «универсальной» к сопоставительной лингвокультурологии, в которой явления и элементы иностранного языка и культуры даются в сопоставлении с родным языком и культурой страны.

6. Совокупность чувств и переживаний человека образует эмоциосферу человека. Номинанты эмоциосферы, оформленные в языковых знаках и называемых ещё эмотивами, являются предметом изучения лингвоэмотиологии, лингвокультурологии и сопоставительной лингвокультурологии, которые предполагают системный подход к изучению этнокультурных особенностей поведения представителей различных лингвокультур.

7. Эмоции являются частью языковой картины мира определенной схемы восприятия действительности, зафиксированной в языке и тесным образом с ним связанной. Эмоциональная картина мира – это оценочная деятельность человеческого сознания при ментальном освоении фрагментов мира. Компоненты эмоциональной картины мира – это эмоциональные представления, эмоциональные понятия и, наконец, эмоциональные концепты.

ГЛАВА 2 МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВОВ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЧУВСТВ В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная глава посвящена исследованию средств эмоциональной выразительности в лингвокультурологическом аспекте в тексте художественного произведения: на материале романов английского классика В. Скотта «Роб Рой» (1817) и кыргызского писателя Т. Касымбекова «Сынган кылыч» (1966). Рассматривается роль эмоциональности. В связи с этим особый интерес исследователя направлен на изучение того, как эмоции выражаются в художественных текстах.

Объектом исследования являются лексико-фразеологические средства языка, выражающие эмоции человека.

Предметом исследования служит лингвокультурное своеобразие вербального и невербального выражения эмоций персонажей в романе Т. Касымбекова «Сынган кылыч» и в романе В. Скотта «Роб Рой».

Методологическую основу исследования составляют принципы и категории антропологической лингвистики, учитывающие синтез результатов философии, психологии, логики, когнитивистики и других гуманитарных наук, опирающиеся на результаты исследований в области лингвокогнитологии, лингвоконцептологии, психолингвистики, лингвистической прагматики, лингвокультурологии и других смежных дисциплин.

Для решения поставленных перед исследованием задач использованы следующие **методы**: метод контекстуального анализа, метод ситуативного анализа, метод описания, метод классификации, метод структурно-семантического анализа, интерпретационный метод, метод сплошной выборки, метод сравнительной типологии.

2.1. Методы сопоставительной лингвокультурологии

В ходе своего развития человеческая культура выработала самые разнообразные формы существования. Каждая культура создает различные системы знаков, являющиеся своеобразными ее носителями. Среди

всевозможных способов отражения национальной культуры выделяется уникальное положение языка как феномена общественного сознания. Способы кодирования и декодирования информации усваиваются в течение всей жизни человека как опыт именно той культуры, которую он представляет. Из-за различий между странами эти системы кодов обычно не сопоставимы друг с другом или, в лучшем случае, могут быть сопоставлены лишь ограниченно, что создает проблему понимания и восприятия чужих культур.

Понятие "язык и культура" объединяет интересы всех гуманитарных наук и является сквозной идеей, разрушая границы между дисциплинами, изучающими человека, потому как нельзя изучать человека вне его языка. Действительно, язык представляет окружающий человека мир. Без языка невозможны ни жизнь, ни сознание, ни мышление, ни чувства, ни история, ни общество. Язык является одним из видов человеческой деятельности и поэтому составной частью культуры, определяемой как совокупность. Все, что связано с человеком, находит свое отражение в языке. Язык есть не только «дом бытия» (М. Хайдеггер), но и способ бытия человека, сущностное его свойство.

Язык — это продукт культуры, ее неотъемлемая часть и условие ее существования; это и специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов. Являясь одним из основных компонентов национальной культуры, язык несет в себе не только конкретную лингвистическую информацию, но и культурные ценности, национальные особенности. Язык тесно связан с мышлением, в языке фиксируется мысль человека, поэтому при изучении языка, особенно иностранного, невозможно игнорировать культуру, вырастающую из языка; только изучая язык и культуру как единое целое, мы можем понять ее особенности и значение для носителей языка.

Теоретический анализ литературы показывает, что проблема взаимовлияния культуры и языка, находящие то или иное отражение в системе и функционировании языка рассматривалась достаточно широко. Первый этап в развитии этих взглядов связан с представлением В. фон Гумбольдта о том, что

"язык — это дух народа" [67]. Дальнейшее развитие декларации фон Гумбольдта о том, что язык есть прямое отражение культуры получило и было доведено до крайности американскими релятивистами (Ф. Боуз, Э. Сепир, Б. Уорф). С позиции американских релятивистов "язык представляется обладающим абсолютной и всеобъемлющей властью. Он устанавливает нормы мышления и поведения, руководит формированием логических категорий и целых понятий, пронизывает все стороны общественной и личной жизни человека, определяет форму культуры, сопровождает человека на всех этапах и ведет его за собой, как слепца" [85, с. 118].

С точки зрения американских релятивистов, «язык оказывается наделенным абсолютной и всеобъемлющей властью. Он устанавливает нормы мышления и поведения, руководит становлением логических категорий и целых концепций, проникает во все стороны общественной и индивидуальной жизни человека, определяет формы его культуры, сопутствует человеку на каждом его шагу и ведет его» [85, с. 118].

Э. Сепир предложил важную методологическую позицию, раскрывающую единство и специфику культуры и языка: Культура — это то, что делает и думает общество. Язык — это то, как они думают. Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой [176]. В этом отношении язык выступает как "внутренняя форма", выражающая культуру как внеязыковое содержание, а культура находится под непосредственным воздействием языка как процесс освоения человеком действительности и как фактор, влияющий на развитие человеческого общества. В этом состоит суть известной теории лингвистической относительности Э. Сепира-Б. Уорфа.

Теория американских релятивистов получила подтверждение в гипотезе о языковой картине мира. В то же время была высказана точка зрения, отвергающая прямую связь между языком и культурой, и идея универсальности языка обрела новую силу. В такого рода работах национально-языковые особенности отражались в единичных фактах, которые никогда не представляли собой целостную и единую систему.

В 90-х годах XX века лингвисты отказываются от крайностей перечисленных подходов и стремлением выявить тонкие взаимосвязи языка и культуры. В этом смысле очень показательной является точка зрения «идеолога» нового времени А. Вежбицкой, заявившей, что «крайний универсализм в изучении языка и мышления столь же неоснователен и опасен, сколь и крайний релятивизм в изучении культуры» [45, с. 238]. Пришло понимание такой взаимозависимости языка и культуры, которая не может быть однозначно описана в рамках практиковавшихся доселе подходов. Действительно этот период принес в науку о языке более взвешенные компромиссные решения, свидетельствующие об отказе от однозначности в трактовке взаимосвязи языка и культуры, поскольку язык — это и инструмент выражения культуры, и образование, само влияющее на культуру.

Понимание сложности взаимоотношений языка и культуры привело к появлению новых направлений в исследовании языка, фиксирующегося вокруг триады *язык - национальная личность – культура*. Это объясняется тем, что "отношения между языком и культурой могут быть правильно поняты только в контексте более широкой проблемы, которую мы могли бы назвать "человек и культура" [187, с. 45-53]. В данном случае речь идет о лингвокультурологическом подходе к изучению языковых единиц.

Лингвистика в XXI веке активно движется в направлении рассмотрения языка не просто как инструмента общения и познания, но и как культурного кода нации. Исследование «культурной» стороны языка является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Именно лингвокультурология способна решить задачи, возникающие при решении данного вопроса, на стыке культурологии, лингвистики и этнолингвистики, а также ряда других дисциплин. Лингвокультурологический аспект позволяет рассматривать культурно-языковую компетенцию.

Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. К исследователям, работающим в рамках лингвокультурного подхода относятся работы Ю. С.

Степанова, З. Д. Поповой И. А. Стернина, А. П. Бабушкин, В. И. Карасика, Е. Ю. Балашову, В. В. Красных, С. Г. Воркачева, В. А. Масловой, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубрякова, В. А. Воробьева, А. Д. Шмелева, Т. В. Булыгиной, В. Н. Телии, Ю. С. Степанова, В. Красных, Е.А., А. В. Костина, М. В. Пименовой, М. Л. Ковшовой др.

К лингвокультурологическим исследованиям кыргызстанских языковедов можно отнести труды Шеймана М. И., Зулпукарова К. З., Л. А. Задорожного, М. Дж. Тагаева, З.К. Дербишевой, У. Дж. Камбаралиевой, П. К. Кадырбековой, М. И. Лазариди, Б. Е. Дарбанова, К. Саматова, Г. А. Мадмаровой, Н. М. Варич, Т. В. Романевич, М. Х. Манликовой, Г. У. Соронкулова, В. Н. Каиповой Г. А. Бексултановой, Е. Н. Мурадымовой, Ч. Т. Сыдыковой, А. Н. Сулайманкуловой, Ж. А. Бекбалаевой, Р. К. Ормокеевой, Д. К. Мадаминовой и др.

В своей монографии «Кыргызский этнос в зеркале языка» З. К. Дербишева определила язык, менталитет и межкультурные отношения кыргызского этноса. В ее исследованиях языковая картина мира кыргызов, народная ментальность, народная философия, ценности и жизненные ориентиры отражаются через язык. В частности, ученый в рамках языкознания и лингвокультурологии анализирует ценности в жизни кыргызов, восприятие пространства и времени через язык, родственные отношения, этнолингвистический портрет кыргызов, эмоции кыргызов, образ кыргызской женщины, силу слова и сознания [76, с. 64].

В работах М. Дж. Тагаева рассматривается концепт как единица межъязыкового сопоставления и вхождения в инокультурное деривационное пространство [185]. Исследования К. З. Зулпукарова и его учеников внесли большой вклад в изучении языка в лингвокультурном аспекте.. У. Дж. Камбаралиева анализирует теоретические основы изучения языка с помощью когнитивного метода, основанного на понятиях «время/время». Работы М. И. Лазариди посвящены вопросам вербализации эмоциональных концептов в русском и кыргызском языках и греко-славяно-тюркским лингвокультурным

взаимодействиям. Г. А. Мадмарова в своих исследованиях обращает внимание на межкультурные концепты в тексте художественного произведения.

В Кыргызстане написано много научных работ и диссертаций в области лингвокультурологии: Н. К. Абдыракматова, Э. Т. Толокова, 2012, 2017, Г. А. Абыканова, 2011, А. Б. Нургазина, 2016, Р. К. Ормокеева, 2015, Б.Т. Борчиева, 2008, Б. Сагынбаева, Н. Ж. Чоңмурунова, 2017, Г. Ж. Болотахунова, 2016, Мадаминова Д. Б., 2020 и др.

В современной парадигме языка и культуры получили развитие следующие научные школы:

1. Школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова, которая по методологии схожа с концепцией Э. Бенвениста. Она направлена на диахроническое описание культурной константности.

2. Школа Н. Д. Арутюновой, которая занимается изучением универсальных культурных терминов, извлеченных из текстов разных эпох и этнических групп.

3. Школа В. Н. Телии, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа структуры фразеологизмов. В. Н. Телия и ее ученики изучают лингвистические сущности с рефлексивной точки зрения носителя живого языка.

4. Школа лингвокультурологии, созданная В. В. Воробьевым и другими в Российском университете дружбы народов. Она развивает концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова.

Несмотря на разнообразие трактовок, представителей этого направления объединяет интерес к культурным функциям языка, изучению образов мира, зафиксированных в языке, и его детерминированности культурным своеобразием конкретных этносов.

По определению А. В. Костина в основе лингвокультурологического подхода лежит идея о накопительной функции языка, в соответствии с которой язык фиксирует, хранит и передает опыт людей, их мировоззрение и восприятие мира [116]. Согласно этой концепции, язык является универсальной формой

первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразителем и носителем бессознательного спонтанного знания о мире и исторической памяти о социально значимых событиях в жизни человека. Язык, сохраняющий архаичные элементы мировоззрения, психологии и культуры, оказался одним из самых богатых и надежных источников информации для реконструкции культуры доисторического человека в условиях отсутствия письменных свидетельств.

Основная суть лингвокультурологического исследования содержится в изучении языкового выражения уклада жизни и традиций народа. Менталитет народа как «психологическая детерминанта поведения миллионов людей, как некий инвариант социально-культурных изменений» также попадает в сферу интересов лингвокультурологии, поскольку манифестируется в языке [57, с. 305]. К лингвокультурологическим относятся и чисто лингвистические работы, осуществляющие выход в "экстралингвистические сферы" и занятые поиском когнитивных, культурных и социальных объяснений фактам языка. Неизбежность опоры на внеязыковую реальность обусловлена пониманием того, что полное описание языковых структур, создание целостного и полнокровного "образа языка" невозможно без обращения к лингвокультурологической проблематике [179].

Для понимания языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, который закодирован во всем богатстве языка, лингвокультурология как область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры развивается исходя из:

- 1) стремительной глобализации мировых проблем;
- 2) необходимости учитывания специфических характеристик поведения и общения различных народов в решении разнообразных вопросов;
- 3) объективной интегративной тенденции развития гуманитарных наук;
- 4) необходимости освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (психология, социология, этнография, культурология);

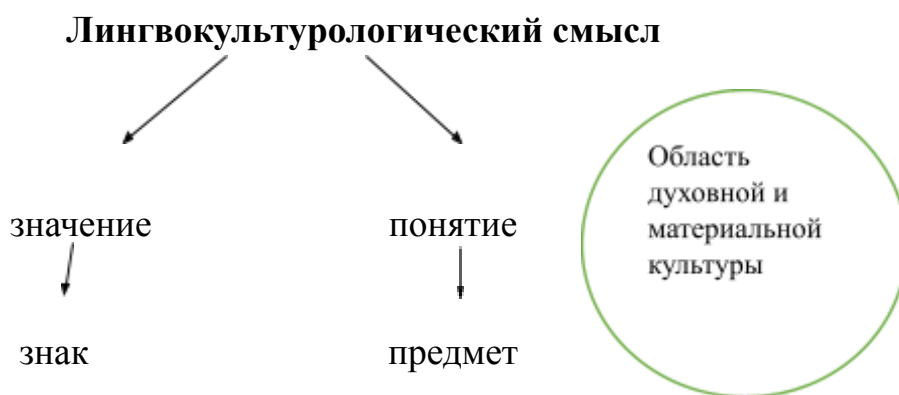
5) прикладной стороны лингвистического знания.

В область лингвокультурологических исследований входят

- 1) предметы и явления, уникальные для отдельной культуры;
- 2) концепты, определяющие специфику поведения данного народа;
- 3) мифология, отраженная в легендах, сказаниях, пословицах и поговорках, других фольклорных формах;
- 4) прецедентные тексты, своего рода культурный минимум, знание которого является обязательным для всех представителей данной культуры.
- 5) национальные символы, то есть образы, с которыми ассоциируют себя представители той или иной лингвокультуры.

Отдельный вопрос составляют правила этикета, свойственные той или иной культуре, во всей совокупности слов, жестов и мимики.

Ученый В. В. Воробьев выделяет факторы, определяющие лингвокультурологический смысл объектов исследования [57, с. 44]



В настоящее время лингвокультурология имеет несколько направлений:

- фразеологическое (Телия В. Н.)
- концептологическое (Вежбицкая А.)
- лексикографическое (Степанов Ю. С.)
- стилистическое (Ашурова Д. У.),
- лингводидактическое (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.) и др.

В лингвокультурологии особое место занимает еще один аспект – национально-культурный. Суть данного аспекта определяется тесной связью языка и культуры. Национально-культурное своеобразие проявляется в том, что языки различаются оценкой разнообразия оттенков внутреннего мира человека, его положительной или отрицательной реакции на явления бытия. Как утверждают многие исследователи, в частности, Д. У. Ашурова, сравнительно-сопоставительный анализ языковых явлений считается ещё более действенным способом раскрытия национально-культурного своеобразия семантики слова [24, с. 112-113].

Однако не всякий лингвистический анализ рассматривается как первичный и истинный способ раскрытия сути языковых единиц благодаря сравнительно-сопоставительному методу. Лингвокультурологические особенности лингвокультурного феномена можно раскрыть также благодаря рассмотрению их в парадигматическом окружении других единиц этого языка. В лингвистических источниках существует терминологический разнобой в обозначении национально-культурных особенностей языковых единиц: *национально-культурное содержание, национальная особенность, национальное своеобразие, особенности национальной культуры, национально-культурное своеобразие семантики, сема национальной отнесенности, культурный компонент значения, культурный коэффициент* и др. Для нас целесообразно применение термина *лингвокультурная особенность*, в котором подразумевается *национально-культурное изображение картины мира в семантической структуре лексической единицы*, выделение важного для этого народа элемента, особенности и явлений в языке.

В современной литературе «картина мира» соотносима с содержанием сознания и описывается как система, которая включает в себя как невербальные, так и вербализованные модели. Мир в человеческом сознании процеживается через сетку этих моделей и соответствующим образом интерпретируется. Таким образом, картина мира предстает как синтез когнитивного и нормативно-оценочного аспектов, поскольку синтезируемая в

ней действительность истолковывается под углом зрения определенной ее оценки и характер интерпретации «задает» человеку соответствующий способ действия и поведения.

Языковая картина мира (ЯКМ), исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире. Понятие языковой картины мира с одной стороны восходит к идеям Гумбольдта о внутренней форме языка, с другой стороны – к идеям американских этнолингвистов, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа [176].

Современные представления о ЯКМ в изложении Ю. Д. Апресяна выглядят следующим образом:

- каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации мира;

- выражаемые в нем значения складываются в единую систему взглядов, то есть коллективную философию, которая навязывается как обязательная всем носителям языка:

- носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков [18].

С другой стороны, ЯКМ является «наивной» в том смысле, что во многих отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений и способны служить надежным проводником в этот мир.

Понятие языковой картины мира включает связанные между собой, но различные идеи:

- 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира»)

- 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем другие языки.

К примеру, понятия *вода, земля, горы, дом* относятся к языковому культурному сообществу всех народов. Несмотря на то, что ключевые слова имеют универсальный характер, и соотносимы ко всем языкам, они наполнены ценной информацией, имеющая уникальный оттенок и раскрывают национальную культуру каждого языка. Одним из таких ключевых слов является лексема «дом». Лексема *дом*, в кыргызской и казахской языковой картине мира может объясняться лексемой «юрта». Юрта - основное жилище кыргызского и казахского народа, имеющее исторический характер. Это лингвистический символ, представляющий не только понятие жилья, но и имеющий лингвофилософское, лингвокогнитивное значение пространства. Как отмечал Е. В. Урысон, «...каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Другими словами, в основе каждого конкретного языка лежит уникальная модель или картина мира, и говорящий должен организовать содержание высказывания согласно этой модели...» [195, с. 3-21].

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия:

1) на основании анализа лексики языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке;

2) на исследовании отдельных характерных для данного языка концептов, обладающих следующими свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (например, в русском языке слова *авось, неприкаянный, совестно*), либо такой эквивалент имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (например, в русском языке *душа, счастье, пошлость*).

В качестве культурно маркированного признака в лингвокультурологии выступает лингвокультурема. Как утверждает В.В. Воробьев, лингвокультурема

как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. Для понимания лингвокультуры ученый большое внимание уделяет внутреннему содержанию, которое участвует в значении в виде возможности [57, с.44–49]. Как утверждают многие исследователи, в качестве лингвокультуры могут выступать единицы собственного и заимствованного пласта, названия *животных, растений, персон, паремиологические единицы, безэквивалентная лексика, языковые метафоры и образы, стилистическое богатство языка, мифизированные культурно-языковые единицы, обычаи, ритуалы и обряды, отражающие в языке, речевой* [152, с. 26-55].

Например, лингвокультура *сабырдуулук* (терпеливость) характеризует определённую культурную сферу кыргызского народа. Терпеливость одно из лучших качеств кыргызов. Для кыргызского менталитета характерно стремление не афишировать испытываемые чувства, проявлять скромность и умеренность в выплескивании наружу чувств и переживаний, самообладание. В связи с этим усиливается роль концепта “сабырдуулук” в традиционной системе ценностей кыргызской лингвокультуры. Не зря кыргызская пословица гласит: *Сабырдын түбү – сары алтын* (букв. На дне терпения – золото).

Следующий пример лингвокультуры: русский фразеологизм «задирать нос» – важничать, возгордиться, зазнаваться, смотреть на всех свысока. Аналогичное фразеологизм в кыргызском языке *мурдун көтөрүү*. Обе идиомы не требуют подробного описания, так как и в русской и кыргызской культуре они связаны непосредственно с самим процессом: когда человек высоко поднимает голову вверх, он тем самым задирет нос и вследствие этого ему не видно, что происходит вокруг него, внизу.

Сравнивая русские слова *счастлив, счастье* и английские *happy, happiness* можно обнаружить существенные расхождения между ними. По А.Вежбицкой, слово *happy* является «повседневным словом» в английском языке, а *happiness* обозначает «эмоцию, которая ассоциируется с «настоящей»

улыбкой» [45]. Для русского человека счастье, это такое чувство, от которого человек ощущает огромный прилив энергии, человек чувствует себя хорошо в наивысшей степени. Фразеологизм - «На седьмом небе от счастья» говорит о том, что человек очень счастлив. Русский человек представляет счастье как чувство гораздо более широкое и емкое, чем англичанин. Кроме того, в русском языке существует множество пословиц, поговорок и устойчивых сочетаний со словом счастье, несущих в себе огромный смысл: *счастье на крыльях, несчастье на костылях*», «*счастье дороже денег*», *ковать счастье, счастье – вольная птичка: где захотела, там и села. светиться от счастья, счастье переполняет* и т.д.

Итак, лингвокультурема предстает как комплексная межкультурная и основная единица лингвокультурологических исследований.

Когнитивной единицей языковой ЯКМ, которой оперирует сознание человека при контакте с миром во всех его проявлениях, является **концепт**. Он имеет сложную и многомерную структуру, что отличает его от литературного образа в художественных произведениях и многозначного слова в лингвистике.

Ключевой термин лингвокультурологии – **лингвокультурный концепт** (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик). Явления культуры и окружающего мира в сознании человека находят свое отражение во множестве концептов. Понятие концепта заимствовано из когнитивной лингвистики. Концепты являются продуктом человеческого сознания и выражаются с помощью языка.

Концепт – междисциплинарный термин; «с одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и многое другое» [179].

В «Кратком словаре когнитивных терминов» Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной дается следующее определение концепта: «Концепт – это термин, служащий объединению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры,

которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [227, с. 90-93]. По мнению авторов, самые важные концепты кодируются в языке и, как интерпретаторы смыслов, они все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям.

По мнению В. И. Карасика, концепт включает в себя три типа содержания: образное, понятийное и ценностное: “Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниции, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить” [109].

Лингвокультурный подход определяет концепт как **базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего** [107]. Концепт в таком случае является средством выявления взаимоотношения языка и мышления. В силу этого, можно указать следующие направления в современной лингвистике с общим предметом исследования – концепт:

ментальная деятельность [22, с. 267–280],

индивидуально-речевой [129, с. 280–287],

семантический [Михальчук И.П., Вежбицкая А.],

культурологический [Степанов Ю. С., Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.]

КОГНИТИВНЫЙ [Стернин И. А., Стернин И. А., Кубрякова Е. С., Кравченко А. Б.],

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ [Воркачев С. Г., Карасик В. И., Воробьев В. В., Телия В. Н.].

Культурный концепт как важнейшая категория лингвокультурологии, представляет собой неоднородное образование. Во-первых, обособляются более конкретные и более абстрактные концепты. При этом контрасте создается возможность рассматривать разноплановые категории, от таких концептов, как отношение к собственности, к старшинству к приватности, до отношения к важнейшим категориям этики, например, к счастью. Во-вторых, возможно анализировать концепты в конфронтации по способу их жанровой фиксации, например, концепты законов и норм поведения.

Следовательно, из слов, имеющих культурный компонент допустимо выделить три группы:

1) *Безэквивалентная лексика* – слова, не имеющие однословного перевода в других языках, которые есть в любом языке и диалекте.

Безэквивалентная лексика, в основном применяется для обозначения специфических явлений местной культуры. В случае заимствования в чужой язык безэквивалентные слова называют *экзотической лексикой (экзотизмами)*. *Экзотизмы* и *этнографизмы* не только раскрывают или толкуют чужую культуру, но и символизируют ее. К примеру, слова *спикер, дефолт, маркетинг, блокбастер, триллер, дилер, офшор, секонд-хенд* прочно ассоциируются с Англией; *банзай, сакура, суши, айкидо, камикадзе, гейша, икэбана, оригами, сакэ* – символизируют традиции японской культуры; *ак калпак, кымыз, жайлоо, акын, чабан, боорсок, жомокчу, (дубана/ колдун/, коргон, альчик, тамга, атбан, дулат, джарма, кереге, юрта, камча, джигит, тамыр, тебетей, комуз, чепкен, чапан* – экзотизмы из кыргызского языка.

2) *Лакуны* – отсутствие слов для значений, выраженных в других языках.

Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии серий специфических слов, но и в (отсутствии слов для значений,

выраженных в других языках. Так называемые "пробелы", "белые пятна на семантической карте языка", называют *лакунами*. Лакуны, как и безэквивалентные слова, можно обнаружить только при сопоставлении языков. Они проявляются вследствие различия соответствующих культур. Например, в английском языке кроме слова *lawyer* – “юрист, адвокат”, имеется еще несколько обозначений разновидностей адвокатской профессии: *attorney* – уполномоченный, поверенный *barrister, advocate* – “адвокат высшего ранга”. В русском этим обозначениям соответствует одно слово – *адвокат*.

3) *Фоновая лексика* – слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, известные говорящим и слушающим принадлежащим к данной языковой культуре. Поэтому фоновая лексика образует наиболее сложную группу, с точки зрения определения их национально-культурного содержания. Она представляет собой знания о социальной действительности, является важной составляющей коммуникативной компетенции. Незнание его приводит к многочисленным нарушениям языковой нормы или просто к построению бессмысленных для данной культуры фраз. К примеру, выражение *Жетинин бири кыдыр дейт* (Один из семи человек святой) в смысле везучий можно сопоставить с английским *on theseven's sky* – на седьмом небе (очень счастливый момент). Число семь у кыргызов – одно из самых часто встречающихся чисел в кыргызской национальной культуре. Как и у других народов, это число встречается в повседневной жизни кыргызов: семь дней недели, седьмое число в каждом месяце, в мифологии (эпос «Эр Тештюк»), в астрологии (Жетиген – Большая Медведица), в демонологии (жети баштуу желмогуз – семиглавый дракон), в религии (жети кабат асман – семь ступней до небес, до рая), в географии (Жети-Огуз – район побережья Иссык-Куля), в генеалогии (жети ата – семь колен родства), в пословицах (жети өлчөп бир кес – семь раз отмерь – один раз отрежь), и т.п. [183, с. 9-11].

По Ю. С. Степанову, концепт имеет три слоя:

- а) основной, актуальный признак;
- б) дополнительный, «пассивный», «исторический» признак, актуальный лишь для некоторых социальных групп;
- в) внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме, «открывающаяся лишь исследователям и исследователями» [179, с. 44].

Современная лингвистика выделяет два основных подхода в изучении концепта: **лингвокультурологический** и **семантико-когнитивный**.

При когнитивном подходе к концепту в центре внимания оказывается ментальная реальность человека (сознание человека, мыслительные образы), совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций, стоящие за словесными знаками, и вычленяемые путем анализа семной и семантической структур слова, характеристик его сочетаемости: “Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного сознания” [163, с. 7].

При лингвокультурологическом подходе нагрузка падает на культурную составляющую концепта: “Концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой” [56, с. 41]. Под лингвокультурным концептом понимается многомерное ментальное образование, включающее в себя ценностный набор понятий и образные элементы текста. Принципиальное отличие культурного концепта от других применяющихся в современной науке условных ментальных единиц состоит в том, что для концепта, при всей его многомерности, характерен пример *ценностного* отношения его к отражаемому объекту.

Именно в лингвокультурных концептах выражается картина мира этноса. Язык в наибольшей степени выражает этнические особенности восприятия действительности. Исследование культурных концептов языковой картины мира способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления народа как

образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной культуры. Менталитет этноса отражается именно через ключевые культурные концепты, благодаря которым можно составить представление носителей данной лингвокультуры об окружающем мире. Например, культурные концепты *эркиндик* (свобода), *үй-бүлө* (семья), *өмүр* (жизнь), *нан* (хлеб) караңгылык (тьма), *үй* (дом), *турмуш* (жизнь), *тынчылык* (мир), *очок* (очаг), *өлүм* (смерть), *согуш* (война), *жол* (дорога); внутренний мир человека: *ачуулануу* (гнев), *милдет* (долг), *бакыт* (счастье), *күнөө* (грех), *көңүл* (душа), *кайгы* (горе), *коркуу* (страх), *намыс* (совесть), *жсек көрүү* (ненависть), *уят* (стыд), *сагынуу* (тоска), *кубаныч* (радость) и т.п. могут характеризовать жизнь и быт кыргызов.

Т. Б. Радбиль отмечает, что «культурные концепты выступают в качестве основных единиц ценностной сферы языкового менталитета, организующих и направляющих народное самосознание в процессе духовного освоения мира. Их можно делить на разные группы в зависимости от сферы отражаемого в них ценностного содержания» Автор выделяет *философские* (бытийные, экзистенциальные) концепты, оперирующие глобальными категориями мироустройства (Бог, мир) или *мировоззренческие*, включая *религиозные* и *мифологические*; *антропологические* концепты, описывающие атрибуты человека – *индивидуальные*, *гендерные*, *семейные*, *социальные*, *производственные* (мужчина / женщина, род / семья); *этические* концепты (преступление / наказание, грех, подвиг); *эстетические* концепты (лад, красота); *психологические* (характерологические), отражающие разные аспекты внутреннего мира человека и этноса (удаль, тоска) и др. [168, с. 234].

Следовательно, концепты используются как когнитологами для изучения механизмов представления знания, так и лингвокультурологами, устанавливающими эвристическую ценность концепта как способ проникновения в глубинные слои культуры и национального сознания, что и указывает на особенность современных лингвокультурологических исследований.

Изучение национально-языкового мировоззрения этнических групп имеет огромное значение для развития межнациональных отношений и контактов между народами. Такого рода исследования являются ключом к пониманию характера, духовной культуры как отдельного человека, так и социальных групп, народов и человечества в целом. Именно поэтому лингвокультурные исследования на основе многих языков мира стали столь популярным современной лингвистике и получили развитие и в кыргызском языкознании.

2.2. Лингвокультурологический подход в изучении языковых явлений

Современная языковая реальность, вступление в эпоху глобализма и тенденция к интеграции — все это актуализируют исследования сопоставительного характера. Сегодня ни одна культура не живет в изоляции. Поэтому роль лингвистики и культурологии в оказании помощи людям в межкультурном общении становится все более значимой. Расширение географических и языковых границ, необходимость учета универсальных и специфических черт в поведении и общении народов, интенсивное изучение иностранных языков влекут за собой углубление культурного диалога, что, в свою очередь, стимулирует развитие прикладных аспектов лингвокультурологии, теоретической основой которых являются сопоставительные и контрастивные исследования [58, с. 191]. В этой связи особый интерес представляет для всех сопоставительная лингвокультурология.

Сопоставительная лингвокультурология возникла немногим позже лингвокультурологии, став логическим продолжением ее развития. Это относительно молодая наука, которая только начинает развиваться. Однако сопоставительные исследования двух языков (хотя и несистематические, неполные) имели место уже в далеком прошлом.

Значительный вклад в разработку методологии в области сопоставительного, типологического языкознания, теории языка внесли В. Г. Гак, Т. А. Золотова, Н. Д. Арутюнова, Е. А. Селиванова, У. К. Юсупов, М. К. Голованивская, М. М. Копыленко, А. Е. Карлинский. Необходимо отметить, что

вопросы сопоставительной лингвокультурологии активно разрабатывались и в Кыргызстане (К. З. Зулпукаров, М. Дж. Тагаев, З. К. Дербешева, П. К. Кадырбекова, З. К. Караева, Б. Т. Борчиева и др.)

По мнению И. А. Стернина, рост интереса к сопоставительным исследованиям вызывают следующие причины:

- потребность выявления универсальных черт языкового материала;
- стремление описать национальную картину мира носителей разных языков;
- необходимость совершенствования двуязычных словарей;
- интерес к изучению национальной специфики семантики и языкового мышления;
- расширение сферы преподавания иностранных языков [182].

Единого мнения о статусе сопоставительной лингвокультурологии не существует. Среди лингвистов ведутся споры на тему выделения данной дисциплины в отдельную область научного знания, либо закрепления за ней права на бытование в качестве направления в рамках общей лингвокультурологии.

Некоторые исследователи исходят из того, что сопоставительная лингвокультурология строится на несколько иной почве, чем общая лингвокультурология, и поэтому является "самостоятельным, сложным, научным и комплексным типом междисциплинарной отрасли науки" [11]. Однако большинство ученых отвергают сопоставительную лингвокультурологию как самостоятельную науку, признавая, что она существует только в рамках общей лингвокультурологии [137, с. 29].

Сопоставительная лингвокультурология имеет свою специфику и строится на несколько иной основе, чем лингвокультурология. В данном параграфе мы попытаемся определить сущность сопоставительной лингвокультурологии и основные ее принципы, на которых должно строиться любое лингвокультурологическое исследование сопоставительного характера.

Сопоставительный аспект исследования языка, как мы знаем, предполагает выявление универсальных и национально-специфических черт структуры и содержания языка и характеристику их типологических особенностей. В языкознании данное направление имеет длительную историю. Выявление сходства и различия языков, их исторические предпосылки всегда были в центре внимания ученых. В. В. Виноградов в свое время писал о важности сопоставительного метода: «Наряду со сравнительно-историческим изучением родственных языков возможно и даже необходимо сравнительное или сопоставительное изучение разносистемных языков» [50, с. 41].

По мнению В. В. Воробьева, сопоставительная лингвокультурология является прикладным аспектом общей лингвокультурологии, зародившимся скорее на стыке сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии и ставшим логическим продолжением последней. [58, с. 13].

По мнению Алимжановой Г. М., сопоставительная лингвокультурология – это самостоятельная, комплексная научная, интердисциплинированная отрасль науки синтезирующего типа, которая изучает процессы взаимодействия и взаимосвязей языков и культур как целостных структур единиц в единстве их языковых и внеязыковых (культурных) содержаний при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей); изучающая взаимодействие языков и культур в их функционировании; изучающая воплощение в живых национальных языках и проявление в языковых процессах материальной и духовной культур; изучающая описание языков и культур в их синхронном и диахронном взаимодействии [12].

В отличие от сопоставительной лингвистики, целью которого является сравнение сопоставляемых языков в целом, включая все структурные уровни - фонологический, морфологический, семантический и синтаксический, - сопоставительные лингвокультурологические исследования соотносят отдельные аспекты языка и преследуют следующие цели:

- проникновение в культурный фон, лежащий в основе языковых единиц;

- изучение и описание культурного пространства двух или более языков и культур через призму языка и дискурса;
- сопоставление двух или более различных языков с родным языком;
- выявление особенностей культурного фона каждого из сопоставляемых языков;
- изучение того, как каждый язык воплощает в своих единицах культуру храня и передавая её соответственно [137, с. 36-37].

Прикладным аспектом, основанным на таких сопоставительных и контрастивных исследованиях и является сопоставительная лингвокультурология, которая изучает и сравнивает языки через призму их родного языка.

Сопоставительная лингвокультурология исследует общность, различия, инаковость, взаимодействие человека, языка и культуры на материале разных лингвокультур. Мы исходим из того, что язык есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями, человек создает эту культуру, пользуясь языком; концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в естественном языке.

Основными понятиями сопоставительной лингвокультурологии являются: *национальная языковая картина мира, культурный концепт, лингвокультурема, национальная языковая личность.*

Картина мира – это совокупность представлений о мире, являющаяся результатом всей человеческой деятельности. Он создается у человека в ходе всех контактов и взаимодействий с внешним миром. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая деятельность человека.

Языковую картину мира мы трактуем, как совокупность сведений о мире, активизируемых с помощью механизма вербализации соответствующих культурно значимых сведений, а также знаний, хранимых и передаваемых от поколения к поколению с помощью вербального кода.

Культурные концепты выступают в качестве основной единицы ценностной сферы языкового менталитета, организуя и ориентируя самосознание людей в процессе ментального освоения мира.

Лингвокультурема – комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет).

Национальная языковая личность – это не только определенный культурно-психологический, социальный и языковой феномен, но и весь его материально-культурный «контекст» в его лингвокультурологическом понимании [59].

В качестве объекта сопоставительного лингвокультурологического анализа выступают две группы единиц:

1) номинативные лексические единицы, организованные в понятийно-тематические группы, а именно: музыкальные инструменты, наименования домашних и диких животных, пища (блюда, ингредиенты, способ приготовления, способ подачи), одежда, домашняя утварь, спортивные состязания, обычаи; антропонимы, топонимы, термины родства и т.д.;

2) номинативные фразеологические единицы, национально-культурная специфика которых проявляется в их образно-фоновой основе: соматические и анималистические фразеологизмы, идиомы с компонентами цветообозначения, фразеологизмы с жестовой семантикой, устойчивые сравнительные обороты и т.д.

Предметом сопоставительной лингвокультурологии является совокупность фундаментальных оппозиций, архетипических представлений, референций, символических представлений двух и более культур, являющихся архетипами, результатом человеческого сознания, зафиксированных в мифах, легендах, обрядах, фольклоре и религии, в дискурсе, отраженные в языковых единицах, элементах речевой деятельности человека, а также особенности самих этих единиц и элементов (внутренняя форма, структура,

иерархическая принадлежность, сочетаемость, частотность употребления, ассоциативная ореол и др.), выявленные на материале двух и более языков.

Методология сопоставительных лингвокультурологических исследований основана на понимании тесного взаимодействия языка и культуры, языка как инструмента познания культуры, обязательности отражения в языке культуры конкретного этноса.

Опираясь на существующие исследования по сопоставительному изучению языков, можно выделить основные принципы сопоставительного исследования:

– метаязыковой принцип конструируется как бы над культурой. В данном контексте (сопоставительного исследования), метаязык — это сумма релевантных хотя бы для одного поля архикультурем (лингвокультурем, имеющих общий классификационный характер, которые также являются связующим звеном между когнитивной системой и лингвокультурологическим полем), полученных в результате синтагматического анализа;

– принцип сравнимости предполагает сбалансированность степеней изучения сопоставляемых языков и определение функционально сходных явлений в них;

– принцип системности. Сравнению должны подвергаться парадигматические группировки (подсистемы, поля, лексико-семантические группы). Язык, как система совокупностей его элементов и отношений между ними, основывается на внутренних оппозициях в плане выражения и в плане содержания, что помогает его изучению в силу контраста. Тем не менее межъязыковые оппозиции мешают восприятию и владению иностранным языком;

– принцип терминологической адекватности состоит в создании общих для сравниваемых языков дефиниций;

– принцип достаточной глубины сравнения предполагает выявление всех существующих сходств и различий сравниваемых явлений;

– принцип двусторонности сравнения позволяет предвидеть все межъязыковые интерференции, выявить ранее незамеченные признаки сопоставляемых языков;

– принцип учета фацилитации и межъязыковой интерференции. Благодаря данному принципу сопоставительная лингвистика становится лингвистической основой обучения неродному языку [58, с.197-200; 208, с. 6-11].

При этом учитываются различные подходы к анализу. Так, например, некоторые ученые подразделяют для слова контрастивный подход на три уровня: *форма, значение, дистрибуция*. Под дистрибуцией понимается “не только формальное окружение слова, но и его использование в определенных контекстах и ситуациях” [60, с. 5-17]. В рамках нашего исследования вместо "дистрибуция" целесообразно различать "культурный фон", который несет в себе смысл этого слова.

Основой для исследования сопоставительной лингвокультурологии являются два или более различных языка, анализируемых с точки зрения отражения, хранения и сохранения культурной информации в языке и ее передачи через языковую единицу.

Сопоставительная лингвокультурология основывается на таких общенаучных принципах, как:

- 1) *синхронически-диахронический;*
- 2) *интерлингвистический;*
- 3) *комплексный;*
- 4) *семасиолого-ономасиологический;*
- 5) *логический и экспериментальный;*
- 6) *системно-семантический;*
- 7) *соизмеримости;*
- 8) *терминологической адекватности;*
- 9) *достаточной глубины сравнения;*
- 10) *эксплицитности сопоставления.*

К числу частнонаучных принципов сопоставительной лингвокультурологии мы относим следующие:

1. *Экспланаторность* – обязательное соотнесение некоторых констатируемых культурных различий в семантике языковых и коммуникативных единиц с более глубинными различиями в мировосприятии, мироощущении и миропонимании народа.

2. *Антропоцентризм* – человек является центральной фигурой языка и культуры как главное, действующее лицо мира, и как лицо говорящее. В сопоставительной лингвокультурологии основополагающей является триада «язык – нация (национальная личность) – культура».

3. *Этноцентризм* – рассмотрение взаимодействия особенностей культуры конкретных этносов с языковыми, коммуникативными единицами.

4. *Функционализм* – данный принцип мы вводим вслед за В. В. Воробьевым, который исходит из понимания лингвокультурологической компетенции, как не только знания всей совокупности лингвокультурем, но и раскрытия их характерных функций. Лингвокультурема может рассматриваться не только как дедуктивно данная единица, но и единица, рождаемая в тексте и получающая в нем свою конкретную специфическую реализацию. Система и текст, дедукция и индукция оказываются здесь тесно связанными как две стороны единого целого.

Для сопоставительных лингвокультурологических исследований используются следующие методы и определяются их соотношения с принципами:

1) сопоставительно-функциональный метод соотносится с принципом функционализма;

2) метод концептуального анализа соотносится с принципом экспланаторности;

3) метод фреймового анализа соотносится с такими принципами, как антропоцентризм, этноцентризм;

4) метод социолингвистики – интервью соотносится с принципом антропоцентризма, логическим и экспериментальным принципами;

5) описательный метод соотносится с синхронически-диахроническим принципом;

6) метод компонентного анализа соотносится с комплексным и интерлингвистическим принципами;

7) контрастивный метод – анализ соотносится с принципом инаковости;

8) метод семантического лингвокультурологического поля соотносится с семасиолого-ономасиологическим, системно-семантическим, собственно, лингвокультурологическим принципами;

Сопоставительная лингвокультурология, возникшая на стыке лингвокультурологии и сравнительного языкознания, имеет большой потенциал для развития. Сопоставительная лингвокультурология тесно связана с межкультурной коммуникацией. Это связано с тем, что сегодня, благодаря расширению международных связей и диалогу культур, вопрос о сходствах и различиях между языками и народами находится в центре научных исследований. Сегодня сформировалась лингвистика межкультурной коммуникации, целью которой является изучение роли языка в межличностном общении представителей разных лингвокультур. Без знания культурных особенностей, закрепленных в родном языке коммуниканта, межкультурная коммуникация не может быть полноценной и успешной.

Принципы сопоставительной лингвокультурологии становятся важными в процессе изучения языков и обучению им, позволяя продемонстрировать культурный потенциал языковых единиц, зачастую закодированный в языке.

Следовательно, ключевой особенностью сопоставительной лингвокультурологии является то, что она в равной степени учитывает культурный и языковой контекст. Это свидетельствует о том, что основными целями сопоставительной лингвокультурологии являются познавательная, информационная и кумулятивная функции. Основной целью является

коммуникативная функция, которая позволяет установить контакт в обществе, диалог культур и языков, межкультурную коммуникацию.

Сопоставительная лингвокультурология дает возможность выявить сходства и различия, которые впоследствии могут дать исследователям материал не только о структуре сопоставляемых языков, но и о культурном, духовном состоянии народов, чтобы в дальнейшем представить общую картину мира, отражающую индивидуальное видение нации или отдельно взятой личности, принадлежащий к тому или иному сообществу.

2.3. Материал исследования (краткий анализ художественных произведений)

В последние годы художественные тексты все чаще рассматриваются в лингвистике с прагматической точки зрения, с учетом всех экстралингвистических факторов, связанных с их функционированием, и обоснованностью воздействия текста на адресата. Отличительной особенностью произведений художественной литературы являются эмоциональность, выразительность и творческое проявление личности автора, которые создаются для удовлетворения эстетических потребностей как автора, так и читателя.

По отношению к литературному тексту можно утверждать, что она представляет большую ценность в контексте изучения специфики объяснения эмоций в культурно значимых текстах, поскольку является характеристикой культуры и способом передачи культурной информации. Проявление эмоций в художественных текстах представляет интерес для лингвистики. Это связано с тем, что, несмотря на изменения в языке и культурном фоне, выражение эмоций остается практически неизменным при этом «открывая пространство для многомерного представления мыслей и автора, и построения высказываний в них» [53, с.129-131].

Как известно, с целью создания практического воздействия на получателя информации, каждый автор художественного текста апеллирует к эмоциональному восприятию сообщения и насыщает текст выразительными,

стилистическими и красочными языковыми средствами. Строгих ограничений на использование лексики в художественном произведении нет, и, хотя для реализации определенных задач в художественную речь могут вводиться терминология, элементы делового стиля и разговорная лексика, основу художественного произведения составляет, прежде всего, **экспрессивная лексика**. Именно поэтому текст художественного произведения в первую очередь ассоциируется с миром человеческих чувств и эмоций, и именно с этой позиции он часто становится предметом первостепенного интереса лингвистов.

Одной из приоритетных теоретических и практических задач современной лингвистики является изучение особенностей функционирования художественных текстов в ситуациях межкультурной коммуникации и механизмов взаимодействия между текстами и их реципиентами. Художественные тексты знакомят читателя с идейной, эстетической, культурной, исторической, смысловой и эмоциональной информацией произведения, которая выражается через язык и влияет на его восприятие текста в целом.

Проблемой выражения эмоций в текстах занимались О. В. Александрова, В. В. Виноградов, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский (выделяет несколько сложившихся приоритетных направлений в лингвистике эмоций, среди которых он называет изучение эмоциональной окраски текстов), Т. В. Адамчук (тематизация эмоций в тексте), Д. В. Маркова, Н. А. Набокова (модернистские тексты, Г. Н. Ренко, В. Н. Набокова), Г. Н. Ленко, В. Н. Карловская, Н. Н. Орлова (художественные тексты, проза), О. С. Дадкин (тексты интервью), О. А. Шевченко (рекламные тексты) и другие ученые. Этот интерес к изучению природы эмоционального описания в текстах вполне закономерен, как справедливо отмечает в этой связи О. В. Александрова: "Изучение природы эмоционального описания в текстах - очень важный аспект изучения языка культуры. Когда мы говорим о соотношении устной и письменной речи, мы не должны упускать из виду, что письменная речь очень важна для языка культуры" [9].

В. И. Шаховский пишет, что в художественной литературе эмоции персонажей наблюдаются читателем не прямо. Конкретизируя эмоции необходимо связывать эмотивы с контекстным окружением. Субъектом, переживаемым эмоциями, служит и человек, и его часть, и природа и сама эмоция. Объект не только указывает источник и причину эмоций, но и особенность, индивидуальность мысли автора. Благодаря разным стилистическим приёмам богатый эмоциональный мир (сложные чувства, полярные эмоции, динамические переживания эмоций) изображён максимально полно **через мысли, физиологические проявления, речевые поступки и различные акции** (206, с. 66-68).

Л. Г. Бабенко говорит о том, что “именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения. В связи с этим художественный текст включает в себя не только информацию о действительности, но и сложный мир чувств, настроений, стремлений человека, они захватывают читателя, слушателя, зрителя не только своими идеями, но и эмоциональным отношением к жизни, ощущением прекрасного возвышенного. Эмоциональное содержание-непременный компонент семантической структуры текста, он пронизывается всю ткань произведения, не оставляя равнодушным читателя” (25, с. 102). В значительной степени отображение эмоций гарантирует неповторимость и целостность характеристики персонажей, а средства и способы, употребленные для выражения эмоций автором, показывают особенность и индивидуальность авторского стиля.

Л. Г. Бабенко выдвинула две основополагающие категории текста-автор и герой-носитель субъективного и объективного. По её мнению, чувства, которые автор приписывает персонажу, и чувства, испытываемые автором и выражаемые им, гармонически переплетаются и составляют эмоциональное содержание текста.

Эмоции, которые автор приписывает персонажу, включаются в структуру персонажей, выполняют разные функции в создании образа героя. В

соответствии с разновидностью функций эмотивные смыслы разделяются на три типа: 1) эмоционально-оценочные; 2) изобразительно-жестовые; 3) интерпретационные. Интерпретационные эмотивные смыслы используются при описании состояния, отношения, воздействия, качества и характеристики и олицетворяют скрытое состояние героя, являются основой создания образа персонажей. При анализе изобразительно-жестовых эмотивных смыслов надо обращаться к символам поведения и жеста персонажей. Выявление изобразительно-жестовых эмотивных смыслов вскрывает портретную характеристику героев. Эмотивные смыслы проявляются в оценочных высказываниях персонажей. Они характеризуются двояконаправленностью. Эмотивные смыслы не только выражают отношение говорящего к собеседникам, но и обнажают специфические качества его характера. Одним словом, выражение эмоции персонажа очень важно для характеристики героев, создания их образа (25, с. 117-122).

А эмоции автора в тексте определяют концепцию и ключевые события, направляются на эмоциональное заражение читателя. Иными словами, процесс чтения и понимания текста заключается в процессе установления концепции автора, экспликации его картины мира и возбуждения сочувствия. Чувства автора проявляются особенно в контексте, который содержит портретное описание, диалог персонажей и характеристика персонажей. С помощью анализа контекста, после понимания различных модальных эмотивных смыслов, мы можем узнать эмоциональную тональность этого текста, а следовательно, понять мировидение автора (25, с. 123-132).

Итак, художественный текст можно служить материалом исследования языковых средств выражения эмоций, так как эмоциональное содержание является одной из самых важных частей текста. В таком случае, центре внимания лингвистов находятся человеческие эмоции, выражающиеся через *мысли, физиологические проявления, речевые поступки и различные акции*. По их мнению, презентация эмоций в художественном тексте позволяет автору охарактеризовать своих персонажей, обосновать для читателя мотивы и

оправдания эмоциональных поступков и мыслей его персонажей. Автор описывает эмоциональные переживания персонажей с целью того, чтобы создать живой образ и личность персонажей, одновременно выражать определённое отношение к его картине мира. С другой стороны, именно эмоциональное содержание обеспечивает целостность структуры художественного текста, предлагает его эстетическую, когнитивную информацию. В художественном тексте при выражении эмоций, субъектом может быть не только человек, но и органы духовных чувств. Объект эмоций играет роль выявления причины, источники или содержания внутреннего состояния. Кроме того, наречие и прилагательное и другие части речи указывают обстоятельство (степень, время, причина) душевного переживания.

Изучение процессов вербального выражения эмоций, эмоционального состояния опирается как на лингвистические, так и на нелингвистические (пара- и экстралингвистические) факторы. В художественной литературе все перечисленные явления фиксируются разноструктурными номинациями. В данной главе диссертационного исследования рассматриваются различные способы обозначения эмоций героев анализируемых романов от описания эмоционального переживания до показа внешнего проявления эмоционального состояния через симптомы психологического характера (изменение цвета кожных покровов лица, звуковые и двигательные симптомы), мимико-жестикуляционное поведение, движения и позы.

«Эмоции героев художественных текстов представляют собой особую психологическую реальность. Совокупность их в тексте – это своеобразное множество, изменяющееся согласно развитию сюжета и отражающее внутренний мир персонажей в различных обстоятельствах, а также во взаимоотношениях друг с другом» [200].

Как известно, в психике человека преобладают отрицательные эмоции, т. к. они обладают более мощной силой воздействия на человека, чем позитивные эмоции. Именно эти эмоциональные состояния становятся стимулом к изменению индивидуумом своего поведения, которое отражается на отношении

к окружающим людям, к ситуации. «Репрезентация в художественном тексте негативных эмоциональных ситуаций и состояний имеет целью воздействовать на сознание и поведение реципиента». [115, с.75]. С. В. Коростова отмечает превалирование в целом средств выражения негативной оценки в языке и речи, что объяснимо психологически.

Анализ эмотивов в английском и кыргызском романах подтверждает тезис о том, что сюжет повествования, связанного с тяжелыми страницами истории кыргызского и шотландского народов, оправдывает большое количество негативных эмоций, выражающих отношение к врагам, с которыми ведется война.

Из английского романа В. Скотта «Роб Рой» и романа «Сынган кылыч» кыргызского писателя Т. Касымбекова были выявлены следующие эмоции:

Таблица 2.3. Английские и кыргызские эмотивы.

Английские эмотивы	Кыргызские эмотивы
1. Гнев, ярость, злоба, раздражение, возмущение, ненависть, месть; 2. Презрение, отвращение, пренебрежение; 3. Огорчение, досада, уныние, грусть, чувство унижения, разочарование; 4. Страх, тревога, горе, скорбь; 5. Радость, удовольствие, удивление; 6. Жалость, стыд, угрызения совести.	1. Горе, печаль, переживание, отчаяние, подавленность, страдание, плохое настроение 2. Гнев, ненависть, злорадство, ужас, жестокость, жажда мести, возмущение, раздражение, недовольство 3. Волнение, тревога, удивление, обида, разочарование, сострадание, раскаяние 4. Страх, испуг, оторопь, растерянность, безысходность, 5. Радость, удовольствие, хорошее настроение, успокоение, одобрение.
Эмотивы, характерные для кыргызского дискурса и отсутствующие в английском.	

Эмоции и чувства являются важнейшей составляющей литературных произведений. Именно через описание психологии героя убедительно и целостно создаётся его образ и одновременно отражаются противоречия и конфликты эпохи и общества. С другой стороны, выбор языковых средств выражения внутреннего мира персонажей в некоторой степени показывает особенность творческого стиля писателя и специфику литературы того или иного времени.

Номинации, обозначающие эмоции персонажей рассматриваемых произведений, связаны с описанием эмоционального состояния героев и создают эмоциональную насыщенность художественного текста. Представленный набор синонимичных обозначений эмоций для описания внутреннего и внешнего проявления эмоций кыргызского и шотландского человека формирует лексикон, характерный для любого языкового общества

Использование разнообразных номинаций эмоциональных состояний и эмоциональных реакций зависит в первую очередь от социального статуса героев, уровня его культуры, а также от самой коммуникативной ситуации.

Прежде чем приступить к детальному анализу эмотивной лексики в вышеуказанных произведениях, необходимо провести общий стилистический анализ произведений, чтобы лучше понять жанр романа в целом, а значит, уместность и функцию эмотивной лексики.

Как было уже сказано выше, лингвистические аспекты эмоций и эмоциональности остаются малоизученными. В художественной литературе эмоциональные состояния и эмоции отражаются с помощью различных средств выражения. Эмоциональность – многофункциональная категория художественных текстов, отличающаяся регулярным языковым, разговорным, стилистическим и коммуникативным выражением, отражающая в репрезентативных произведениях эмоциональный статус и ценностные ориентации какой-либо культуры. К этой категории относятся когнитивный,

прагматический и семантический компоненты эмоционального репертуара, каждый из которых имеет свой экспрессивный статус и свой способ выражения и наполнения художественного текста.

Любое произведение художественной литературы обладает эмоциональностью, выразительностью, проявлениями творческой авторской индивидуальности и создаются для того, чтобы соответствовать эстетическим потребностям как авторов, так и читателей. Художественный стиль является исключительным отражением действительности и, в отличие от других стилей, может передать все сферы человеческой деятельности и все гаммы человеческих эмоций. Лексические приемы не всегда напрямую передают эмоциональное состояние персонажей, но они помогают осознать эмоциональный фон и тон художественного произведения, передать образность и выразительность текста, позволяя читателю лучше понять эмоциональное состояние героев. Но прежде всего в тексте отражается языковая и концептуальная картина мира, демонстрирующая ментальность национально-культурной группы.

Тот факт, что В. Скотт (1771-1832) пользовался необычайной популярностью у европейских читателей, говорит о том, что его романы привнесли в общественное сознание того времени необычайно важное и новое для культуры XIX века. В своих романах шотландский писатель В. Скотт первым поставил вопрос об историческом бытии и судьбе народов с очень современной и актуальной точки зрения. Он стал первым великим новатором в английской литературе, создавшим роман с философским и историческим содержанием, который заинтересовал целое поколение европейских читателей. Новаторство В. Скотта заключается в том, что он создал жанр исторической беллетристики, который до него не существовал.

Романтизм в миропонимании Вальтера Скотта определил художественную композицию его произведений. Скотт всегда строит сложные авантюрно-романтические сюжеты, в которые вводит ряд случайностей, меняющих ход событий, встречается у него и фантастика (правда,

преподносимая как народные суеверия) [81]. Структура исторических романов Скотта отражает понимание писателем исторического процесса. Как правило, судьбы героев тесно связаны с крупными историческими событиями (революциями, восстаниями, мятежами), и их изображению уделяется основное внимание в произведении.

В произведениях Скотта, пожалуй, впервые в истории европейской литературы изображен простой народ – толпа крестьян, ремесленников, пастухов, рыбаков, воинов, а не выдающихся деятелей более или менее "простого статуса". И роман "Роб Рой" не стал исключением, здесь мы видим широкий и сложный портрет общественных отношений в Шотландии и Англии начала XVIII века. Автору удалось в одном произведении охватить жизнь всех основных слоев шотландского (и отчасти английского) общества - это характерная черта его исторических романов. История Англии и Шотландии раскрывается как процесс, как картина общественного развития, в ходе которого разрушаются старые отношения и целые классы и формируются новые. В романе писатель показывает неизбежность народных восстаний в условиях складывающегося буржуазного общества. Народ у Скотта действительно настоящий людской коллектив, объединенным движением, идеями, скептицизмом, общими интересами и страстями, способным действовать через естественные реакции на события.

Действие «шотландского» романа «Роб Рой» Вальтер Скотт отнес, в свою очередь, к знаменательной исторической дате — 1715 г. Если восстание 1745 г. оказалось последней значительной попыткой шотландцев добиться свободы, то в 1715 г. была предпринята попытка более ранняя. "Роб Рой" построен в форме автобиографических записок главного героя, рассказывающего о том, как на "заре туманной юности" он стал участником захватывающих приключений, связанных с заговором якобитов.

Вальтер Скотт описал героя – Фрэнка Осбалдистона, возненавидешего бесчеловечные законы, существующие в Шотландии, потому что был несправедливо и жестоко оскорблен, разорен и унижен теми, кто действовал от

имени крупного землевладельца, герцога Монтроза. Роб Рой – настоящий шотландский Робин Гуд. Он берет деньги у богатых и помогает бедным, люди любят его и считают своим защитником. Образ Роб Роя сочетает в себе романтические и реалистические черты. Роб Рой – глава клана горцев, реальная историческая личность. Это воин, сражавшийся против британского владычества, стал в сознании писателя идеальным историческим героем, символом своего времени и народа. Подвиги Роб Роя и его спутников народные сказители недаром вплели в песни и легенды. В романе Роб Рой - спаситель главного героя, Фрэнка Осбалдистона, и история рассказана в его честь.

Скотт значительно расширил границы романа. Как отметил известный литературный критик Б.Г. Реизов «никогда прежде роман не охватывал столько образов, сословий, классов и событий. Включение в единое повествование жизни целого народа, изображение индивидуальных судеб на фоне социальных катастроф, переплетение жизни простых людей с событиями государственного значения означало создание целостной философии истории, окрашенной единством исторического процесса и неразрывной связью интересов отдельного человека с интересами всего человечества» [169, с. 14]. Эта идея определяет многие особенности создаваемых Скоттом романов: диапазон композиций, контрастность образов, стиль и язык.

В свете поставленных перед данным исследованием задач, особо стоит обратить внимание на текст романа «Роб Рой» в прагматическом аспекте с учетом всех экстралингвистических факторов его функционирования, рассматривая эффективность его воздействия на адресата.

Как мы отметили выше, для достижения реального воздействия на получателя сообщения автор прибегает к эмоциональному восприятию сообщения и насыщает текст экспрессивными и стилизованными языковыми средствами. Язык персонажей своих исторических романов Скотт стилизовал до минимума, в соответствии с языком того времени, в котором он повествовал и изображал их. Для того чтобы погрузить читателя в прошлое, Скотт считал достаточными богатые культурные и фольклорные "зарисовки". Эти обильные

культурологические и этнографические "зарисовки" должны предшествовать развитию основных событий романа [54, с.11].

Согласно параметрам коммуникативного дискурса, роман «Роб Рой» оказывает значительное воздействие на читателя. Такой эффект достигается за счет того, что автор употребляет различные средства языка: синонимы, антонимы, метафоры, фразеологизмы, стилистически окрашенную лексику, ласкательные выражения и бранные слова т.п.

Диалоги у В. Скотта также становятся излюбленным средством социально-психологической и эмоциональной характеристики персонажей, объяснение их взаимоотношений, завязывание и разрешение конфликтов. По мере развития событий, разъясненных и подготовленных в начале романа, растет роль и количество диалогов.

Особо стоит обратить внимание на метафору, которая служит у писателя для создания художественных образов. Заранее ознакомив читателя с действующими лицами, Скотт дает им возможность действовать и говорить самим, причем их поступки и речь постоянно создают полное представление о характере каждого. Язык каждого героя романа должен был быть не только отличен от других, но и иметь свои специфические особенности за счет использования определенных метафор, пословиц, сравнений в присущем именно этому герою контексте, набор которых характеризует конкретную ситуацию и служит ярким способом реакции на нее.

В качестве примера можно привести использование метафоры из романа «Айвенго» В. Скотта любимцем Людовика цирюльником Оливье как средство язвительного смятения по поводу суеверия короля, что вывело Людовика из себя:

- *And in answer to your prayer, Saint Julian sent you **this long-legged work of Scotland?*** (- И в ответ на вашу молитву святой Юлиан послал вам это длинноногое произведение Шотландии?).

*Despite the fact that Olivier ... tried to offer his question in the most innocent tone, Louis felt the mockery hidden in him and cast an **angry look** at the speaker.*

(Несмотря на то что Оливье... постарался предложить свой вопрос самым невинным тоном, Людовик почувствовал скрытую в нем насмешку и бросил на говорившего **гневный взгляд**) [250, с. 21].

Вслед за Л.Г. Бабенко мы считаем, что, учитывая различный характер эмоциональной окраски эмотивных слов, необходимо принимать во внимание, что лексика того и другого множества предполагают выражение человеческих эмоций. Она соотносится с миром эмоций и отображает этот мир, следовательно, правильнее будет слить эти два направления в одно русло. Сохраняя за терминами "лексика эмоций" и "эмоциональная лексика" их традиционное осмысление, в нашей работе мы называем совокупность обозначаемых ими средств эмотивной лексикой [25].

Фразеологизмы занимают особое место в создании языковой картины мира. Сущность их значения тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с культурой, историей и традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологическая единица фиксирует в языке жизненный опыт народа, зафиксированный в типичной ситуации, где она получает обобщенный смысл. Значительная часть фразеологических оборотов любого языка берет свое начало из народных метафор, сравнений, метонимии, частей пословиц и поговорок. Такого рода образные выражения рождаются в сознании людей на основании рецепции явлений действительности, общественной жизни, географической среды. Благодаря этому народная метафора, сравнение и любой другой образный оборот повторяются в речевом общении при одинаковых или близких ситуациях. При этом они преобразовываются из свободных словосочетаний в воспроизводимые слова. В то же время устраняются второстепенные или ненужные компоненты таких выражений, упрощается их сочетаемость, переосмысливается значение.

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский объективно отмечают, что «внутренняя форма идиом представляет собой весьма сложное образование, влияющее как на план содержания идиомы, так и на особенности ее

употребления - от сочетаемости до условий функционирования в дискурсе» [32, с. 567].

Более того, когда носители языка используют идиомы, они не могут абстрагироваться от создаваемых ими образов. Образные экспрессивные элементы лежат в основе семантики фразеологизмов. Они определяют их идиоматическое употребление, а также (в той или иной степени) сохраняют и поддерживают экспрессивную оценочную природу идиом. Таким образом, подобно тому как картина художника или изображение на картине передают помимо мыслей еще и настроение, так и в большинстве образно-сохраняющих фразеологических выражений передаются чувства, настроения, экспрессивные оценки объекта мысли, которые в речи связаны со всем дискурсом.

Рассмотрим один отрывок: *“Holy Abraham!” he exclaimed, “he is a good youth and my heart bleeds to see the gore trickle down his rich embroidered haqueton, and his corslet of goodly price.”* - Праведный Авраам! - воскликнул еврей. - Он хороший юноша, и у меня сердце болит, глядя, как кровь сочится сквозь его вышитую куртку и течет по его панцирю, который недешево обошелся... [«Роб Рой», перевод Н. Д. Вольпиной].

Фразеологизм *heart bleeds* (досл. сердце кровотоцит) – сердце кровью обливается – здесь характеризует разговорный функциональный стиль с живой экспрессией. Под данным выражением подразумевается очень сильная эмоция – острое чувство душевной боли, жалости, сострадания, беспокойство или расстройство по поводу какого-либо события. Вообще фразеологические единицы с компонентом «сердце» со значением «что-либо доставляет мучения (боль, мысли и т.д.) встречается почти у всех народов: **рус.** *сердце кровью заливаеця, сердце кровью залилось, сердце болит, кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, страха, тревоги, сердце волнуеця; бел.* *сэрца крывёй абліваецца, сэрца балиць, ‘хто-нибуде адчувае моцны страх, жах’, сэрца хвалюецца; нем.* *jmdm. blutet das herz (у кого-л. кровотоцит сердце) das herz tut weh, herz ist besorgt; кырг.* *жүрөгү канжалан кетти, жүрөк ооруйт, кимдир бирөө коркуудан, тынчсыздануудан оор акыбалда, жүрөгү толкундан*

жсатат; каз. жүректен қан кетеді, жүрек қанға толы, біреу қорқыныш пен үрейдің салдарынан қиын жағдайға тап болады, жүрегім ауырады, жүрегі уайымдайды и т.д.

Для более яркого и точного выражения своих психологических переживаний и поведения, люди издревле были склонны использовать названия внутренних органов и частей тела. Это послужило продуктивной базой в создании фразеологического корпуса всех языков. Л.А Сайфи отмечает: «Широкие связи соматизмов с реалиями окружающего мира порождают условия для символизации функций различных частей тела, для образования сложной системы переносных значений у лексем данной группы и способствуют фразеологизации соматических словосочетаний» [Сайфи Л.А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка). Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Уфа, 2008. с. 4].

Компонент «**кровь**» в выражении чаще всего передает состояние внезапного гнева, досады. Присутствие данного компонента во фразеологизмах показывает также теснейшую связь с такой базовой архетипической оппозицией, как «жизнь-смерть», лишение крови оказывается равнозначно лишению жизни:

В русском языке: *проливать кровь, кровь кипит, плакать кровавыми слезами, кровопийца.*

В английском языке: *shed blood, blood boil, cry bloody tears, bloodsuckers.*

В кыргызском языке: *кан төгүү, каны кайнайт, кан ыйлап, канымды ичет.*

Следующее выражение «*Miss Vernon's from being earnest became angry. Her eyes and cheeks became more animated, her colour mounted, she clenched her little hand...*» - Серьезность на лице мисс Вернон сменилась негодованием, глаза и щеки ее пылали; она стиснула маленький свой кулачок...[«Роб Рой», с.543, перевод Н. Д. Вольпиной]. В данном примере словосочетанием *became more* (становиться более оживленным) автор передает переносное значение –

становиться красным, горячим от прилива крови. Фразеологизм *colour mounted* – употребление которого в русском переводном тексте не привело бы к каким-либо изменениям в прагматической функции данного высказывания.

Культурные смыслы, которые несет в себе сердце и кровь, тесно связанных между собой: символ жизненной энергии и носители сильных чувств и эмоций. Иными словами, фразеологические единицы с компонентом «*сердце*» и «*кровь*» во всех языках характеризуют между духовным и телесным, материальным и идеальным в жизни человека, эмоциональный мир человека.

В романе Скотта встречается множество выражений на шотландском, французском и других языках. Рассмотрим следующий пример:

Восклицание *My conscience!* (досл. Моя совесть!). На русский язык данное выражение можно перевести как Честное слово! («Роб Рой», перевод Н. Д. Вольпиной). Он относится к разговорно-функциональному жанру и имеет определенный способ выражения эмоции.

В следующем примере из романа «Роб Рой» мы находим фразеологизм, который усиливает данный отрывок в экспрессивном и стилистическом аспектах: *I had sense enough to consider the neighbourhood of this singular young lady, and the chance of our being thrown into very close and frequent intercourse, as adding to the dangers, while it relieved the dullness of Osbaldistone Hall* – У меня было достаточно здравого смысла - я понял, что соседство этой странной девушки, возможность постоянного и близкого с нею общения делали для меня Осбалдистон-холл менее скучным и тем самым более опасным (перевод Н. Д. Вольпиной). Данное выражение – *I had sense enough* (У меня было достаточно здравого смысла) означает способность вести себя спокойно; не утрачивать самообладание, не впадать в панику, иметь здравый смысл, несет в себе эмоциональные переживания.

Таким образом, проанализировав роман В. Скотта, мы попытались оценить коммуникативно-прагматические сферы произведения «Роб Рой» в эмоциональном отношении. С помощью использования лексических средств В. Скотт передает колорит эпохи, какой-либо местности или социальной группы,

при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния героев. Несомненно, без языковых средств произведение «Роб Рой» было бы всего лишь изложением сухих исторических фактов и не производило бы на нас эмоционального впечатления.

Многочисленные исследования (Дж. Милгейт, М.М. Елизарова, Б.Г. Реизов, Д. Ю. Коврякова, Т. Г. Лазарева, Д. К. Демина и др.) показывают и сегодня актуальность творчества В. Скотта.

Обращение в нашем исследовании к роману «Сынган кылыч» («Сломанный меч») кыргызского писателя XX-XXI века Тологона Касымбекова не случайно. Как и Вальтер Скотт, Тологон Касымбеков (1931–2011) один из первых писателей в кыргызской литературе, который смог подняться на совершенно новый уровень в написании исторического романа, И. В. Скотт и Т. Касымбеков описывают бурные и сложные исторические события своей страны. Исторический роман «Сынган кылыч» автор написал в возрасте сорока лет. Это произведение было переведено на все советские языки, а в 1980 г. даже на английский.

Однако судьба романа была намного тяжелее по сравнению с романом шотландца Скотта. Советская цензура часто испытывала Тологона Касымбекова на прочность. И за свое произведение Касымбеков был клеймен как «извратитель истории». Критические статьи о нем часто публиковались в соответствующих газетах и журналах. Писатель собирал эти статьи и затем издал книгу "Рухту көтөргөн улуу сөз" ("Великие слова, поднимающие дух").

После обретения Кыргызстаном суверенитета произведения Т. Касымбекова стали переиздаваться. Этот широко известный исторический роман перетерпел пять изданий, в котором по материалам посольства Кыргызстана были заново рассмотрены многие исторические факты, события и смыслы, не «пропущенные» в свое время советской цензурой из-за жестких ограничений на художественную литературу той эпохи.

Тологон Касымбеков - один из выдающихся писателей Кыргызстана, внесший неизмеримый вклад в духовное развитие народа. Его роман «Сынган кылыч» стал своеобразным учебником этнической истории, позволяющим многое узнать о прошлом кыргызов в период распада ханства и вхождения Российской империи в Среднюю Азию. В романе автор описал период присоединения Киргизии к России. Острые внутренние конфликты и кровавая борьба за власть раздирают Хокандское ханство XIX века, в состав которого входят земли кыргызских кочевников. С мастерством художника, Касымбеков расписывает пеструю, восточную и полную интриг, махинаций, тайн и откровенных убийств сложную жизнь ханской верхушки и место кыргызской элиты в ней.

Не забыта и роль духовенства и общественных лидеров. Особенно это касается жизни людей на низшем уровне общества, на плечи которых легло тяжелое бремя политических потрясений и межплеменных войн. Личные судьбы героев романа органично переплетаются с судьбой страны в целом. Наиболее удачной частью книги является изображение народного восстания, под предводительством Исхака трагически погибшего в ходе борьбы.

Касымбеков сумел удачно воссоздать образ многих ханов, особенно Кудаяр-хана, Алымбека, Нузупа-аталыка, Абдырахмана-афтобачи. Образ хитрого, по-восточному коварного и жестокого Абиль бия единодушно признан среди критиков романа творческой удачей писателя, Абиль бий считал, что все средства хороши, включая интриги и тайные убийства, для достижения своей высшей цели и главным элементом в его жизни была власть – власть управлять людьми. Его образ развивался параллельно с образом народного героя Бекназара. Их судьбы, которые, как капля солнца в капле воды, отражают всю драматическую и болезненную историю переходного периода на юге Кыргызстана и драматического распада всего Кокандского ханства.

Особо следует отметить богатство языковых средств романа. Умелое использование особенностей кыргызского диалекта, особая окраска лексики, связанной с разговорным языком южной части Кыргызстана, точные языковые

характеристики героев, прекрасно изображенные батальные сцены, реалистическое разворачивание исторического процесса, где движущей силой всех перемен является народ, глубоко тектонические изменения в жизни и быте народов горных и степных районов Ферганской долины.

Исторический роман «Сынган кылыч» известен также тем, что в нем показано использование автором невербальных средств для решения многочисленных творческих задач. В частности, невербальные средства описания выражают тонкие психологические состояния персонажей, их взаимоотношения, различные символические значения и многие другие моменты художественного повествования.

В художественном тексте автор очень часто обращает внимание читателей на манеру, на формы поведения, на невербальную составляющую героя. Форма невербального поведения персонажа в художественном произведении — это не просто совокупность внешних деталей поступка, а некое единство, тотальность, целостность. Невербальное поведение персонажа придает его внутреннему существу (обстановке, мироощущению, мировоззрению) отчетливость, определенность, завершенность и является наряду с духовным ядром и формами сознания важнейшим лицом персонажа в целом и является частью произведения. Анализируя невербальные формы поведения героя, мы получаем возможность яснее понять особенности авторской позиции и смысл произведения в целом, глубже понять образ героя [61, с. 10].

Для иллюстрации высказанных выше мнений приведем некоторые фрагменты исторического романа «Сынган кылыч», где имеют место описания символических жестов. В частности, в контексте упомянутого романа имеют ряд символических значений такие жесты, как «тооп кылуу» (почитание, почтение), «далысын салуу» (отвернуться, повернуться спиной), «бата кылуу» (благословение, доброе напутствие), «колун бооруна алып салам берүү» (чтобы выразить почтение, руки сложить на груди) и т. д.:

– **уважение:** ...*Сарбаздар дуулдап алик алышып, сынаалык үчүн колдорун бооруна таазим кылган болушуп калды (кырг.)* [248, с. 125] – ...*И они*

нестройно ответили ему, и каждый склонился, почтительно сложив руки на груди [248, с. 103].

– **почет, уважение** ...*Эшим леп тура калып, оң ныптасына байлана келген Темирдин кылычын чечип кош колдоп, Теңирбердинин алдына алпарып, тизе бүгүп сунду* [248, с. 42] – При этих словах Эшим **быстро поднялся** и, отвязав от своего пояса Темиров меч, **взял его в обе руки** и поднес Тенирберди, почтительно **преклонив перед стариком колени** [248, с. 30].

– **повиновение:** *-Лапбай, ханике айым... - деди колун бооруна алып босогого токтой калды (кырг.).* [248, с. 112] – *Слушаю, высокочтимая повелительница... Прижав руку к сердцу, евнух застыл у дверей* [248, с. 100].

Бир гана жолу нары карап баскан далысын көрдүм. Эмне болду экен?..” Исхактын жүрөгү шуу дей түштү. “*Нары карап кеткен! Ошол жексурлук кылып кеттиби!?”* – деген ой заматта кылт этти. **Жүрөгү дүкүлдөп** башын чайкады. Көптөн бери кайтарып жүргөн батыр баишысын чыккынчылыкка кыя албады. “*Өлсө кармашып өлдү! Өлбөсө мага окшоп тирилей көрдө жатат!*” – деп өзүн-өзү алаксытты. Бирок, Атакул батыр башынын үңкүйгөн далысы көзүнө кайрадан көрүнүп, көңүлүн эки ача кыла берди....– «Только один раз я увидел его в спину. Что же случилось?..» **Сердце** Исхака **ёкнуло**. “Он ушел в сторону! Он сделал эту мерзость!?” моментально промелькнула мысль. Он покачал головой, **сердце его колотилось**. Никак не мог он поверить тому, что вождь-батыр, которого он долгое время охранял, мог быть предателем. «Он погиб в бою! Если он не умрет, то воскреснет в могиле, как и я!» - стал отвлекать он себя от подозрений. Но вдруг перед ним снова появилась сутулая спина Атакул Батыра, и он растерялся....

В данном отрывке уместно будет вновь обратить внимание на фразеологическую единицу, показывающее волнение человека – **жүрөгү шуу дей түштү, жүрөгү дүкүлдөп**. Она является полным эквивалентом приведенной русской фразеологической единице **сердце ёкнуло, сердце его колотилось**. Эквивалентом можно считать и английское *heart skipped a beat, his heart was pounding*.

– **проклятие, презрение, ненависть:** *Айланбай жерге кир!* – Абил бий *Мадыл тооп кылганга тырмышып жаткан этегин булкуп алды* [248, с.198] – **Чтоб ты провалился!** Абил бий отдернул свой подол от падающего к нему в ноги [248, с.229].

В зависимости от психического состояния человека часто описывается **взгляд** как «зеркало души». С этой точки зрения, согласно цели нашего исследования, на основе отрывков можно проанализировать различные движения глаз, их семантику при обмене информацией, национальные особенности разговора в романе Т. Касымбекова «Сынган кылыч».

Например, *Дуулдап тосо чыгып, жардап турган элдин түрүнө астыртан серп салып, тик көздөрү менен ар тарабын бат-бат чалып келатты. Элдин көзү анда. Кай бирөө кызыгып, кай бирөө таңыркап тиктеп ич ара шыбырашып узатып турушту. Абил-бий эл арасынан шыбырларды угуп, аларды эңкее карап түртүшүп тургандарды көрүп келатты* [248, с. 43]. Он вышел на громкий гул толпы, посмотрел на аплодирующих людей неподвижными глазами и торопливо стал во всех направлениях. Глаза людей прикованы к нему. Некоторые с любопытством, некоторые **изумленно смотрели** на него и перешептывались друг с другом. Абиль-бий услышал шепот толпы и, посмотрев вниз, увидел, как толпятся люди [248, с.52].

– **досада, огорчение:** *Өз сөөлөтүн тутуп Кудаяр башка жакты тиктеп турду. Абдырахман негедир жылдызы жерге түшүп, жер тиктеп катып турду* [248, с. 68]. *Кудаяр промолчал и отвернулся. По какой-то причине потухла звезда и Абдырахмана, он опустил глаза* [248, с.72].

– **угодливость, заискивание:** *Насирдин гана кубанычын жаба албай, көзү эркелеген иттин көзүндөй болуп, жылмаңдап, шыйпаңдап фон Кауфманды жалжал карайт* [248, с. 43]. *Только Насирдин не мог скрыть своей радости, его глаза словно глаза избалованного щенка, засверкали и заискивающе смотрели на фон Кауфмана* [248, с.126].

– **негодование, раздражение:** *Исхак кайрылып карап, мелтейип тиктеп, аксап басып мындай деди....*[248, с. 89]. Исхак повернулся,

пристально уставившись на него, он прихрамывая подошел и сказал...[248, с. 94].

Особое место в романе занимают *зооморфные сравнения* при описании эмоций героев. Как известно зооморфные номинации выступают универсальными и национально-специфическими образно-символическими смыслами. Зооморфизмы выявляют межъязыковые универсалии и национально-культурную специфику зооморфных номинаций. Они предполагают сопоставление объекта речи с понятием, которое предполагает эмоциональную оценку и ассоциируется со стереотипом конкретного животного.

Приведем некоторые сравнения:

– **смущение, неловкость:** *Урулугу кармалган мышыктай бурүшүп, алдыма кайра отуруп калды* [248, с. 291]. Сжавшись, **как кот**, пойманный на воровстве, он снова сел передо мной [248, с.301].

– **гнев, злость:** *кара жырткыч куш сымал, ыркырап турган илбирстей.*

– **бессилие, безысходность, разочарование:** *канаты сынып бийиктен түшкөн буркүт сыяктуу; Исхак өлүм менен эрегишкендей, капаска түшкөн буркүткө окшоп* – как орел, падающий с высоты со сломанными крыльями; Исхак как орел в клетке, сражающийся со смертью.

– **угодливость, заискивание:** *Насирдин гана кубанычын жаба албай, көзү эркелеген иттин көзүндөй болуп, жылмаңдап, шыйпаңдап фон Кауфманды жалжал карайт* –Только Насирдин не мог скрыть своей радости, его глаза **словно глаза радостной собаки**, засверкали и заискивающе смотрели на фон Кауфмана.

Краткий анализ некоторых отрывков романа «Сынган кылыч» позволяет нам сделать следующие выводы: изображение символических жестов, взглядов, наряду с другими невербальными элементами и зооморфизмы придает художественному тексту ясность, определенность и завершенность, а значит, является необходимым элементом языкового материала произведения искусства. Это связано с тем, что описание каждого символического жеста

обусловлено реализацией максимальной достоверности художественного образа. Каждый символический жест в романе максимально показывает эмоциональное состояние героев, придавая реальность тому или иному художественному образу.

Обе книги романа Т. Касымбекова «Сынган кылыч» были очень тепло приняты любителями искусства и слова, и интерес к нему не ослабевает до сегодняшнего дня. По творчеству Т. Касымбекова проведено немало исследований. Профессор Токтосун Аширбаев в своей диссертации исследовал языковые и стилистические особенности произведений Т. Касымбекова. В 2011 году У. Култаева написала докторскую диссертацию на тему «Кыргызский исторический роман: типология и жанровая характеристика». Ряд молодых ученых также посвятили свои исследования творчеству Т. Касымбекова в различных аспектах.

Книга "Сломанный меч" внесла значительный вклад в формирование кыргызской ветви исторической прозы. Из этого можно сделать вывод, что Тологон Касымбеков является основателем и отцом кыргызского исторического романа. Несомненно, исторические романы Т. Касымбекова, занимают уникальное место в общем контексте кыргызской литературы второй половины XX века. Большое влияние на многих писателей оказал роман "Сынган кылыч", после которого появились не менее 40 романов, повестей и пьес в той или иной форме затрагивающие историческую тематику.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Сопоставительная лингвокультурология призвана выявить общность и различие во взаимодействии двух и более языков и культур. Взаимодействие языка и культуры анализируется сквозь призму языка дискурса и культурного фона коммуникативного пространства.

2. Контрастивный метод описания, который является доминирующим в сопоставительной лингвокультурологии, может выявить не только структурные и функциональные особенности сравниваемых языков, но и национальное своеобразие народов и их культур.

3. Сопоставительная лингвокультурология строится на несколько ином фундаменте, чем общая лингвокультурология, и поэтому является "самостоятельным, сложным, научным и комплексным типом междисциплинарной науки".

4. Художественные тексты представляют собой сложные системы, состоящие из авторских вымыслов и представлений об объективном мире. Поэтому целью художественного текста является создание эмоционального воздействия на читателя.

5. Категории эмотивности выражаются в текстах художественных произведений при помощи различных языковых средств, в том числе фонетических, графических, морфологических и синтаксических. Среди языковых средств выражения эмоций важное место занимают лексические средства.

6. Анализируя и сопоставляя лексические средства эмотивности на основе художественного текста, можно выявить и сравнить общие и различные составляющие языковой картины мира в разных языках и лингвокультурах и определить особенности языкового сознания сопоставляемых народов.

ГЛАВА 3 РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ И ИХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА «РОБ РОЙ» И ТОЛОГОНА КАСЫМБЕКОВА «СЫНГАН КЫЛЫЧ»/ «СЛОМАННЫЙ МЕЧ»

В данной главе предлагается анализ выражений, при помощи которых описывали эмоции своих персонажей английский писатель В.Скотт и кыргызский писатель Т.Касымбеков; выявить общие и специфичные эмоции двух народов, представленные в исследуемых романах. «Особое внимание вызывает в свою очередь репрезентация эмоций в художественном тексте, поскольку данная форма является наиболее гибкой, восприимчивой к любым изменениям в языке и культуре, предполагая большую свободу выражения авторской мысли и построения высказываний» [86, с. 18—24].

3.1. О способах выражения эмоций в романах «Роб Рой» и «Сынган кылыч»

Почти все события жизни отражаются в сознании человека посредством эмоций. Все окружающее: природа, люди, здания и т.п. влияют на наши ощущения. В когнитивной теории эмоций обосновывается идея о том, что фундаментальные эмоции образуют основные структуры сознания. То есть поведенческие, физиологические, экспрессивные аспекты эмоций обуславливаются предшествующим им когнитивным этапом. Человек до осознания предметно логического значения высказывания оценивает его эмоционально оценочное значение [155, с. 314].

Эмоции народа можно считать культурным кодом этого этноса, и соотнося его с эмоциями другого народа, можно определить специфику и сходство их лингвокультурных кодов. Стоит отметить, что использование эмотивной и оценочной лексики является наиболее продуктивным способом выражения эмоций в художественном тексте.

В исследуемом романе Т.Касымбекова было выявлено 362 отрицательных эмотива и 55 положительных эмотивов. В романе В.Скотта

«Роб Рой» выявлено 13 положительных выражения эмоций и 265 отрицательных. Если обратить внимание на выражения, которые использовал Т.Касымбеков для выражения эмоций своих героев, то можно подтвердить, что выражение отрицательных чувств встречается намного чаще, чем положительных. Как уже было сказано выше, это связано с тем, что автор повествует об очень трудном времени в истории кыргызского народа, о его борьбе и страданиях.

«Принадлежность человека к национальной культуре проявляется на всех уровнях ЯЛ. На когнитивном уровне - в специфике концептов и фреймов, на языковом - в специфике языковой картины мира; на эмоциональном — в концептуализации эмоциональной сферы; на мотивационном - в национальном менталитете, на моторном — в специфике жестов, мимики, «языка тела» и др.» [29, с. 18].

Выражение эмоций можно проследить через паралингвистические средства выражения (мимика, жесты), которые интерпретируются как особая знаковая система. Восприятием эмоций на основе невербального поведения (мимика лица, жесты, движения тела, голос и его звучание) занимаются, прежде всего, паралингвистика и невербальное исследование коммуникации.

Исходя из существующих лингвистических (Г.В. Колшанский, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) и психологических (А.Н. Леонтьев, Э.Л. Носенко, Л.Ф. Величко, А.В. Петровский) исследований И.С. Баженова приходит к выводу, что к экспрессии эмоций относятся: 1) психофизиологические симптомы - вегетативные реакции (изменение цвета кожных покровов лица), звуковые симптомы (плач, крик, вздохи), двигательные симптомы (дрожание губ, рук); 2) фонация (интонация, высота тона, сила звука, паузы, молчание и т.п.); 3) кинемы - значащие положения и изменение положения человеческого тела и лица, сюда относятся: мимика, пантомимика (жесты, движения, позы) [29, с. 18].

Негативные эмоции свойственны как положительным, так и отрицательным героям, и они занимают немаловажное место в тексте романа.

Внутреннюю эмоциональную жизнь человека язык художественной прозы описывает своими специфическими средствами и способами, которые чрезвычайно разнообразны, так, например, как в кыргызской, так и в английской художественной прозе, центр эмоциональной жизни человека представляют номинации эмоциональных состояний, в состав которых входят соматизмы.

Внутреннее эмоциональное состояние в кыргызском языке часто выражается таким соматизмом, как «сердце»: *жүрөгү чоочулап; ой жүрөгүн сыдырып өттү; көзүн сүзүп тим болуп тынчый албай жүрөгү сыгылды; жүрөгү канап.*

Эмоциональная реакция организма проявляется через физиологические признаки таких органов, как губы, глаза, руки, нутро, язык, брови, ресницы, Ср.: *эриндери титирек басып, ачуусун тышка чыгаралбай эрдин тиштеп;* глаза: *көзүн сүзүп тим болуп тынчый албай жүрөгү сыгылды; көздөрүнөн мөлтүлдөп жаш чыкты; көзүнө кан толо түштү, кичинекей кызыл көздөрү заардуу жылтылдап;*

Соматизм Руки: *тек иреңи жыгачтай кубарып, сакалы сербейип, колдору калтырап отурду; колу титиреп;*

Соматизм Нутро: *ичи бышып; ич бышуусу ачууга айланып*

Соматизм Язык: *тили сөзгө келбей апкаарый түштү; тили тутулуп.*

Соматизм Брови: *кабагы чимирилип; кабагы бүркөлдү; кабагын түйүп;*

Соматизм Ресницы: *кирпигин алсыз ирмегилен;*

В обоих языках при выражении как положительных, так отрицательных эмоций встречаются идентичные соматизмы.

Соматизм Зубы: *тиштери шакылдап титиреп; тиши качылдады; teeth chattered with apprehension - зубы выбивали дробь от дерзости*

Соматизм Глаза: *кубанып көк тиктеп; көзү күлүңдөп; кылыйган көздөрү чекчейип ачылып; her eye glanced wild-fire - в глазах загорелся дикий огонь*

В английском тексте невербальное выражение эмоций чаще всего передается такими лексемами, как *вид, взгляд: with a look of haughty disdain - с*

видом высокомерного презрения, *with an air of superlative contempt* - с видом предельного пренебрежения, *with fiercer and sterner look* - с более строгим, почти злобным взглядом, *to retort with one of decided scorn* - встретить взглядом нескрываемого презрения; *to look sullen and unreconciled* - выглядеть угрюмо и непримиримо.

Чаще всего человека выдает лицо, которое меняет свое выражение и цвет: становится холодным, злым, безразличным; сереет, краснеет, бледнеет, темнеет, чернеет и пр.

Соматизм Лицо: *эки бети кызарып, жүзү карайды; but his countenance instantly fell* – его лицо омрачилось; *the faces became ominous, grim, and lowering* - лица стали хмурыми, угрюмыми и зловещими; *visage as dark as mourning weed-* с темным, как траур, лицом, *her features kindled—her brow became flushed* – ее черты вспыхнули, лоб покраснел;

Соматизм Кожа: *кыпкызыл иреңи заматта кункуу болуп; иреңи күзгү жалбырактар сапсары;*

Соматизм Кости: *сөөгү сыздап кетти; өзөгү сыздады;*

Соматизм Нутро: *ичи кайнап; ичи тытылды; ичи тырышты;*

Соматизм Сердце: *жүрөгү караят; ой жүрөгүн сыдырып өттү;*

Соматизм Печень: *боору эзилип;*

Внутреннее эмоциональное состояние выражается в обоих языках лексемами конул и *spirit* -: *көңүлү сына түштү; шагы сынып; көңүлү ооруду; had depressed his spirit* - угнетала все же его душу

Эмоциональное состояние выражается также голосом, плачем, внешней позой. Ср.:

Голос, тон: *кыжырлуу күңкүлдөп сүйлөдү, contemptuously* – презрительно, с презрением в голосе; *There was a sad and melancholy cadence in her voice* - Грустные и горькие интонации звучали в ее голосе; *I was irritated at her manner* - меня разозлил ее тон

Плач: *үнүлдөп ыйлап; ыйга буулуп; кайгылуу үңкүлдөдү*

Поза: *уңкүйүп отуруп калды; далысын салып тунжурады; ого бетер салдырап, нымшып; шалдырады; шылкыйды;*

Как видим, печаль, горе, злость, безысходность у кыргызов и шотландцев может отражаться как во внешнем, так и во внутреннем состоянии человека, в выражении его лица, позе, телодвижениях. Тем не менее, можно отметить, что в кыргызском романе эмоции часто передаются посредством соматизмов. В английском же романе – посредством выражения лица, вида, взгляда, голоса.

Отрицательные эмоции не обязательно выражаются словами. Невербальное их выражение также очень эффективно и выразительно. Кыргызы и англичане, как достаточно сдержанный в выражении своих чувств народ, старались не демонстрировать своих чувств явно, редко позволяли себе крик и ругань на людях. Тем не менее, мы видим, что автор описывает как внешнее проявление негативных эмоций, так и внутреннее, скрываемое от посторонних глаз.

Если отрицательные эмоции скрывались, то положительные также редко проявлялись при посторонних. Показательно, что позитив встречается в романе намного реже негатива. Возможно, тяжелые события, описываемые в книге, повлияли на перо писателя.

Лицо, лоб: *маңдайы жарыла кубанып; кубанычтан эки бети тамылжып, бетине кан толкуду; дөгдөп жүзү жаркырады; жүзүнө нур ойноп; иреңи жумшарып; бир аз кабагы ачылып; her brow became flushed – ее лоб покраснел;*

Глаза: *кубанычтан жалтыраган көздөрү менен тиктеп; кубанып көк тиктеп; көзү күлүңдөп; кылыйган көздөрү чекчейип ачылып; диртилдеп кетти бешенеси; to retort with one of decided scorn – глаза ее выражали нескрываемое презрение;*

Улыбка: *тишин ырсайтып жылмайды; уурту биртке тартыла түшкөн жылмаюу сездирип; күлүмсүрөп; ууртуна жылмаюу келип; to smile with pleasure – улыбаться от удовольствия;*

Крик: *чартылдап кыйкырды; set up a loud shout of joyful recognition - он громко завопил от радости; made such exclamations of delight at the arrival - устроил такие восклицания восторга по поводу приезда;*

Сердце: *жүрөгү дүк-дүк кагып; жүрөгү жарылып кете жаздады; жүрөгү оңкоолжуп; жүрөгү болкулдап кетти;*

Кровь: *кубанып, каны дүрүлдөп турду;*

Внутреннее состояние: *ичи жылып; токтоно албай; элтеңден; зоболосу бийик болду; жерге батпай кубанды; rising in wrath – взбешенный; highly provoked - сильно раздосадован;*

Кожа: *эти ысып кетти;*

Тело: *мууну титирей баштады;*

Радость героев романа также большей частью выражается невербально: в выражении глаз, в улыбке, в приподнятом внутреннем состоянии. Чаще всего встречается выражение *жаркылдап/светиться*, которым характеризуется результат позитивных эмоций персонажей.

В характеристике персонажей в тексте эмоции радости выражены достаточно скупое: это покраснение лица, блеск глаз, «потепление» выражения лица, стук сердца, улыбка и др. И радость, и горе могут вызывать у человека одинаковую реакцию: дрожь в руках или в ногах, покраснение лица, сердцебиение, крик, слабость. В определенной степени положительные и отрицательные эмоции представляют собой бином: без позитива нет и негатива, и наоборот. Человек не может жить без эмоций, без проявления чувств, хотя, зачастую, он пытается скрыть свои переживания. Умение автора передать потаенные чувства персонажа требуют большого таланта и умения.

В данной главе мы рассмотрим вербализацию эмоций английским и кыргызским писателями и сопоставим культурные коды английского и кыргызского народов.

Отрицательные эмоции ярко выражаются у всех народов. *Злость, отвращение, презрение* – эти чувства скрыть очень сложно, потому что

выражаются они не только словами, но и невербально: взглядом, жестами, мимикой и т.п.

Негативная реакция персонажей очень полно и образно передается в обоих рассматриваемых романах. Отрицательные эмоции могут быть переданы самым разным способом: мимикой и выражением лица, взглядом, тоном голоса и разговора, вибрацией органов, реакцией дыхания. Как писал еще Зигмунд Фрейд, человек не может долгое время сдерживать свою агрессию, раздражение, гнев, презрение и др. эмоции, то есть мы имеем право сказать, что действиями людей руководит не только разум, но и его эмоции.

Негативную реакцию может вызвать многое: чьи-то слова, поведение, обман, предательство, глупость, поступок и т.п. Номинативное поле эмоции негативная реакция *обида, недовольство, досада, возмущение, деморализация (испорченное настроение), раздражение, огорчение, уныние, грусть, раскаяние, неприязнь, отчаяние, сожаление, мрачная молчаливость, беспокойство, отвращение.*

И у В.Скотта, и у Касымбекова отрицательные эмоции выражены намного богаче, чем положительные. Рассмотрим передачу авторами негативных эмоций своих героев сначала в английском романе, а после – в кыргызском.

3.2. Эмоциональный концепт *гнев* в английском художественном дискурсе

Одной из самых сильных эмоций у человека является *гнев*. Он может вызываться самым различным рядом причин: чьим-либо поступком, необдуманными словами, бездействием, непониманием и т.п. Гнев – это всегда ответная реакция на чье-либо действие или слова. Наиболее близкие номинации, к слову, гнев – это ненависть, злоба, бешенство, ярость, негодование.

Чаще всего проявление гнева можно наблюдать внешне, так как скрыть такие сильные эмоции очень сложно. У В.Скотта эмоция гнева выражена достаточно ярко и образно.

Гнев как огонь

1. *her features kindled—her brow became flushed—her eye glanced wild-fire* - ее лицо вспыхнуло, в глазах загорелся дикий огонь
2. *to increase the wrath* - разжечь бешенство
3. *under the burning influence of the latter passion* - воспламененная этим чувством мести
4. *wearing in my face the marks of that indignation which was glowing in my bosom* - прочитав на лице моем отпечаток того гнева, который горел в моей груди

Эмоция гнева, действительна, сходна со стихией огня: она может выжечь человека. Поэтому у большинства народов паремии советуют контролировать гнев, не поддаваться его пламени.

У огня не бывает прохлады, у гнева — рассудка (русск.)

Гнев — плохой советчик (русск.)

Господин гневу своему — господин всему (русск.)

Сегодняшний гнев оставь на завтра (тюрк.)

Anger and haste hinder good counsel - Гнев и спешка затемняют рассудок (англ.)

Диана, думая, что Фрэнсис не все ей сказал, очень разгневалась. Автор пишет, что лицо ее *вспыхнуло*, а в глазах *загорелся дикий огонь*. Огонь в глазах героини был диким, т.е. неконтролируемым и сильным. Этими словами автор подчеркивает необычную натуру Дианы: это не просто милая знатная девушка, хорошо воспитанная и красивая; но это и сильная натура, которая готова бороться, жертвовать собой, любить и ненавидеть.

Именно Диана, ее слова в защиту Фрэнка, разожгли бешенство судьи, когда Осбалдистон попал под несправедливое обвинение. Бешенство тоже ассоциируется с огнем, который может помешать человеку мыслить здраво. Автору гнев представляется в виде огня, который при определенных обстоятельствах, охватывает всю сущность человека и затмевает разум.

В следующем примере используется выражение *воспламененная этим чувством мести*. Речь идет о жене Мак-Грегора, которая боролась за свободу шотландцев не менее яро, чем ее муж. Гнев так затемнил ее рассудок, что она приказала казнить заложника на глазах у всех. Этот поступок оттолкнул от нее многих, в том числе и Фрэнка, и мистера Джарви. Скорее всего, она и сама впоследствии пожалела об этом, но противостоять охватившему ее гневу она не могла.

Рэшли, один из отрицательных героев романа, был не из тех, кого может удивить или вывести из себя внезапное происшествие. И все же он застал Френсиса так близко к себе, с негодованием, которое пылало в его груди. Рэшли чувствует гнев, горящий в груди Фрэнка. Последний был столь зол, что даже ударил своего неприятного родственника. В.Скотт использует выражение «...прочитав на лице моем отпечаток того гнева, который горел в моей груди».

В данном случае гнев также воспринимается в качестве огня, который заставляет гореть наше нутро. Подобное же понимание гнева можно встретить и в русском языке: *гневом загорелись глаза, гнев/ненависть пылает, гнев вспыхнул* и т.п. Мы видим, что и в русском языке гнев/злость/ненависть/ярость также можно воспринимать как огненную субстанцию, которая охватывает человека в провоцирующих ситуациях.

В кыргызском языке положение несколько иное. Душа от ненависти и злости не пылает, а как бы выходит из тела: *жаны чыкты*. Иногда мы можем сказать о человеке *өрттөнүп кетти* – загорелся от чего-либо (несправедливости, гнева); *күйүп кетти* – в данном случае речь идет не о гневе, а об обиде, о горе, о тоске. Сердце пылает от гнева – *ачуусу келди*. Здесь сравнение гнева идет не с огнем, а с каким-либо острым, горьким веществом. У Т. Касымбекова примеров гнева, описания которого связаны с огнем, почти нет.

Генерал Вейнбер ойлонуп калды. Атайылап маалкатып, ханды өз абалын түзүгүрөөк сезсин деп, анын бүткүл кекирейген хан сөөлөтүн күбүп таштап, анан сүйлөшкүсү келип, дагы атайлап тымпыйды. Кудаяр-хандын ичи

орттөндү. – Генерал Вейнбер задумался. Он специально напускал на себя важный и даже загадочный вид, чтобы хан получше проникся своим положением, чтобы вся ханская спесь слетела с него, и он острее почувствовал свою зависимость. У Кудаяр-хана и впрямь все горело внутри.

Здесь речь идет не только о гневе, но и о нетерпении, о бессилии, которое охватило хана.

В следующем отрывке Кудаяр-хан разгневан на своего сына Насирдина, который предал его.

Насирдин кана? Насирдин арамдык кылып кетиптир го?! – андан нары сүйлөй албай, каңырыгы түтөп, иреңи кызыл ала болуп, тили тутулуп калды. – Где Насирдин? Оказывается, Насирдин сделал подлость? - дальше он не смог говорить, кровь у него закипела, лицо то краснело, то бледнело, язык не повиновался.

Выражение *каңырыгы түтөп* – букв. переводится как *горло задымилось*. Оно синонимично по значению *кровь закипела, сильно разгневался*.

Таким образом, можно отметить, что в английском языке сравнение гнева с огнем более популярно и частотно, чем в кыргызском языке. У кыргызов гнев больше ассоциируется с каким-либо горьким веществом, которое наполняет тебя и вырывается наружу при гневе.

Гнев как кипящая субстанция

У Вальтера Скотта гнев как эмоция занимает очень много места в повествовании. Одной из форм этой эмоции является образ кипящей субстанции.

in a towering passion - кипела ярость

Френсис был *в сильной ярости* от слов Эндрю.

in rising anger- вскипая гневом

- Я знаю, - сказал герцог, *в нарастающем гневе*.

Ярость, гнев кипят в человеке и заставляют подчиняться эмоциям. Сравнение с кипящей субстанцией очень верно и наблюдается у многих народов: вскипел от злости, ярость закипела, кипятиться, вскипел. Как молоко

на плите, которое при кипении может убежать, сгореть, так и человек может потерять себя, отдаваясь гневу. В книге Т. Касымбекова также встречаются такие примеры:

Абдырахман чыдай албай кетти, өйдө карады, *сары көзү кайнап*: - Эмне?! Эл?! Кайдагы эл?! – деп чаңырып жиберди.

Исхак кашын көтөрүп тиктеп калды. Чаар иреңи бир кур сырдаанып, эрди бек кымтылып, *көзү кайнап*, атылып тура кала тургандай октолду.

Выражения *сары көзү кайнап*, *көзү кайнап* – букв. означает *закипели его желтые глаза, глаза закипели* — это проявление гнева, злости, ярости, которое выражается в бешеном взгляде персонажа. Подобное выражение, в частности, свойственно только тюркским языкам; в других языках выражение *кипящие глаза* мы не встречали.

Ушундан соң Исхактын *каны кызып*, ушу азыр Атакулду тирилей жечүдөй *ызырынып*, *өзүн токтото албай*, *калчылдап обдулду*.

Каны кызып – кровь закипела (от ярости, гнева).

«Нак өзү! Ярмат деп турбайбы!» дешип, *кыжырлары кайнап*, күүлдөштү.

Кыжырлары кайнап – злость закипела.

Предательство, подлость всегда вызывают негативную реакцию людей, поэтому гнев их вскипает как некая жидкость, грозя выплеснуться наружу.

Следовательно, образ гнева как кипящей субстанции свойственен как английскому, так и кыргызскому языку.

Сравнение гнева с живым существом также несколько раз встречается в романе Скотта.

if ye're angry - если вас разбирает злоба

Их схватка смерти была прервана Кэмпелом, который насильно бросился между ними и толкнул их отдельно друг от друга и сказал: нечего смотреть на меня волком, *если вас разбирает злоба*.

my anger was quite impotent - злоба моя была бессильна

Но гнев Френсиса был совершенно бессилён.

Злоба, гнев могут быть сильными, бессильными; могут вырываться из-под контроля, могут быть остановлены, спрятаны и т.п. То есть гнев воспринимается как живое существо, которое обладает признаками силы/бессилия, может говорить за человека, управлять его поступками. Поэтому у многих народов есть выражение: это не он/она говорит, это в нем говорит злость/гнев/ярость/обида.

Рассмотрим, как выражаются подобные случаи у кыргызского писателя:

Кудаяр-хан идиркенектеп кетти: - Эмне?! – деп бир чаңырып, *өз жинине өзү тутулуп*, андан нары сүйлөй албай калды.

Тиши кычырады. *Өз заарына өзү уугуп*, ачуусу менен көркү аралашып, ал бүткүл денеси менен калчылдай баштады. Өзүн токтото албады.

Насирдиндин түрү бир башка – *өз жини өзүн калчылдатып*, тиги мүңкүрөгөн кишилерди табалап, чыдамы кетип, ичинен: «Бу орус эмне маалкатаг? Эмнесин карап отурат?» деп чыдамы кетип, ат үстүндө тынч ала албай кыйшаңдап турат.

У Т. Касымбекова использованы очень интересные выражения, в которых гнев, как живое существо, захватывает человека: *өз жинине өзү тутулуп* – был пойман собственным гневом, *өз заарына өзү уугуп* – был отравлен собственным ядом (от злости, ярости), *өз жини өзүн калчылдатып* – его затрясла собственная злость.

В «Сломанном мече», на наш взгляд, образ гнева как живого существа передан более ярко и выразительно. Автором преследуется мысль о том, что твои собственные пороки могут поймать тебя и причинить вред: своя злость отравляет, свой гнев сотрясает и т.п. Не зря у всех народов высказывается идея о том, что уметь бороться со своими пороками – высшее достижение человека. Даже у Ч.Айтматова прослеживается эта мысль: «Самое трудное – оставаться человеком каждый день».

У Т. Касымбекова часто встречаются образные выражения с соматизмом *сердце*, в которых он говорит о гневе, злости, ненависти.

Ал эч ким менен сүйлөшпөй, жанындагы жакшыларын сыдырып тиктеп, *жүрөгү карайып*, эми эч кимисине ишенгиси келбей, оюндагы жакшы менен жаман аралашып, көз алды туман, көңүлүн коркунучтуу шек, биринин кылган күнөөсү үчүн мицин канга бөлөсө кыбасы канбай турган ачуу кек ээледі.

Туугандан да, душмандан да көңүлү сынган сыяктуу. Башка акылы, башка аргасы түгөнүп, эми кек гана, өч гана калгандай, жаагы тырышып, иреңи жыландай сур тартып, кечке суусады. Көз алдынан Абдырахман учат. Кайрадан *жүрөгү караят...*

Выражение *жүрөгү караят* – букв. обозначает *сердце почернело*. Так как сердце у большинства народов – орган чувств, то понятно, что сердце чернеет от злости, горя, обиды и т.п. У русских чаще говорят лицо почернело/потемнело от горя, гнева, обиды. У англичан также от злости чернеет лицо «black in the face» - почерневший от гнева, злости.

Интересным представляется и выражение *Бекназар ачуудан кара коко болуп кетти*. *Кара коко* – букв. черное горло. В данном случае предложение можно перевести как *Бекназар аж почернел от гнева*.

Можно обратить внимание на то, что для кыргызского народа важнее внутреннее состояние человека: чернота на сердце может быть и не видна снаружи; а у русского и английского народов более популярно внешнее проявление признаков зла, злости.

Внешние признаки проявления гнева в романе В.Скотта достаточно яркие и образные:

From being earnest, she *became angry; her eyes and cheeks became more animated*, her colour mounted, she clenched her little hand, and stamping on the ground with her tiny foot, seemed to listen *with a mixture of contempt and indignation* –

Серьезность на ее лице сменилась *негодованием, глаза и щеки ее пылали*; она стиснула маленький свой кулачок и, постукивая об пол крохотной ножкой, казалось, слушала *с презрением и гневом* (реакция Дианы на безразличие Решли на трудную ситуацию своего кузена Френсиса)

frantic – взбешенный

Наконец, *обезумев* от какого-то действительного или предполагаемого оскорбительного слова, Френсис ударил Рэшли кулаком.

there is a little grain of anger in that constrained tone of voice - в вашем натянутом тоне звучит нотка гнева (ревностные чувства)

I was irritated at her manner - меня *разозлил* ее тон

with an expression of hate and malignity - с выражением ненависти и злобы

She bit her lip with anger, and again coloured deeply - Она в сердцах прикусила губу и опять густо покраснела.

В то время как Френсис дрожал, как бы громы гнева соседей не растворились в ливнях, как сама хозяйка хостела открыла дверь.

Внешне гнев у персонажей В.Скотта часто проявляется в механических действиях: стискивание кулаков, постукивание ножкой, удар кулаком, прикусывание губы, дрожь всего тела и т.п. Голос, тон, выражение лица также могут стать показателями чувств: *в вашем натянутом тоне звучит нотка гнева, меня разозлил ее тон, с выражением ненависти и злобы.*

Гнев и ненависть вызывают англичане у шотландцев и наоборот. Оба народа считают друг друга воплощением дурных качеств и говорят о другом только плохое. В тексте романа существует отрывок, где Фрэнк повествует о том, что он всегда считал шотландцев плохими людьми. Его кормилица Мэйбл, рассказывая ему о своей родине - Нортумберленде – всегда в отрицательной роли видела шотландцев. Шотландцы заменяли ей всех великанов, людоедов, разбойников, она рассказывала о них со всем пафосом ненависти, так что Фрэнк враждебно относился к ним с самого молодого возраста. Поэтому молодой Осбалдистон в детстве смотрел на шотландцев как на враждебную по своей природе расу. В то же время шотландцы также ненавидели англичан, считая их снобами и самодовольными эпикурейцами. Таким образом, оба народа взаимно вызывали негативные эмоции и старались унижить друг друга.

Можно отметить исходя из текста, что англичане стараются не показывать своих эмоций, скрывают свой гнев и злость, хотя это не всегда им

удаётся. Самый лицемерный из героев «Роб-Роя», Рэшли, наиболее умело скрывает свои истинные чувства и намерения, хотя внутри у него все кипит от ярости. Фрэнк же, как искренний молодой человек, часто обнажает свое сердце и не может сдержать эмоций.

Иное дело роман кыргызского писателя, в котором эмоции гнева описываются более открыто и ярко.

Көздөрү чекчейип, жини келе баштады.

Өзүнө ишенген токтоо жооп Абил бийдин канын муздатып жиберди. Ал тиштенип, араң карманып отурду.

Пансат ойго алдырып, анда-санда Бекназар жакка назар таштап, ансайын ичи бышып, ич бышуусу ачууга айланып, ачуусун тышка чыгаралбай эрдин тиштеп, көзүн сүзүп тим болуп келет.

Абил бийдин көзүнө кан толо түштү.

Ха, кан кускурлар! - деп оңтоп жиберди Абил бий, колдорунун учу титиреп, бели солкулдады.

Нүзүптүн чийкил сары иреңинде кан калбады, тик көздөрү коркунучтуу диртилдей баштады.

Шерали бир жооп айтышка үлгүрө электе, баятан бери жука эрдин бек кымтып кумсарып отурган Нүзүп жарылып кетти.

Бети кызарып ачуусу келип, улагада турган эки жигитке көзүн шилтеп жиберди. – Алгыла муну!

Мусулманкулдун жини кычап келе баштады. Иреңи кубарды.

Мусулманкул сөз таппай калды. Кыйык көздөрү заардуу жылтылдап, эриндери титиреди.

Мадыл ызага уугуп, сөгүнүп, Насирдин бек токтогон өргөөнү карай жөнөп берди.

Науман пансаттын ачуудан иреңи бопбоз болуп турганын көрдү.

Калназар парваначынын эти дүрүлдөй түштү. Кудаяр-хан ачуудан зиркиреп, нары-бери басты.

Эшиктен Исхак кирди. Баары дуу туруп, таазим кылышты. *Чаар иреңи ого бетер карасур тартып, күдүрөйүп, кабагына кар жаап келди.*

Эй, сен! Тез бас, эй! – деп чаңырды Исхак, өзү да *калчылдап кетти.*

Гнев в романе внешне может выражаться в глазах: *көздөрү чекчейип – глаза сузились, көзүн сүзүп - поглядывать, көзүнө кан толо түштү – глаза наполнились кровью, тик көздөрү коркунучтуу диртилдей баштады – глаза начали опасно подергиваться, көздөрү заардуу жылтылдап – глаза угрожающе поблескивали.*

Губы, зубы, брови: *ал тиштенип, араң карманып отурду – сжав зубы, он еле сдерживался; жука эрдин бек кымтып – сильно сжав тонкие губы; эриндери титиреди – губы задрожали; кабагына кар жаап келди – брови нахмурились.*

Интересно выражение *кабагына кар жаап келди* – букв. на его брови *выпал снег*, т.е. так говорят о человеке, который сильно не в духе, разозлен, разгневан.

Лицо, цвет лица: *Нүзүптүн чийкил сары иреңинде кан калбады – на желтоватом лице Юсуфа не осталось ни кровинки; кумсарып отурган – сидел побледневший; бети кызарып ачуусу келип – от злости лицо его покраснело; иреңи кубарды – лицо его побледнело/побелело; ачуудан иреңи бопбоз болуп турганын көрдү – он увидел, что от гнева лицо его совсем посерело; чаар иреңи ого бетер карасур тартып – рябое лицо его еще больше потемнело (от гнева).*

Нужно отметить, что в кыргызском языке обычно не говорится, что человек от злости/гнева/бешенства побелел. Чаще говорится *побледнел, обескровел, стал серым: кумсарган, иреңинде кан калбады, куп-куу, бопбоз* и т.п. Белый же цвет почти всегда имеет положительную коннотацию. Если женщине хотят сделать комплимент, то говорят, что она побелела, посвежела: *агарып калыпсын, аппак болуп калдың*. Традиционная красота кыргызской женщины включает в себя белокожесть, как одну из самых важных составляющих. Существуют слова-характеристики *ак жуумал, куба, кубакай, ак куба, агыштарткан, акчыл, жумуртканын агындай, кардай* и т.п. В женских

именах собственных также часто используется компонент **ак**: *Ак Мактым, Акдаана, Акмарал* и т.п.

В английском языке, как и в кыргызском, использование колоронима *ак* возможно в любых словосочетаниях: *white with rage* - побелевший от гнева; *white from pain* - побледневший /побелевший/ от боли; *to turn white* - побледнеть, побелеть.

Телодвижения, дрожь, слова: *ачуудан зиркирен, нары-бери басты – зневаясь, шагал из угла в угол; сөгүнүп - ругаясь; колдорунун учу титиреп, бели солкулдады – кончики пальцев его дрожали, тело сотрясалось; өзү да калчылдап кетти – он и сам затрясся.*

Как видим, англичане достаточно сдержанный народ, который редко выражает свой гнев словами. Они стараются держать свои эмоции под контролем, но, тем не менее, они проглядывают в их поведении, телодвижениях, лице и т.п. Кыргызы, которые тоже относятся к достаточно сдержанным людям, все же выражают свои чувства в романе более эмоционально и разнообразно по сравнению с англичанами: Т. Касымбеков использует больше образных сравнений, фразеологизмов, паремий, которые точно передают эмоции персонажей, хотя и не всегда адекватно переводятся на другие языки. По образности описания кыргызский роман в разы превосходит английский, хотя оба произведения – мировая классика.

3.3. Эмоциональный концепт *радость* в кыргызском и английском языках

Номинативное поле концепта «радость» в кыргызском романе представлено такими словами, как *сүйүнүү, ыракат*. Однако в большей степени в тексте встречаются устойчивые выражения: *кабагы ачылып; кубанып карап, толкуп турду; маңдайы жарыла кубанып, жерге батпай кубанды; кубанып көк тиктеп; сүйүнгөнүнөн каңырыгы түтөп; арбагы көтөрүлүп, терисине батпай баратты; бешенеси жайыла түштү.*

1. Улыбка: Ал *кубанычтан ууртун дагы эле жыя албай*: - Эми эмне кылабыз? – деп сурады, Нүзүптү жалдырап тиктеп. Нүзүп укмаксан болуп, кайта ага кыжыры келгенсип, кабагын түйүп, унчукпай койду. Шерали томсоруп, шагы сынып отуруп калды.
2. Абил бий *күлүмсүрөп*, жүзүнө нур ойноп, *кубанып укту*.

Для тюрков улыбка значит очень многое. У них почти не бывает пустых, ничего не значащих этикетных улыбок, которые свойственны западному миру. Если кыргыз улыбается, значит, у него есть определенный повод для радости. Выражения *ууртун дагы эле жыя албай* (не мог скрыть улыбку), *күлүмсүрөп* (улыбаясь, смеиваясь) говорят о хорошем настроении, радости от приятных событий. Примечательно, что писатель не использует само слово *улыбка/жылмаюу*, что говорит о том, что персонажи в определенной мере стараются скрыть свою радость, так как явное выражение чувств роняет достоинство человека.

1. Выражение лица: Нүзүп кымызды дем албай шимирип ичти да, ыракаттанып, *кубаттанып*, *жүзү тамылжып*, жоошуп отуруп калды...
2. Абил бий *күлүмсүрөп*, жүзүнө нур ойноп, *кубанып укту*.
3. Сарыбайдын жүрөгү дүкүлдөп кетти. Бере көр, кеңкудай! Сарыбай *эки көзүн жүлжүйтүп*, *кубанып көк тиктеп*, кайсаңдап ар тарабын каранып, кайсыл жерден кандай аң качып чыгып калар экен деп, *дегдөн жүзү жаркырады*.
4. Каракаш айым тиги *кубанычтан эки бети тамылжып*, кара көздөрү жаш кылгыра ойноктоп кашында турган чийкил жигитти «ханзаада ушу» деп дароо сезді.

Выражения *жүзү тамылжып*, *эки бети тамылжып* (лицо зарумянилось, щеки зарумянились), *жүзүнө нур ойноп* (лицо осветилось радостью), *эки көзүн жүлжүйтүп* (радостно прищурившись), *дегдөн жүзү жаркырады* (лицо сияло от счастья) передают нам довольное состояние персонажей, их радость от полученного известия или приятного события. Румянец появляется в совокупности с чувством удовольствия, наслаждения. Радость смягчает лицо,

освещает его. Выражение *жүзүнө нур ойноп* буквально означает, что на лице играет луч солнца, т.е. лицо светится от радости. *Жаркырады* – букв. сверкать, светиться, блестеть. Это выражение уместно, когда человек просто сияет от чувств. В русском языке: светиться от радости, сиять от радости, расплываться в улыбке. Но в русском языке румянец не является показателем радости, скорее, он показатель смущения, стыда, неловкости. В кыргызском же порой румянец ассоциируется с радостными эмоциями, как мы это видим у Т.Касымбекова.

Кыргызы обычно достаточно скупы в выражении своих чувств, поэтому их настроение можно угадать именно по выражению лица. Громко радоваться чему-то, выражать словами свое удовлетворение кыргызским мужчинам не свойственно. Даже в настоящее время редко кто из мужчин вслух хвалит свою семью, детей, бизнес. Не принято зацеловывать детей, внуков: обычно поцелуй в лоб, поглаживание по голове является самым большим средством выражения своей нежности.

Лоб

Научно доказано, что мимика человека почти не поддается контролю со стороны говорящего. Человеческое сознание контролирует только то, что мы говорим, невербальные же аспекты остаются не поддающимися нашему влиянию. Поэтому реакция лица, тела человека на какие-либо эмоции может считаться достаточно достоверной. Очень показателен в этом отношении лоб человека. По морщинкам на лбу физиогномисты даже могут определить характер человека. Фразеологизмы с соматизмами *лоб*, *брови* часто встречаются в тюркских языках, чтобы передать радость или печаль.

1. Бир гана Караш бийдин жакшы чыкма баласы Абилдин зоболосу бийик болду. Ошондо, *маңдайы жарыла кубанып*, жашына жараша элдин эң этегинде чатырдын улагасында отурса да, кадалып төрдү тиктеп, Нүзүптүн

2. Эшик ага дутарчини кайра апкелди. Насирдин-хан бир аз *кабагы ачылып*, шараптан бир кылт этип: - Кел, курдашым, - деди үнүн көтөрө.

3. Мусулманкулдун *бешенеси жайыла түштү*. Абилдин нооча, сымбатту боюна көздөрүн дагы бир жүгүртүп алып, анан ыразылык билдире башын ийкегилеп, алдыга басты.

Выражения *маңдайы жарыла кубанып* (букв. лоб чуть не треснул от радости, т.е. возгордиться, быть довольным собой), *кабагы ачылып* (брови перестали хмуриться), *бешенеси жайыла түштү у* (лоб разгладился) говорят о том, что персонаж в хорошем расположении духа, что он доволен собой. В русском языке лоб, брови также часто являются показателями настроения. Нахмуренные лоб и брови говорят о плохом настроении. Постоянно сдвинутые, насупленные брови - об озабоченности человека. Устойчивых выражений с антонимичным значением в русском языке нет.

В кыргызском же языке *маңдайы ачык – маңдайы жабык; кабагы буркөлгөн – кабагы ачылган*. Брови нахмурены – брови не нахмурены. Плохое настроение – хорошее настроение. Лоб для кыргызов в переносном значении – будущее. «Открытый» лоб – большое будущее, а «закрытый» лоб – неудача. Абиль, пожертвовав своим воином, спас авторитет правителя, поэтому он был горд собой, своим умом и находчивостью и рад до такой степени, что его лоб «чуть не треснул».

Сердце

Сердце – это орган, который у всех народов связан с переживаниями: сердце стучит и от страха, и от радости, сердце разрывается от горя, сердце болит, сердце останавливается, ликует, рвется из груди и т.п. У Т.Касымбекова можно встретить выражения, передающие чувство радости, которые связаны с соматизмом *сердце*.

1. Сарыбайдын *жүрөгү дүкүлдөп кетти*. Бере көр, кеңкудай!
2. Ана! Сарыбайдын *жүрөгү жарылып кете жаздады*. Ана! Илбээсин көргөндө гана ушундай шаншычу ал. Сарыбай токтоно албай көйнөгүн унутуп, жылаңач дардаңдап чуркады.
3. Кулкиши өрөпкүп, *жүрөгү дүк-дүк кагып*, ичтен кубанып, эчтеме айта албай уурту титиреп туруп калды.

Как видим, выражения *жүрөгү дүкүлдөп кетти* (сердце зачастило), *жүрөгү дүк-дүк кагып* (*сердце громче забилося*) показывают радостное волнение героев. Выражение же *жүрөгү жарылып кете жаздады* (сердце чуть не разорвалось в груди) показывает высшую степень волнения и радости персонажа. Нужно отметить, что радость упомянутых героев не связана с любовью, для этого в кыргызском языке чаще используют другой соматизм – печень/боор. Печень любит, страдает, сочувствует, а сердце больше выражает переживания, связанные с получением хороших новостей, поощрения, выгоды.

Глаза

Всем известно выражение, что глаза – это зеркало души. Известно, что посредством глаз мы получаем подавляющее количество информации. Порой бывает достаточно одного короткого взгляда на предмет или ситуацию, чтобы принять какое-то важное решение. Человек может хорошо владеть собой, но выражение глаз контролировать почти невозможно.

1. *Кулкиши аны менен иш албайт, кубанычтан жалтыраган көздөрү менен тору тайды жалына тиктеп, ансайын бабырады:* - Буйруса, жаман жылкы болбойт.
2. *Эмне жооп берерин миң жолу уккан Кулкиши дагы кубанып, оозун жарым ачып, көзү күлүңдөп, күтүп калат.*

В русском языке глаза от радости могут блестеть, сиять, счастливо жмуриться и т.п. У Т. Касымбекова встречаем: *кубанычтан жалтыраган көздөрү* (сияющие от радости глаза), *көзү күлүңдөп* (счастливые глаза), которые указывают на радостное состояние духа персонажа. Что бы ни говорил нам человек, его глаза нам скажут все яснее слов, поэтому автор уделяет много внимания невербальному выражению чувств.

Кровь

Обычно в кыргызском языке состояние крови редко бывает показателем радости. Кровь может кипеть от злости, негодования; кровью можно смыть позор, можно кого-то «искупать в крови», можно «клясться на крови», «искупить кровью» и т.п. У Т. Касымбекова же кровь «зашумела в жилах» от

радости. Это можно сравнить с русским «кровь бродит, бурлит», «кровь играет», хотя в последнем случае это больше относится к состоянию человека в период подъема жизненной энергии, к его здоровью.

Мына, Туткучу топ ичинде тайманбай келип, Тултемирге камчы салганына кубанып, *каны дүрүлдөп турду* - Кровь зашумела, забурлила в жилах Туткучу от радости, что он показался себе храбрецом.

Как составляющая основу жизни, кровь реагирует на все изменения, которые происходят в жизни.

Обоснованным представляется утверждение Д.Б. Дашиевой о том, что «соматика, связанная с восприятием мира, его познанием и изменением и вызывающая ассоциации с жизненными процессами, чувствами, ощущениями, физическим и умственным трудом, обладает наибольшим диапазоном импликационных (ассоциативных) связей, следовательно, и наиболее значительной фразообразовательной активностью» [69, с. 71].

Интересны и другие выражения радости из романа Касымбекова:

Домбу кайрылган жок. Сыртынан сыр бербей, кебелбей, ичинен балкып, жамыраган *көп көзүнчө арбагы көтөрүлүп, терисине батпай баратты*.

Выражение *арбагы көтөрүлүп, терисине батпай баратты* (воспрял духом так, что не помещался в свою кожу) можно заменить синонимичными *чуть не лопнул от радости*, которое тоже обозначает высокую степень удовлетворения. В русском языке есть похожее выражение *из кожи вон лезть* – но значение совсем другое – «очень стараться». В английском выражение «*jump out of the skin*» - *выпрыгивать из кожи* означает *очень испугаться*. Как видим, похожие выражения имеются во всех трех языках, но значение у них не совпадают.

Нүзүп жерге батпай кубанды, үзөңгүсүн кере тээп обдулуп тура калып: - Ана уктунарбы! Ана!

Выражение *жерге батпай кубанды* (радовался так, что земли ему было мало) также обозначает очень радостное состояние духа. В русском языке можно сказать «не мог себе места найти» от беспокойства. Все выражения со

словом **место**: *поставить на место, провалиться на месте, живого места не останется, злачное место, пригретое место, на мокром месте, стоять (топтаться) на месте, пустое место, с места в карьер, надавить на больное место, найти свое место, не сходя с места, места не столь отдаленные, на своем месте* имеют различное значение, но никак не связанное с эмоцией *радость*. Хотя в некоторых песнях поется, что *свадьбе было места мало*, концепт **место** очень редко в русском языке может выражать радость или какие-либо связанные с ней эмоции.

В романе английского писателя концепт *радость* представлен достаточно скромно по сравнению с концептами, передающими отрицательные эмоции.

Номинативное поле концепта **joy**: *pleasure, happy, delight, jubilation*.

В «Роб Рое» использованы следующие слова и обороты для выражения эмоции «радость».

to smile with pleasure - сиять от удовольствия

Оуэн, старший клерк фирмы *улыбнулся от удовольствия*, услышав, как Осбалдистон-старший пробежался по какой-то части содержимого блокнота Френсиса, бормоча свои критические замечания на ходу.

expression of surprise and pleasure - излияния радости и удивления

Оуэн, прервав выражение удивления и удовольствия Френсиса, начал рассказывать ему всю суть дела.

much pleased – обрадованный

Френсис был очень доволен решением судьи.

I was too happy - с искренней радостью

Френсис *был очень счастлив* признать себя той стороной, о которой спрашивали, и выразить благодарность за любезные расспросы Дианы Вернон.

to intimate one's joy – выражать на своем лице радость

Некоторые люди в церкви сидели со свирепым и суровым видом, выражая свое презрение ко всем, кто сомневался в вере его пастыря, и *свою радость* по поводу надлежащего наказания, обличенного против них.

by the extravagant joy that affected him - той бурной радостью, что загорелась в нем

Экстравагантная радость охватила сторожа тюрьмы, при виде таинственного проводника (мистера Кэмпелла).

excess of joyful gratulation - бурный порыв обожания и радости

Проводник Френсиса принял это *излишество радостных поздравлений* тюремного сторожа, как принц, привыкший к почитанию окружающих его *the tears of joy which he shed* - пролитые им слезы радости людей. И слезы радости, которые Эндрю пролил по прибытию Френсиса, хоть и не были искренними, но спасли его от наказания.

set up a loud shout of joyful recognition - он громко завопил от радости

Дверь открыл не кто иной, как сам Эндрю, который при первом же звуке голоса Френсиса издал *громкий крик радостного узнавания*.

sufficiently glad - весьма обрадованный

Френсис молча поклонился, *радуясь* передышке и он надеялся на некоторое ослабление решимости отца.

set up such exclamations of delight - разразился такою бурей восторга

Эндрю *устроил такие восклицания восторга* по приезду Френсиса, что он тут же забыл свои обиды.

excited such shouts of jubilation - вызвала такую бурю ликования

Известие о возвращении Мак Грегора *вызвало такие восторженные возгласы*, что сами холмы снова зазвенели, и молодые, и старые, мужчины, женщины и дети, без различия пола и возраста, сбежали вниз по долине к ним навстречу со всей *неистовой быстротой и шумом горного потока*.

В романе Скотта, как мы уже упомянули, не такое большое количество изъясления положительных эмоций по сравнению с негативными. Этот же момент мы отмечали и у Т. Касымбекова. Тем не менее, радость – это такая эмоция, которая, к счастью, часто присутствует в нашей жизни, и скрыть ее достаточно трудно. У В. Скотта используется понятие *радость* во всех спектрах

ее проявления: от эмоции удовольствия до эмоций радости, ликования и восторга.

Pleasure – удовольствие. Обычно удовольствие мы получаем от хороших известий, от приятных событий в нашей жизни, хорошей еды, красивой одежды и т.п. В романе Оуэн сияет от удовольствия, услышав, как старший Осбалдистон положительно оценивает работу сына. Старому клерку искренне хочется, чтобы Фрэнк стал продолжателем дела отца и возглавил фирму. Оуэн воплощает в себе идеальный образ старого преданного своим хозяевам слуги.

Во втором предложении уже Фрэнк приятно удивлен хорошими новостями, которые изложил ему Оуэн.

Обычно слово *pleasure* используется в речевом этикете англичан при приветствии и прощании *I'm pleased/glad to meet you* – рад познакомиться с вами, досл. Я получил удовольствие от встречи с вами.

The pleasure is mine – и я тоже рад.

I've been pleased to meet you – Было приятно познакомиться.

Выражение *much pleased* означает *очень рад, обрадован*. Фрэнсис был очень рад справедливому решению судьи.

Слова *pleasure* и *glad* часто используются как синонимы, особенно в речевом этикете. Выражение *sufficiently glad* синонимично *much pleased*. Богатство синонимов говорит о богатстве и образности английского языка.

Само слово *joy* также часто встречается в описаниях радостных эмоций.

Выражения *to intimate one's joy* – *выражать на лице радость*, *by the extravagant joy that affected him* – *экстравагантная/необычная радость охватила его*, *excess of joyful gratulation* – *бурный порыв радостного обожания*, *the tears of joy which he shed* – *пролитые им слезы радости*, *set up a loud shout of joyful recognition* – *громко кричать от радости* передают радостные эмоции от встречи с дорогими людьми, освобождения из плена, тюрьмы; наказания грешников и проч. Как видим, они могут передаваться при помощи выражения лица, слез, криков, поведения.

Слова *delight* и *jubilation* – *восторг* и *ликование* означают высшую степень радости, счастье. В тексте они используются не часто, всего по одному разу, но именно они передают огромную радость от встречи с друзьями и родными.

Эндрю, несмотря на прежнее поведение, был очень рад возвращению Фрэнка. Он так восторгался, что Осбалдистон забыл свои обиды. Еще большее ликование вызвало возвращение Мак Грегора в горы к своим соплеменникам. Все бросились навстречу, чтобы поприветствовать и обнять его.

Восторг и ликование обычно выражаются криками, громкими возгласами, восклицаниями. Большой частью ликует и восторгается толпа, видя своего кумира. Роб Рой был таким кумиром для шотландцев того периода времени. Он воплощал в себе силу, храбрость, свободолюбие, что и позволило ему возглавить горцев.

Самым распространенным выражением эмоции *радость* в романе являются слова *joy* и *pleasure*.

Слово *happy* является универсальным словом в английском языке. Оно может использоваться как в речевом этикете, так и в любом разговоре. Даже поздравляя с днем рождения, мы говорим *Happy birthday!* *Happy* можно перевести как *счастливый, веселый, довольный, радостный* и т.п. День бракосочетания англичане также часто называют *happy day*.

Если мы сопоставим вербальную реализацию эмоций в кыргызском и английском языках, то можно отметить, что в тексте кыргызского романа эмоции радости выражены более частотно и образно.

Радость в кыргызском тексте выражается через выражение лица, глаз, через мимику и посредством устойчивых словосочетаний. Т. Касымбеков показывает улыбку как один из самых важных компонентов радости. Это же встречается и у В.Скотта: *to smile with pleasure* – сиять от удовольствия/ досл. улыбаться с удовольствием.

Соматизмы лоб, глаза, лицо, кровь, сердце часто используются при вербализации эмоции *радость*. Лоб разглаживается, освещается: *бешенеси жайыла түштү, маңдайы жарыла кубанып, бир аз кабагы ачылып*. Как мы

писали выше, лоб ассоциируется с жизнью: *детям желают светлого лба/ бешенең жарык болсун/ мандайың ачык болсун*, то есть хорошей жизни, успехов. В английском тексте встречается *to intimate one's joy* – выражать на своем лице радость; *the tears of joy which he shed* - пролитые им слезы радости.

Других соматизмов, выражающих радость, мы не нашли.

В английском языке радость может изливаться, литься как жидкость *expression of surprise and pleasure* - изливания радости и удивления; гореть как огонь *by the extravagant joy that affected him* - той бурной радостью, что загорелась в нем; выплескивается в криках *excited such shouts of jubilation* - вызвала такую бурю ликования, *set up such exclamations of delight* - разразился такою бурей восторга, *set up a loud shout of joyful recognition* - он громко завопил от радости.

В кыргызском языке радость наполняет **сердце**, стучит, разрывает его: *жүрөгү дүкүлдөп кетти, жүрөгү жарылып кете жаздады, жүрөгү дүк-дүк кагып;*

глаза сияют, блестят, смеются: *кубанычтан жалтыраган көздөрү, көзү күлүңдөп*, счастливо прищуриваются *эки көзүн жүлжүйтүп; кара көздөрү жааш кылгыра ойноктоп*

взгляд: *кубанып карап, кубанып көк тиктеп*

душа парит: *арбагы көтөрүлүп; ичтен кубанып; зоболосу бийик болду*

лицо сияет/румянится: *жүзүнө нур ойноп, Абиля бий жаркырады; жүзү тамылжсып; дөгдөп жүзү жаркырады; кубанычтан эки бети тамылжсып*

улыбка: *бий күлүмсүрөп отурду; кубанычтан ууртун дагы эле жыя албай, эчтеме айта албай уурту титиреп*

горло: *сүйүнгөнүнөн каңырыгы түтөп, акактап сүйүнүп (задыхаясь от радости)*

не помещаться в свою **кожу** от радости: *терисине батпай баратты*

возглас, крик: *чартылдап кыйкырды*

Используется у Т. Касымбекова и выражения *жерге батпай кубанды* – земли стало мало; *жылаңач дардаңдап чуркады* – от радости побежал полураздетым, *ыракаттанып* – получать удовольствие.

Если в английском языке радость льется, горит, то в кыргызском она парит, ей тесно внутри своей кожи, ей не хватает пространства.

Выражение *радости* при помощи соматизмов очень ярко представлено в кыргызском языке, а в английском, напротив, бедно. У В.Скотта улыбка сияющая, а у Касымбекова сияет лицо, сверкает от радости весь вид человека, лицо румянится, смягчается, светится. В кыргызском романе улыбка всегда легкая, она прячется в уголках рта, едва заметна на губах.

У английского писателя герой от радости плачет, а у кыргызского писателя – задыхается от радости, его горло аж дымится от радости.

Описание эмоции *радость* в романе Т. Касымбекова дается гораздо шире, образнее, эмоциональнее; с использованием специфичных выражений и оборотов, которые обогащают язык повествования и делают его узнаваемым и интересным.

Шотландцы громко кричат от радости, ликут, вопят. Их женщины и дети также кричат, визжат и хлопают в ладоши. Кыргызы более сдержанны: они улыбаются слегка, многие чувства прячут в душе, даже радость; поэтому счастье отдается у них во всех органах: в сердце, горле, в лице, глазах, лбу, взгляде и т.п.

Таким образом, рассмотрев в данной главе негативные и позитивные эмоции, мы можем отметить, что наиболее ярко эмоции представлены в языке кыргызского романа. В «Сломанном мече» эмоция *радость* имеет такие синонимы как *кубаныч, сүйүнүү, ыракат*. В «Роб Рое» - *joy, pleasure, happy, glad, delight u jubilation*. Несмотря на то, что в английской книге синонимов больше, в кыргызском материал дан богаче.

В языке Т. Касымбекова больше специфичных выражений радости и других эмоций, которые помогают передать культурный код кыргызов и воссоздают национальную картину мира.

3.4. Общие и специфические негативные эмоции в романах «Роб Рой» и «Сынган кылыч»

С негативными эмоциями мы сталкиваемся каждый день. Поездка в общественном транспорте, недопонимание в семье, завал на работе, чьи-то слова или комментарии по нашему поводу – все может стать причиной плохого настроения и негативных эмоций. Часто по мимике и выражению лица человека мы можем прочесть его реакцию на нашу реплику.

1. *swelling with indignant mortification* - обиженный и негодующий

Френсис в это время стоял, *раздуваясь от возмущения и унижения*.

2. *to wear the deepest dejection on one's countenance* - выражать глубокое уныние на лице

На лице Оуэна отразилось глубочайшее уныние.

3. *the grim-visaged* – угрюмо

Диана понимает, что это правда, ибо *мрачный* Рэшли с ухмылкой смотрел в их сторону.

4. *to look sullen and unreconciled* - выглядеть угрюмо и непримиримо.

Один только Торнклиф из кузенов *выглядел угрюмым и непримиримым*, так как он недолюбливал Френсиса и ревновал его к Диане.

5. *visage as dark as mourning weed*- с темным, как траур, лицом

Наконец вошел Рэшли, лицо его было мрачно, как траурный сорняк.

6. *black he stood as night* - стоял чернее самой ночи

Рэшли стоял чернее самой ночи. Френсис начал извиняться за свое вчерашнее поведение.

7. *with inflexible countenance* - с мрачным, непреклонным видом

С непреклонным выражением лица Рэшли выслушал его оправдание и увещание своего отца, дяди Френсиса.

8. *but his countenance instantly fell* - но тотчас лицо его омрачилось

Лицо Оуэна мгновенно помрачнело, когда он вспомнил, как маловероятно, чтобы возвращение активов, как он их технически называл, могло быть успешно достигнуто.

9. *countenances which marked their deep regret* - с видом глубокой скорби

Общий результат того дня был тем, что английский офицер с окровавленным лицом был лишен шляпы и оружия, а его люди стояли с угрюмыми и унылыми лицами, *и их глубокое сожаление*; дикие и воинственные фигуры, окружавшие их, и суровые меры, которым законы войны подвергают побежденных быть пленниками.

В. Скотт конкретно не указывает, чем достигается мрачное выражение лица, но мы можем представить себе нахмуренный лоб; непреклонные складки между бровей, у носа и губ; приспущенные веки глаз, опущенные уголки губ и т.п. Выражения *обиженный и негодующий; мрачный; раздуваясь от возмущения и унижения* рисуют нам образную отрицательную реакцию героев на те или иные обстоятельства жизни.

Выражение лица героев также передает негатив: *глубокое уныние на лице, выглядел угрюмым и непримиримым, с темным, как траур, лицом, стоял чернее самой ночи, с мрачным, непреклонным видом, лицо его омрачилось, с видом глубокой скорби*.

Выражения-клише *глубокое уныние, с темным, как траур, лицом, чернее самой ночи, с видом глубокой скорби*, тем не менее, вписываются в ткань повествования гармонично и образно.

Если сравнивать описания Фрэнка и Рэшли, то мы можем отметить, что реакции первого более естественные и открытые: он злится, кричит, его возмущение видно невооруженным глазом; он может даже ударить врага в порыве гнева. Рэшли более коварен и сдержан, он не кричит, не выражает своих чувств явно, но именно с ним связаны выражения *мрачный, с темным, как траур, лицом, чернее самой ночи*. Спокойствие Рэшли обманчиво: внутри него кипят страсти, которые находят выход в его подлых поступках. Сам он

вызывает страх и опасение даже у своих близких людей, которые его уважают, но не любят.

Открытый, доброжелательный Фрэнк вызывает симпатию почти у всех окружающих, что объясняется его честной и храброй натурой.

Диана - сложная многогранная натура, естественность которой не была сломлена устоями аристократического общества. Ее эмоции также довольно открытые; она много жестикулирует; ее телодвижения говорят о нервной и впечатлительной личности. Так что даже способ выражения эмоций может многое сказать о человеке как о личности.

Взгляд тоже может показать негативную реакцию: *to look at me with eyes which tears from time to time moistened* - *глядеть на меня грустным взглядом, время от времени застилавшимся слезой*

Печаль глаз, слезы показывают нам грустное расположение духа персонажа.

Тон голоса и разговора также может передавать отрицательные эмоции:

1. *I was disappointed* - меня ждало разочарование.

Френсис *был разочарован*, его отец так же хладнокровно, как и месяц назад начал задавать вопросы о его планах.

2. *His passions were obviously irritated* - Было видно, что он сильно раздражен

Страсти МакГрегора были явно раздражены; но не замечая грубости его тона, Френсис дал ему краткий и отчетливый отчет о смерти Морриса.

3. *out of humour* – сердит

Диана поняла, что Френсис *действительно не в духе*, и на его грубую речь ответила тем же.

4. *There was a sad and melancholy cadence in her voice* - Грустные и горькие интонации звучали в ее голосе

В голосе Дианы была *грустная и меланхолическая интонация*.

Отец Фрэнсиса, очень хладнокровный человек, даже несмотря на опасности, пережитые его сыном, все так же спокойно расспрашивает

последнего о планах. Сын был очень разочарован тоном и поведением отца, которому, казалось, безразлична судьба Фрэнка.

Тон Мак Грегора также передает грубость и раздражение, но Фрэнк спокойно разговаривает с ним, так как тепло относится к нему. В третьем примере выражение *не в духе* обуславливает грубый тон уже самого Фрэнка.

Тон Дианы отражает ее грусть и меланхолию несмотря на то, что она всегда пыталась быть оптимисткой и не пасовала перед трудностями.

Вообще, тон называют главным невербальным сигналом для завоевания симпатии того или иного человека. Даже безобидные слова, сказанные агрессивным тоном, могут вызвать у собеседника негативную реакцию. И наоборот, неприятные новости, сообщенные ласковым сочувствующим тоном, воспринимаются легче. Роль тона можно продемонстрировать на примере животных. Не понимая наших слов, они реагируют на тон голоса и ведут себя в соответствии с ним.

teeth chattered with apprehension - зубы выбивали дробь от его дерзости.

Предложение незнакомца вызвало крайнюю тревогу попутчика Френсиса, и его *зубы стучали от возмущения* по поводу дерзости.

with a deep and boding sigh - со вздохом тяжелого предчувствия

Френсис оглянулся *с глубоким и предвещающим вздохом* на стены, в которых находилась Диана Вернон, с унылым впечатлением, что они расстались, наверное, чтобы больше не встречаться.

was embittered by a sigh of the deepest anxiety - не мог подавить вздох глубокой печали.

Чувство денежных затруднений возникающие позади, впереди и вокруг Оуэна угнетали его дух, и он не мог подавить вздох глубочайшего беспокойства.

В следующих примерах мы видим, как ответом на негативную информацию могут служить реакция дыхания человека, вибрация его органов. Зубы могут выбивать дробь от страха, от холода, а здесь у В.Скотта зубы стучат как реакция на дерзость. Конечно, дерзость со стороны сомнительного попутчика вызывала и страх.

Вздых всегда является реакцией на нереализованное желание. Думая об этом, человек неизбежно вздохнет с сожалением. Фрэнсис переживал о том, что больше не увидится с Дианой, поэтому покидал Осбалдистон-холл со вздохом сожаления. Оуэн также вздыхал от того, что не смог уберечь хозяина от денежных затруднений, и сам попал в тюрьму.

Физиологи утверждают, что человек часто вздыхает потому, что это расслабляет его и снимает напряжение. Также вздохи являются зеркалом нашего эмоционального состояния. Чаще всего они указывают на то, что мы испытываем сожаление или грусть. Иногда – удовлетворение, удивление, недоумение и т.п. У Френсиса вздох выражает сожаление, печаль от того, что он покидает возлюбленную. У Оуэна – печальное состояние духа из-за пребывания в неволе, беспокойства и безнадежности, возможно, еще и из-за усталости. Таким образом, вздохи можно назвать «говорящими» звуками, которые передают при общении определенные состояния: сожаление, безысходность, грусть, недовольство и т.д. и могут распространяться на других людей, как бы «заражая» их своим настроением.

В кыргызском романе описаний негативных эмоций больше, чем в английском романе.

1. Мындай шумдук түштү ким көргөн? Ким жоруган? А Нүзүптүн жүрөгү алып учуп, көздөрү диртилдеп, отургандарын кабагын, иреңинин кубулушун сабыркап тиктеп, жооп күтүп турду – Сердце Юсуфа трепетало, глаза дергались, он с тревогой всматривался в выражение лиц сидящих и ждал ответа.
2. Нүзүптүн кабагы дагы түйүлдү.
3. Жан керек, кубара түштү, бирок өзүн токтотуп, Каландер Ибрагим Хайалга тайманбай тиктеп, тишин ырсайтып жылмайды.
4. Үйдөн Эсенбай бий ызырынды:
- Карма! Карма кутурган калди!

5. Нүзүп ого бетер *өрттөй күйүп* өргөөгө дагы теинди. Айыл чууга толду. Нүзүптүн *тиштери шакылдап титиреп, көзүнөн кан түтөп, жини бастабай, буулукту, бакырып ыйлап жиберчүдөй буулукту, алдастады.*

6. Шерали алдырды. *Кабагын чытып*, башын акырын ийкеди. Көңүлүндө Нүзүптү *жек көрүү күчөп келди. Эрди томсоруп кымтыла баштады.* - Шерали проиграл. Он нахмурился, медленно кивая головой. В душе усилилась ненависть к Юсуфу. Губы, побледнев, сомкнулись.

7. Токто, эссиздер, токтогула!.. – Ал *калчылдап*, жанаша отурган Алмамбетке колдорун арбайтып сунуп, өзүн жоготуп *зиркилдеди.*

8. Ал *иреңи бир ууч болуп карайып, эриндери кеберсип, көзүн кыбындатып*, эмнени ойлонорун билбей, *башы кеңгиреп*, токтоло калды. – Ха, туз ургур, тузума койдум ...

9. Ушул учурда шашып, бир тууганы Султанмурат бек кирип келди. *Көзү алайып, оозу жарым ачылып, акактап үрөй жок.* Кудаяр-хан *нестейип тиктеди.* Эмне деп сурашка даабады. Султанмурат бек кыкылдап туруп: - Ханзаада Насирдин ... - деп *мукактанды*, айта албай.

10. Кудаяр-хан *ичтен ыйлагысы келип, өзүн аран токтотуп*, дарчеге барып, шалдырап сүйөнүп, тун уулу Насирдиндин бала кезин эстеди. «Ха, арами! Тез жеткиси келген экен такка», - деп, кайра бат эти үркүп, чыйралып, азыр колунда болсо өз колу менен бырчалап таштагыдай болуп, *кеги кайнап кетти.*

11. Кудаяр-хан *кабагын чытып, өзүнчө мурдун чыйрыды.* «Кишинин көзүнчө да чимкиреби?! – деп *этин жыйрып жийиркенди.*

12. Кудаяр-хан *суусаган таандай акактап, көзү жашылданып*, тилмечтен арга издеп, мусулман баласы эмеспи деп эш тутуп, *жалдырап тиктей берди.*

13. Молдо Асан *үңкүйүп отуруп калды.* Ичине сыр катып уурту кымтылып, *көзү заардуу жылтылдай баштады.* Исхак *чекирейип тиктеди.* Молдо Асан *кыжырлуу күңкүлдөп сүйлөдү* - Молдо Асан в угрюмом молчании присел. Еле сдерживая тайну, стиснул губы; глаза его опасно поблескивали.

Исхак недобро всматривался в него. Молдо Асан начал противно и жалобно говорить.

В первом примере мы видим, что Юсуф переживает за то, как расшифруют его сон пришедшие аксакалы. У тюрков есть поверье, что значение сна можно повернуть в нужное русло, если правильно и благожелательно его истолковать. Но это делается только один раз, поэтому Юсуф волнуется, что пришедшие посмеются над ним и неправильно расшифруют его сон: *сердце его было не на месте, глаза дергались, он с тревогой и заискиванием смотрел на аксакалов.*

Т. Касымбеков очень образно выражает специфичные понятия кыргызов, которые свято верили в значение снов. Чтобы человеку правильно расшифровали сон, он резал скот и звал уважаемых доброжелательных людей, которые бы придали хорошее значение сну.

Недовольство персонажей выражается в романе следующими выражениями: *кабагы дагы түйүлдү - нахмурился, кубара түштү - побледнел, ызырынды - разгневался, нестейип тиктеди – смотреть онемев, иреңи бир ууч болуп карайып – лицо почернело, эриндери кеберсип – губы пересохли, көзүн кыбындатып – злыми глазами смотреть, башы кеңгиреп – ничего не соображая, үңкүйүп отуруп калды – угрюмо/недовольно присел, чекирейип тиктеди – смотрел нахмурившись, кыжырлуу күңкүлдөп сүйлөдү – заговорил раздражающим жалобным голосом, кабагын чытып – приподняв брови (от удивления), өзүнчө мурдун чыйрыды – наморщить нос (от отвращения), этин жыйрып жийиркенди – сильно побрезговать, ичтен ыйлагысы келип – внутри хотелось заплакать, өзүн аран токтотуп – еле сдерживаясь, ал калчылдады – он трясся/дрожал, өзүн жоготуп – растерялся.*

Как можно увидеть из вышеизложенного, реакция на негатив отражается и визуально (в глазах, бровях, во взгляде, бледности/покраснении/побледнении лица, губах, носе, тоне голоса), и внутренне (голова не соображает, хочется плакать). Такая реакция может быть выражена в большей или меньшей степени, вербально или не вербально.

Словесное выражение встречается в романе гораздо реже невербального: *Карма! Карма кутурган калди! – Держи! Держи сумасшедшего плешивого!*

Токто, эссиздер, токтогула!.. – Остановитесь, глупцы, стойте!

Дрожь, вибрация тела также являются показателями возмущения, недовольства персонажа: *зиркилдеди – содрогаясь; тиштери шакылдап титиреп – зубы стучали от сотрясавшей его дрожи; калчылдап – дрожжа/трясаясь.*

Юсуф был возмущен отношением отца, который позорил его и называл плешивцем. Он выгнал его из дома и лишил наследства. Когда Юсуф в очередной раз пришел домой, отец прогнал его как чужого сумасшедшего человека. От возмущения все тело юноши сотрясала дрожь, так что было слышно, как выбивали дробь зубы. У В.Скотта зубы Морриса выбивали дробь от дерзости незнакомца, а у героя Т. Касымбекова – от возмущения, негодования.

Выражения *зиркилдеп, калчылдап* передают значение дрожи вследствие страха, волнения, возмущения, переживания и т.п. Они часто используются автором романа для передачи негативных эмоций персонажей.

Очень образно передает кыргызский писатель негативные эмоции своих героев, которых предали: *буулукту, бакырып ыйлап жиберчүдөй буулукту – он задыхался от душевной боли, задыхался так, что хотелось кричать и плакать; ичтен ыйлагысы келип, өзүн аран токтотуп – в душе ему так хотелось плакать, что он еле сдерживал себя.* Юсуфа предает отец, а Кудаяр-хана – сын.

Т. Касымбеков правдиво передает эмоции, которые охватывают людей в трудную минуту: *суусаган таандай аактап, көзү жашылданып, тилмечтен арга издеп, мусулман баласы эмеспи деп эш тутуп, жалдырап тиктей берди – Задыхаясь как пересохишая гортань, с помутневшими глазами, ища поддержки даже у переводчика: все же он тоже мусульманин, Кудаяр-хан заискивающе смотрел вокруг.*

Образы, нарисованные автором романа, правдивы и соответствуют психологии человека: когда ты в трудном положении, то ищешь поддержки у каждого.

Т. Касымбеков использует и специфичные проклятия, свойственные народам Центральной Азии: *ха, туз ургур, тузума койдум – чтоб его соль покарала.*

К соли у тюрков отношение особое: она имеет сакральное значение.

Хлеб-соль, как и у всех народов, считались у кыргызов священными. Если ты у кого-либо отведал хлеба-соли, то уже не мог причинить зла этому человеку. Считалось, что его соль накажет тебя – тузу уруп кетет. Так и Кудаяр-хан проклинает соратников, которые предали его в трудную минуту.

Проклятие *кан кускурлар – чтоб вас рвало кровью* также говорится в минуту гнева в отношении тех, кто предал ваши ожидания. Так Абиль-бий проклинал людей, которые пошли не за ним, а за Бекназаром.

Автор использует и национальные обороты речи, выражения, свойственные только тюркским народам: *о, айланайын, каралдым!.. – букв. чтоб я кружился вокруг тебя, зеница ока моего!* Так обращаются только к самым близким и любимым людям: детям, внукам, родителям.

Национального, специфичного мы больше встречаем у кыргызского писателя, особенно в области обращений, проклятий, использования эмотивной лексики. Интересно рассмотреть два выражения из текста Касымбекова, которые свойственны, в основном, только кыргызскому языку.

1. Тишин ырсайтып жылмайды
2. Колдорун арбайтып сунуп

В первом выражении говорится о каландере, которого могут казнить. Выражение дословно перевести достаточно сложно: *он улыбнулся, показав зубы на худом лице.* Слово *ырсайтып* подразумевает, что речь идет о худом человеке, с бледным усталым лицом. Такие слова, которых достаточно много в кыргызском, передают не только определенное лексическое значение, но и имеют дополнительные коннотации.

Второй случай также демонстрирует одну из таких лексем. Выражение переводится *он протянул руки для рукопожатия*. Слово же *арбайтын* подразумевает худого человека с тонкими сухими руками.

Такие слова являются выразителями специфики языковой культуры кыргызского народа и требуют дальнейшего подробного исследования.

Язык Вальтера Скотта более сдержан. Но у него много скрытой иронии и юмора в описаниях эмоций шотландцев и англичан. Описания шотландцев даны у него не оскорбительно, но слегка иронично:

with an expression of hate and malignity - с выражением ненависти и злобы

Маленькие шотландские дети тоже, которые начали выползать, одни совсем голые, другие слегка покрытые клочьями клетчатой материи, хлопали в ладоши и ухмылялись английским солдатам *с выражением национальной ненависти и злобы*.

Негативные эмоции проявляются детьми посредством хлопанья в ладоши и выражения лица. Здесь мы видим и удручающую бедность местного населения Шотландии, которая во многом была вызвана политикой Англии. Маленькие дети, которым должна быть чужда политика, выражают ненависть и злобу к врагу. Из этого следует, что шотландцы с младенчества приучают детей ненавидеть англичан. Хотя Вальтер Скотт был известным гуманистом, талантливым писателем, все же и он представлял собой английский лагерь.

rage or lamentation - изъятие ярости и горя.

Во время их (английских солдат) ухода, раздался пронзительный звук женского восклицания, смешанный с криками детей, воплем мальчиков и хлопками в ладоши, которыми горные *дамы* подкрепляют свои ноты, будь то *ярость или стенания*.

В следующем отрывке можно отметить, что автор не совсем доброжелателен по отношению к шотландцам. Шум, создаваемый ими, передача эмоций посредством пронзительных звуков, криков, воплей, хлопков описывает несдержанность, дикость населения севера Англии. Ироничное

слово *дамы* по отношению к невежественным шотландским женщинам также еще больше подчеркивает их бедноту и некультурность.

Мы не хотим сказать, что писатель предвзято относился к шотландскому народу, но его точка зрения была общей для большинства англичан того времени. Англичане сдержанные – шотландцы эмоциональные; англичане живут в городах - шотландцы в горах; англичане воздержанные – шотландцы пьяницы; англичане образованные – шотландцы невежественные и т.п.

Роб Рой – герой романа, который обладает многими недостатками и достоинствами. Он всегда помогает Фрэнсису Осбалдистону, поддерживает во всех трудных ситуациях. Но он – простой и не очень образованный человек; его дети – «горные ребята», которые не умеют ни читать, ни писать; жена – его верная соратница, которая готова пожертвовать всем ради свободы своего народа, достаточно жестокая женщина с трудной судьбой. Эндрю, шотландский слуга Фрэнка, также фигура неоднозначная: жадный, глуповатый, сноб, но он верен своему хозяину, честно служит ему, хотя и попадает во множество смешных и нелепых ситуаций.

Вальтер Скотт не льстит и англичанам, но образ англичан выходит у него более благородным, нежели образ шотландцев. Писатель сочувствовал героическому шотландскому народу, но он отчетливо видел все его слабости и историческую неизбежность его проигрыша.

Все же большим достоинством Скотта является то, что он опроверг стереотип англичан о том, что все шотландцы – народ «кровожадный на войне, коварный во время перемирия, корыстный, себялюбивый, скупой, лукавый в житейских делах и обладающий очень немногими достоинствами», как написано у него в книге. Писатель, как умный человек, понимал, что любая нация может порождать совершенно разных людей, как хороших, так и плохих. Людям всех наций свойственны одни и те же достоинства и пороки. Нет плохих наций, есть плохие и хорошие люди в каждой из них. Как бы не был симпатичен автору Мак Грегор, его время прошло. Время воинствующих

горцев-фанатиков уступает место капитализму, общественному развитию, индустрии, идеи которых воплощаются в англичанах.

Вальтер Скотт старается никого не осуждать. Он не может вытерпеть только преступления против людей, насилие и убийства. Он всегда выступает как борец за справедливость, как поклонник доброты, красоты и юмора.

Кыргызский писатель Т. Касымбеков также выступает продолжателем идей гуманизма и любви к родине.

3.5. Специфичные эмоции. Концепт *презрение* в английском дискурсе

Номинативное поле концепта *презрение* в английском языке большей частью представлено словами *contempt, scorn, disdain, to despise, contemptuously*.

У англичан презрение – одна из важных эмоций. В разные времена предметом презрения могли служить разные объекты: предательство, бедность, трусость, низкое происхождение, глупость, уродство и т.п. Вообще, слово презрение имеет два значения: а) глубоко пренебрежительное отношение к кому-чему-нибудь морально низкому, недостойному, подлому. Н-р: презрение к врагам; б) полное безразличие к чему-нибудь опасному из-за отсутствия боязни, страха. Н-р., презрение к смерти (Словарь Oxford Languages).

В книге В. Скотта речь идет не столько об англичанах, сколько о шотландцах. Известно, что это один из самых вольнолюбивых народов в мире. Борьба за свою независимость была смыслом существования многих поколений шотландских горцев. Кыргызскому читателю очень близки и понятны герои «Роб Роя», так как наш кочевой народ тоже славится своим вольнолюбием. В рассматриваемом романе презрение как одна из сильных эмоций очень выпукло представлена писателем. Мы считаем, что наиболее ярко можно проследить это чувство, анализируя взгляд человека, его вид, жесты; выражение лица, а также слова персонажей.

Взгляд:

1. *with fiercer and sterner look* - с более строгим, почти злобным взглядом

Некоторые люди в церкви сидели *со свирепым и суровым видом*, выражая свое *презрение* ко всем, кто сомневался в вере его пастыря, и свою радость по поводу надлежащего наказания, обличенного против них.

Взгляд человека, в данном случае, выдает все его мысли: презрение к тем, кто сомневается в вере. Религиозный фанатизм присутствовал во все времена у разных народов: европейцев, мусульман, иудеев и т.п. Многочисленные казни так называемых еретиков или иноверцев воспринимались как заслуженное наказание за грехи. У героев Скотта презрение перемешано с радостью: жестокое зрелище наказания радовало людей, становясь своеобразным бесплатным театром.

2. *the scorn, the loathing, and contempt, with which regarded* - с каким презрением, гадливостью, омерзением глядела

Невозможно описать *гадливость, отвращение и презрение*, с которыми жена МакГрегора смотрела на этого несчастного просителя о жалком благе существования.

В данном отрывке мы видим, что презрение прекрасно сочетается с отвращением и гадливостью. Жизнь просителя представляется женщине настолько жалкой и никчемной, что она не испытывает к нему никакого сочувствия, а, напротив, презирает его за слабость и стремление сохранить жизнь. Само слово жизнь подменяется у нее выражением «жалкое благо существования», что говорит об уничижительном отношении к просителю. Эта женщина Элен, которая с таким пылом защищает свою Родину и своего мужа, презирает слабых людей, готовых на все ради своей жизни. Морис заманил ее мужа в ловушку и его арестовали англичане. Теперь же он умоляет Элен Мак-Грегор простить его за предательство. Фрэнк, который был свидетелем этой сцены, отмечает, что никогда не видел, чтобы кто-то так отчаянно унижался, спасая свою жизнь. Такие сцены вызывали у всех презрение к врагу, которому помогают такие слабые и продажные личности.

3. Almost breathless, and with eyes and looks in which *scorn and indignation* had given way to the *most lively alarm*, Miss Vernon threw herself between me and the door of the apartment.

- Чуть дыша, остановив на мне взор, в котором *гнев и презрение сменились сильнейшей тревогой*, мисс Вернон ринулась вперед, преграждая мне дорогу к двери.

Презрение не может появиться на пустом месте: всегда должна быть причина, по которой объект вызывает в нас это чувство. Гнев, злость являются обычными спутниками презрения. Презрение – последняя эмоция, которую человеку хотелось бы испытывать по отношению к себе. Лучше вызывать гнев, раздражение, страх, чем презрение. Презрение означает, что ты проявил в чем-то слабость духа: струсил перед врагом, предал своего ради выгоды, помогал недругу, не оказал помощь слабому и т.п. Поэтому эту эмоцию можно назвать одной из самых сильных по восприятию. «Отмыться» от нее почти невозможно, избавиться от презрения общества можно только пожертвовав жизнью или здоровьем ради общего блага. Взгляд девушки демонстрирует различные чувства, которые ее обуревают. И все же тревога за любимого побеждает презрение.

В книге Тронова В. Д. «Материалы по антропологии и этнологии киргиз» пишется так: «На преступника киргизы смотрят с сожалением и относятся с презрением. Однако, навсегда потерявшим совесть считают только того, который совершил несколько преступлений и был каждый раз наказан. Почти совсем не встретить киргиза, который бы мучился своей совестью под тяжестью преступления и презрения» [193, с.87].

Значит, у кыргызов презираются преступники, которые совершили проступок несколько раз, т.е. закоренелые преступники. Мнение же автора, который считает, что ни у кого из кыргызов не вызывает дискомфорта всеобщее порицание или презрение, достаточно спорное. Возможно, провинившиеся не подают вида, что испытывают мучения, тем более, перед иноверцем.

Книга эта написана в 1891 году. С тех пор многое изменилось, но, по нашему мнению, эмоции редко подвергаются изменениям даже с течением времени. Единственно, что меняется, это объект эмоций. «Роб Рой» также был написан в 19 веке, но в самом его начале, в 1817 году. Англичане также говорили о шотландцах, что половина взрослого населения живет воровством, разбоем, угоном скота и, что хуже всего, они этим гордятся.

Это мнение англичан, которые считали шотландцев диким непокорным народом. Грабежи же среди шотландцев объяснялись тяжелой жизнью простого народа, который был вынужден грабить богачей, как своих, так и англичан. Мы думаем, что шотландцы не гордились этим, но не показывали перед англичанами своих истинных чувств.

4. *to retort with one of decided scorn* - встретить взглядом нескрываемого презрения

В данном случае речь идет о слабой девушке, которая не боится выразить свое истинное отношение к своим недругам. Слабость тела – не всегда слабость духа. Ей легче было уйти в монастырь, чем выйти за презираемого ею человека, потому что это чувство тесно связано с чувством превосходства. Презираемого человека ты считаешь хуже себя, ниже себя и т.п. Победить презрение – самое сложное дело. Легче победить страх, слабость, гнев, но презрение - самая живучая эмоция, и не показать ее взглядом очень трудно.

5. Отец смотрел на Френсиса спокойным, но строгим взглядом презрения и жалости.

Отец хотел для своего сына лучшего, по его мнению, будущего. Его неповиновение он рассматривает как каприз, упрямство и слабость характера. Отец Фрэнка мечтал, сын будет его преемником и станет хорошим коммерсантом. Для старшего Осбалдистона любовь сына к стихам и литературе становится причиной презрительного отношения к нему. Для сына же, напротив, заниматься нелюбимым делом значит предать себя. Запоминается фраза Фрэнка, которую он говорит после ссоры с отцом: «Я никогда не продам свою свободу за золото».

Презрение отца смешано с жалостью, которая ясно читается в его взгляде. Все же чувства к сыну невозможно победить самыми меркантильными расчетами.

Из этих примеров видно, что взгляд может выдать самые тайные чувства человека. На языке мы можем говорить кому-либо приятные слова, но взгляд выдаст истинные чувства говорящего.

Контролировать это почти невозможно. Ученые пишут, что на это способны только 5 процентов людей. Остальные же, к счастью или к сожалению, не умеют притворяться до такой степени, чтобы изменить выражение глаз.

Вид человека.

1. *with an air of superlative contempt* - с видом предельного пренебрежения

Осбалдистон-старший бросил блокнот сына *с видом превосходного презрения* со словами, что Фрэнсис еще больший болван, чем он думал.

Вид человека может сказать очень многое внимательному наблюдателю. Его манеры, тембр голоса, даже одежда может показывать желание доминировать над собеседником, которого человек считает слабее себя. Желания Фрэнка, на которого возлагались большие надежды, кажутся абсурдными его отцу, который литературу, поэзию считает несерьезным времяпровождением. В те времена поэты вели довольно бедную и разгульную жизнь, поэтому с пуританской точки зрения старшего Осбалдистона, стать поэтом значило стать пьяницей и бедняком. Весь вид отца Фрэнка, начиная от безупречной одежды до его язвительной усмешки и превосходных манер, протестует против глупой, на его взгляд, затеи сына. Старший Осбалдистон глубоко презирает труд поэтов, которых считает ничтожествами, не желающими трудиться по-настоящему.

«Я в своей прозорливости начинаю подозревать молодого человека в страшном пороке — Поэзии; и если он действительно заражен этой болезнью лентяев, то для государственной карьеры он безнадежен. Коль скоро он

предался рифмоплетству, на нем как на полезном члене общества нужно поставить крест — actum est.»

Бен Джонсон, «Варфоломеевская ярмарка»

Это высказывание, приведенное в романе Вальтера Скотта, показывает, каким было отношение в обществе к поэтам и писателям, поэтому презрительный вид отца Фрэнка вполне объясним.

2. *with a look of haughty disdain* - с видом высокомерного презрения

Когда Решли подошел к мисс Вернон и хотел отдать ей честь, она отпрянула *с видом надменного пренебрежения*.

Мисс Вернон ответила на пыливый взгляд Решли решительным презрением.

Диана презирает Решли не только как недостойного родственника, шантажировавшего ее, не только как назойливого поклонника, но и как предателя родины. Весь ее вид говорит о том, что она презирает этого человека, хотя мы знаем, что она в то же время и опасалась его. Презрением она прикрывала свое опасение перед ним, в чем призналась Фрэнку в самом начале его приезда к родственникам.

Говоря о виде, хотим отметить, что большинство европейцев, особенно англичан, всегда отличались крайним высокомерием по отношению к нижестоящим людям. Постоянными эпитетами англичан можно считать выражения «холодный взгляд», «высокомерный вид», «презрительная усмешка» и т.п. Долгое время они считали и заставляли верить весь мир, что быть англичанином – особая привилегия, данная богом. Поэтому остальные народы должны стоять ниже них. В то же время маска холодности, презрения помогала англичанам выстоять в тяжелых условиях жизни в странах Востока, Индии, Африки и т.п. Она создавала им определенную репутацию сильных и невозмутимых людей, с которыми туземцы старались не связываться.

Выражение лица, улыбка, смех

to express the most supreme degree of scorn and contempt - выразить крайнюю степень гордого презрения.

to intimate one's contempt - выражать на своем лице презрение

1. Некоторые люди в церкви сидели со свирепым и суровым видом, *выражая свое презрение* ко всем, кто сомневался в вере его пастыря, и свою радость по поводу надлежащего наказания, обличенного против них.

Шотландцы и англичане, как и большинство людей того времени, отличались большим рвением в вере. Они ненавидели католиков, с большим почтением относились к религиозным праздникам, постоянно посещали церковь. Все твердо придерживались принципов своей веры. Сомнение же строго каралось и церковью, и судом. В данной сцене Фрэнк описывает другу церковь в Глазго, где собрались на проповедь и горожане, и горцы. Свою веру шотландцы считали единственно верной, противопоставляя ее папистам-католикам. Все, кто выступал против протестантизма, были презираемы как отступники.

2. *with a calm but stern look of scorn and pity* - спокойным, но строгим взглядом презрения и жалости

There I stood, swelling with indignant mortification, while my father regarded me with a calm but stern look of scorn and pity.

Здесь речь идет о Диане, которая не столько ненавидела, сколько презирала Рэшли, и даже жалела его как умного человека, погубившего себя. Так она смотрела на него, когда он арестовал ее и ее отца. Никто не просил у Рэшли снисхождения, помощи или сочувствия. Это презрение раздавило и унизило его больше, чем возможные крики и злость.

Преодолеть презрение, по-нашему мнению, самое сложное дело. Легче преодолеть злость, жалость, ненависть, которые не вызывают отвращения у собеседника. Презрение же вызывается теми поступками, которые для вас недопустимы. Это простить невозможно.

3. В углах рта змеилась едва заметная улыбка, в которой как бы сказывалось его собственное презрение к тихому, мирному характеру, принятому на себя временно и с плохо скрываемым притворством (с. 102).

Несмотря на то, что выражение лица Кэмпбелла было мирным, но легкая улыбка выдавала презрение к своему притворству. Главный герой, Фрэнк, также

замечает, что шотландец никак не был похож на пострадавшего. Он, скорее, смахивал на разбойника, о чем говорила презрительная усмешка на его лице. Сказуемое «змеилась» к подлежащему «улыбка» говорит о том, что Кэмпбелл был неискренен.

Он мог притворяться мирным торговцем, принимать покорный вид, но лицо выдавало его истинное отношение к происходящему, его презрение к англичанам.

4. Но упрямая хозяйка ответила очень презрительно на все наши просьбы и увещевания

Шотландская трактирщица не хочет впускать англичан в свой дом. Несмотря на то, что путешественникам больше негде остановиться, она не желает предоставлять им кров. Это все объясняется давней враждой между шотландцами и англичанами, когда первые боролись за свою независимость. К тому же женщина не хочет навлекать неприятности на свою голову, если незваных гостей убьют. Презрение трактирщицы объясняется также и тем, что шотландцы считают англичан невоздержанными в еде. Она говорит: «Поставьте кусок ростбифа и пудинга па одном краю Тофетской пропасти, а англичанина на другом, и он непременно решится перепрыгнуть» (с.338). Презрение трактирщицы относится ко всем англичанам вообще, а не к каким-то определенным людям.

5. Она выпрямилась во весь свой рост и засмеялась горьким, презрительным смехом, в котором сказалось наболевшее чувство (с.388).

Элен Мак-Грегор презрительным смехом отвечает мистеру Джарви и Фрэнку, которых считает своими врагами-англичанами. Здесь сказывается ее наболевшее чувство сострадания к своим соотечественникам, которые годами, как она говорит, «были вашими (английскими) жалкими рабами; когда мы служили вам дровосеками, водовозами и гуртовщиками, доставлявшими мясо для ваших пиров; когда вы безнаказанно теснили и угнетали нас своими законами».

Презрительный смех связан и с тем, что мистер Джарви напомнил ей о своем родстве с ее мужем, и о свадебном подарке, который он прислал на свадьбу. Элен считает, что Джарви и Фрэнк находятся в зависимом положении и хотят добиться чего-либо от нее.

Автор все же симпатизирует этой женщине, поэтому ее смех у него вызван «наболевшим чувством».

Таким образом, мы можем увидеть, что у шотландцев и англичан вызывают презрение слабые люди, готовые на все ради спасения своей жизни. Они презирают предателей, врагов; людей, неустойчивых в вере. Это выражается у них не только в словах, но и во взгляде, выражении лица, манерах и поведении. Презирали англичане в то время и людей искусства: поэтов, художников. Склонность к поэзии считалась у них неисправимым пороком, так как редко кто из людей искусства мог заработать себе на достойную жизнь.

У кыргызов также презрения достойны люди, предавшие свою родину, свой народ. Презирали трусов, преступников, скотокрадов. Но к людям искусства – акынам – все всегда относились с уважением, приглашали их на праздники, богато одаривали их.

3.6. Эмоциональный концепт *страх* в кыргызском дискурсе

Страх – одна из самых сильных эмоций в мире. Преодолеть ее получается далеко не у всех. Страх может вызываться разными причинами: это и страх наказания, страх смерти, страх услышать плохие новости о ком-либо или о чем-либо; страх боли, увечья, страх за кого-то и многое другое. В романе Т.Касымбекова эта эмоция – одна из самых популярных, хотя, как мы уже отмечали, отрицательных эмоций у него и так описано намного больше, чем положительных.

Страх также одна из самых заметных эмоций: ее видно по глазам, по движениям человека, по лицу, по мимике и т.п. О страхе или тревоге говорит и холодок на сердце, и неуверенные движения рук и ног, невозможность кричать и бежать. Соматизм *сердце* чаще прочего ассоциируется со страхом у многих

народов мира. Сердце стучит от страха, сжимается; страх разрывает сердце; сердце останавливается от страха, замирает; сердце трепещет от страха в груди и т.п. Рассмотрим, как передается эмоция страха у Т.Касымбекова.

Сердце

1. Муну генерал баамдап коё тургандай же бирөө жеткирип сала тургандай *жүрөгү чоочулап, ичи бир кымылдап, бир сыйрылып, башына кан дүргүп, жаны түтөп, барган сайын чыдамы бүтүп баратты;*
2. *Жүрөгү чыгып, жүзүнөн бардык сыры кубулуп, Нүзүптүн бутуна жыгылып түшкөн Абусатар Калпаны жигиттер эки буттан алып, дырылдатып сүйрөп жөнөштү.*
3. Эмне кылабыз? – деп *жүрөгү түшүп сурады Шерали.*
4. Мадылдын кулагына «тору кашка» деген сөз шак дей түштү. Жалт карап, *жүрөгү булкуп кетти.*
5. Каландердин жылтылдаган сансыз оттор жакка ишара кылганы Ибрагим Хайалдын *жүрөгүн болк эттирди. Анын иреңи кубула түштү. Билдирбеске тырышты.*

В первом примере из романа выражение *жүрөгү чоочулап* – сердце сжалось, затрепетало: аскербаша боялся, что генерал Черняев догадается о его плане и ускользнет из ловушки.

Во втором примере *жүрөгү чыгып* – сердце выскакивало из груди – говорится о воине, которого привели на расправу к Юсуфу. Сердце у него рвалось от страха смерти.

Третий пример - *жүрөгү түшүп* - рассказывает о Шерали, который всю жизнь был пастухом, а после стал ханом. Но возвысился он не благодаря собственному уму или силе, а лишь волей беков. Он не знает, что ему делать, как управлять государством и людьми. Поэтому сердце у него падает каждый раз в сложных ситуациях.

Жүрөгүн болк эттирди – сердце дрогнуло – Ибрагим Хайал чувствует, что его обманывают. Сердце его беспокойно, он боится смерти, предательства, но выхода у него нет: ему надо бежать.

Сердце у многих народов считается главным органом, отвечающим за храбрость человека. В русском языке встречаем: *храброе сердце, отважное сердце, бесстрашное сердце, львиное сердце* и т.п. Или же *заячье сердце, трусливое сердце*. Если мы говорим *сердце упало*, то это может относиться не только ко страху, но и к расстройству, тревоге и другим эмоциям.

У кыргызов: *эр журук – храброе сердце, арстан журук – сердце льва, антоним – журугу жок - трусливый, коен журук – заячье сердце, журугу тушту – испугался* и др.

У англичан: *to have a lion's heart* – дословно: иметь львиное сердце, *to steel one's heart* – дословно: закалить сердце; переносно: а) ожесточиться, стать безжалостным; б) закалиться, стать храбрым; *heart in one's mouth* – дословно: сердце во рту; переносно: быть очень напуганным, *chicken-hearted* - дословно: с сердцем цыпленка; переносно: трусливый, малодушный, робкий. Если мы говорим *сердце упало – heart sank* – то это значит не трусость, но испуг, расстройство, упадок настроения.

Как видим, сердце у всех народов –местилище храбрости. Смелыми считаются люди, сердца которых сравнивают со львом, тигром. Трусость же ассоциируется с зайцем, цыпленком. Выражение *падает сердце* означает испуг, расстройство, тревогу, а не трусость во всех трех языках.

Интересно отметить, что если мы говорим по-русски, что у человека *нет сердца*, то это не передает понятия трусости. Это говорит о его жестокости. В английском языке *to lack the heart* - дословно: не иметь сердца; переносно: не иметь необходимой смелости или бессердечия, чтобы что-то сделать. То есть, это говорит о недостаточной храбрости, решительности. В кыргызском языке выражение не иметь сердца – *журугу жок* - также говорит о трусости.

Лицо

Как бы мы не пытались «держать лицо», оно все равно выдает наши эмоции, особенно страх. Лицо от страха бледнеет, зеленеет; вытягивается, меняется и т.д.

1. Жигит жулкунган жок, нес боло түштү, *кыпкызыл иреңи заматта купкуу болуп кетти* – Джигит, как оглушенный, не сопротивлялся; румяное лицо его сразу побелело.
2. Эмнени ойлоноюн, – деди Данил *иреңи кубарып*, эрегише кашкойлонуп, - энем тууп, кайсы динге чокундурган болсо, мен ошол динимде өлөм! - Что там думать, - сказал побледневший Данил...
3. Султанмурат бектин *иреңи купкуу*, колтойгон боюн кайда жашыраарын билбей эби жок бүжүрөп, боору титиреп, кызарып эти өсүп кеткен көзүн үлдүрөтүп, ичинен тынымсыз келме келтирип, босогону араң аттады.
4. Абышка үтүрөйүп коркту. – Тооба кыл! Тооба кыл... - деп, көзүн алайтып, жакасын сыга карманып, абышка кобурап келме келтирди. *Иреңинде кан сөлү калбай*, өзүнөн өзү демигип, колу титиреп кетти; - В лице его не осталось ни капли крови, он задыхался, руки его дрожали.
5. Өзгөчө Абил бий чөлдөгү *боз моло болуп катып*, *иреңи күлботодой кубарып* кетти, нечен кылта кырккан жерден бир тал чачына забын келтирбей соо чыга билген аярдын оозуна сөз кирбей калды. – Абиль бий застыл как изваяние, лицо его побелело как глина.

Мы видим, что почти во всех случаях лицо от страха бледнеет, белеет, в нем не остается крови. Страх смерти делает лицо безжизненным, неподвижным.

В русском языке тоже от страха белеют или бледнеют. Мы говорим «кровь отхлынула от лица», «стал бледным как мертвец», «лицо как восковая маска» и т.п.

В английском от страха также можно побелеть и побледнеть *went pale with fear; turned white*.

Таким образом, мы видим, что от страха у всех народов лица белеют, бледнеют и т.п. Это общее свойство всех людей.

Глаза, губы, руки, рот, голос, голова

Страх может отражаться на всех частях тела человека, особенно это касается его лица, глаз, рта, голоса, рук и т.д. Все это хорошо продемонстрировано у Т.Касымбекова в рассматриваемом романе.

1. Султанмурат бектин иреңи купкуу, колтойгон боюн кайда жашыраарын билбей эби жок бүжүрөп, боору титиреп, *кызарып эти өсүп кеткен көзүн үлдүрөтүп*, ичинен тынымсыз келме келтирип, босогону араң аттады.
2. Абдымомун бек түшүнбөй, *кичинекей сары көздөрү диртилдеп*, эмне жооп айтарын билбей, өкүмдардын иренинин сүрүнөн жалтанып бүжүрөдү.
3. Абышка үтүрөйүп коркту. – Тооба кыл! Тооба кыл... - деп, *көзүн алайтып*, жакасын сыга карманып, абышка кобурап келме келтирди.
4. Насирдин-хандын *эки көзү чакчайып кетти*. Эрди титиреди. Оозунан сөз чыкпады.
5. -А...А...-Казый апкаарып, бозоргон *нурсуз көздөрү диртилдеп кетти*.

Как мы выяснили, лицо при страхе бледнеет, белеет. Но основная нагрузка при этом приходится на глаза, которые передают все наши переживания и эмоции. От страха глаза могут дергаться, краснеть, вылупиться и т.д. В приведенных выше примерах мы видим, как Касымбеков передает эмоцию страха у своих персонажей.

В первом примере - *кызарып эти өсүп кеткен көзүн үлдүрөтүп* - его *покрасневшие маленькие глаза заморгали*. В кыргызском языке мысль автора выражается четче: его глаза называются красными, заросшими мясом и дергающимися. В книге на русском языке это выражение вообще не переведено: *Он жался и сутулился, как будто бы хотел спрятать от глаз человеческих свое грузное тело, сделать его меньше*.

Эмоция страха передана, но не при помощи описания глаз, как это было в оригинале. Остальные моменты переданы в данном предложении также не вполне адекватно: бледное лицо, сутулость упоминаются, а дрожание печени, непрерывное чтение молитв про себя, дрожащая походка заменены на другие выражения. Мы считаем, что у Касымбекова в оригинале более яркое описание страха, и именно выражение глаз играет в этом не последнюю роль.

Во втором примере *кичинекей сары көздөрү диртилдеп* – *маленькие желтоватые глазки его задергались*. Здесь хорошо передано замешательство

героя от страха, его растерянность перед лицом большого общества, невнятная речь.

Выражение *көзүн алайтып* означает *выпучив глаза*. Отец Исхака был очень религиозным, суеверным и трусливым человеком. От страха терялся, сразу начинал молиться, выпучивал глаза, что часто раздражало его сына.

Эки көзү чакчайып кетти переводится как *таращиться*, переводчик же выбрал форму *глаза метали искры*. В оригинале Насирдин-хан показан более жалким и слабым. Перевод на русский слегка облагородил его образ, сделав его более смелым и решительным.

В последнем примере *нурсуз көздөрү диртилдеп кетти* – *выцветшие глазки его забежали* говорится о старом кадие, которого призвал к себе Юсуф. Кадий старался не подавать вида, что был очень напуган и старался говорить то, что было угодно аталыку, но глаза выдали его страх.

Как мы видим, глаза от страха *дергаются, выкатываются, таращатся* и т.п. Многие выражения со словом *глаз* в кыргызском языке труднопереводимы на русский язык, поэтому переводчики чаще всего заменяют их другими, близкими по смыслу выражениями.

1. *Эриндери титиреди*, эмнегедир эки көзү Абилден өттү. Абил аны тиктебеди, оозуна эчтеме кирбей жигиттин *башы каңгырады*.
2. Иреңинде кан сөлү калбай, өзүнөн өзү демигип, *колу титиреп кетти*.
3. Насирдин-хандын эки көзү чакчайып кетти. *Эрди титиреди. Оозунан сөз чыкпады*.
4. Эшикке келгенде Атакул батырбашы *мууну титиреп, муздак тер кетип*, бирок кирбеске айла жок, босогодон араң аттады. Атакул: - Ассалому алейкум... - деп, *үнү каргылданып* араң салам айтты.
5. Абдымомун бек түшүнбөй, кичинекей сары көздөрү диртилдеп, эмне жооп айтарын билбей, өкүмдардын *иреңинин сүрүнөн жалтанып бүжүрөдү*.
6. Абдырахмандын эти дүрүлдөдү, эмне дээрин билбей, *оозу жарым ачылып*, нестейип калды.

Примеры из первого предложения описывают один из самых драматичных моментов романа: молодого парня приносят в жертву, чтобы возвести Шерали в ханское достоинство. Юноша все никак не может поверить, что вот так глупо закончится его жизнь, что он погибнет не в бою за родину, а как животное под ножом своих же соплеменников.

Эриндери титиреди – губы его дрожали, *башы кангырады* – голова не соображала. Страх сковал его тело, и он перестал воспринимать реальность адекватно. Он надеялся, что все-таки останется жив, что не может все кончиться так внезапно. Человеческие жертвоприношения – один из самых жестоких показателей бездушности того времени.

Во втором примере приводится сцена испуга отца Исхака молдо Асан, когда сын говорит ему, что неважно в какого бога верит человек, нельзя из-за этого проливать кровь невинных людей. От таких слов молдо побледнел, стал задыхаться, *руки его задрожали – колу титиреп кетти*. Даже слова могли привести темного человека в ужас.

В третьем предложении используются следующие выражения *Эрди титиреди*. *Оозунан сөз чыкпады – подбородок его задрожал. Ни слова он не мог вымолвить*. Здесь речь идет о страхе потерять власть. Жестокость, глупость и самонадеянность Насирдин-хана приводит его к реальной потере власти.

В отрывке про Атакула речь идет о том моменте, когда он предстает перед Исхаком. Батырбаши предал своего друга и его терзает страх смерти. *Мууну титиреп, муздак тер кетип; үнү каргылданып – поджилки его дрожали, он покрылся холодным потом, голос его охрип*.

Атакул и сам понимает, что за его провинность может быть только одно наказание – смерть. Поэтому от осознания близкой смерти он весь дрожит и не может молвить слова: из его рта едва доносится слабое приветствие. Писатель очень живо описывает состояние страха своих персонажей, их переживания и эмоции.

В пятом примере передается состояние Абдымомун бека, который от страха перед ханом и сородичами не знает, что сказать, не понимает

сложившейся обстановки. *Окүмдардын иреңинин сүрүнөн жалтанып бұжүрөдү – перед лицом стольких властимущих он испугался и что-то невнятно бормотал.*

Исхак разозлился на Абдымомуна за то, что по своей глупости и недалёковидности тот поощрял жестокое обращение с иноверцами.

В последнем примере выражение *оозу жарым ачылып – рот его приоткрылся* говорится о состоянии Абдырахмана, у которого страх перед Исхаком вызвал дрожь и растерянность. Он даже на какое-то время потерял способность говорить, забыв закрыть рот.

Именно эти детали: дрожь губ, подбородка, рук; хриплый голос или же неспособность говорить, приоткрытый рот, пустая голова и т.п. особенно правдиво передают состояние страха людей в различных обстоятельствах жизни.

Внешний вид, состояние

Хорошо передаются эмоции страха и через общий внешний вид людей, через их внутреннее и внешнее состояние.

1. Султанмурат бектин *өңү өчүп*, ичинен келмесин келтирип, «Э, куда, даргөйүңдө сактай көр!..» деп күбүрөп, *ачык эле калтырады*.
2. Бул эмнеси? Эч качан мындай ызатты көрбөгөн, көрөм деп эч качан көксөбөгөн бечара Шерали *апкаарый түштү*. Үй толгон көздөр чачырап аваз кылып карап, Шерали *ансайын кысылып, өз денеси өзүнө артыкбаи болуп кетти*.
3. Кара киши *эки жакты элтеңдеп карап, өңдөн кетип, тили сөзгө келбей апкаарый түштү*: - Мен чапкан эмесмин... Ким көрүптүр...
4. Өлүм! Өлүм! Капыстан бетме-бет чыга түшкөн өлүм кызыл жүздүү жигитти *апкаарытып таштады*.
5. Өлүктөрдү бир четке чогултуп көөмүп салышкан экен. Сыпайлардын *эти дүркүрөдү*.

6. Султанмурат бектин *иреңи купкуу*, колтойгон боюн кайда жашыраарын билбей эби жок *бүжүрөп*, *боору титиреп*, кызарып эти өсүп кеткен көзүн үлдүрөтүп, *ичинен тынымсыз келме келтирип*, босогону араң аттады.
7. Абдырахмандын *эти дүрүлдөдү*, эмне дээрин билбей, оозу жарым ачылып, *нестейип* калды.
8. Насирдин бектин эки көзү чакчайып, тиги жакындаган сайын *улам чоңойгонсуп*, *жалтырап*, *колу калтырап белиндеги бир атма орус тапанчасына жабышты*, тапанчаны акырын сууруй баштады.

В первом примере выражения *өңү өчүп*, *ачык эле калтырады* – *постарел, поблек*, *явно задрожал* говорят о страхе человека перед будущим, вернее, перед его отсутствием. Султанмурат бек считает свою жизнь конечной и не знает, что будет дальше.

В следующем примере рассказывается о человеке, который хлестнул плеткой коня Юсуфа на байге. *Эки жакты элтеңдеп карап*, *өңдөн кетип*, *тили сөзгө келбей апкаарый түштү* – *от испуга он беспомощно озирался, побледнел, не мог говорить*. Зная, что так делать нельзя, он все же поддался на уговоры, а теперь был опозорен при всем народе. Кроме того, он должен был свидетельствовать против подкупивших его людей. Этим и объясняются его испуг и растерянность.

Страх смерти – самый сильный. В примере говорится о том, что угроза внезапной смерти может обессилить любого человека.

Капыстан бетме-бет чыга түшкөн өлүм кызыл жүздүү жигитти *апкаарытып таштады*. – Внезапная встреча лицом к лицу со смертью *заставила побледнеть* молодого румяного джигита.

В пятом предложении говорится о том, что люди увидели большое количество трупов, оставшихся после боя, и их охватило шоковое состояние страха и ужаса. *Эти дүркүрөдү* – *тело затряслось* – этими словами автор хотел передать подавленное состояние людей, увидевших последствия войны.

В следующем предложении Султанмурат... *бүжүрөп*, *боору титиреп*, *ичинен тынымсыз келме келтирип* – *Султанмурат... засуетился, печень его*

затряслась, про себя он непрестанно читал молитвы мы видим, как мастерски автор передает состояние страха, при этом сохраняя национальную соотнесенность. Упоминание о печени, которая у восточных народов является средоточием чувств, воссоздает атмосферу жизни Центрально-азиатских народов.

Выражения из следующего предложения *эти дүрүлдөдү, эмне дээрин билбей, оозу жарым ачылып, нестейип калды* – задрожал всем телом; растерявшись, не знал, что сказать; рот его приоткрылся. Мы можем ясно представить себе этого испуганного человека, который без слов дает понять, насколько он напуган.

В предложении про Насирдин хана использованы следующие выражения: *улам чоңойгонсуп, жалтырап, колу калтырап белиндеги бир атма орус тапанчасына жабышты* – от страха рука его затряслась и потянулась к русскому пистолету. Насирдин хан никогда не отличался особой храбростью. Вот и в этом примере мы видим, что он до дрожи боится врага и надеется только на оружие.

Душевные изменения

1. Калназар парваначынын *үрөйү учуп кетти*: - О, өкүмдар!.. – деп жиберди жалынычтуу.
2. . Нүзүп *ичинен калтылдап*, катал үн менен, акырын сүйлөдү: - Ана! Эң ишенген кишибиз Мусулманкул! Элди бузуп... - *Ички калчылдагы тышына чыгып катуулап кетти*.
3. Атакул өзүнөн өзү кичинерип, ан сайын *куту учуп*, же жүгүрүп барып этегине жыгыларын, же кайрат кылып өз боюн түз тутарын билбей *эсинен танып салбырады*.

От страха меняется не только внешность человека, но и его внутреннее состояние. Выражение *үрөйү учуп кетти* – букв. *душа вылетела из тела, сердце замерло в ужасе* – говорит о высокой степени страха человека.

Выражения *ичинен калтылдап* – *дрожь изнутри*; *ички калчылдагы тышына чыгып катуулап кетти* – *внутренняя дрожь усилилась и вышла*

наружу. В русском языке также есть подобные выражения: *трястись от страха, внутренняя дрожь*. В английском языке *to shake with fear/ to shake like a leaf* – трястись от страха, дрожать как лист. Дрожь, как внешняя, так и внутренняя, выдает страх человека. В третьем предложении используются следующие выражения *куту учуп* – букв. *счастье улетело*, то есть очень испугался; *өз боюн түз тутарын билбей эсинен танып салбырады* – обессилел так, что не мог прямо держаться.

Все эти выражения показывают не столько внешние, сколько внутренние изменения человека, возникшие от страха. Но эти внутренние переживания ведут и к внешним проявлениям сильных эмоций: дрожь тела, невозможность стоять прямо и т.п.

Таким образом, страх может проявляться не только внешне. Внутренние последствия его также очень важны, и они часто могут переходить во внешние признаки.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

1. Эмоции можно считать одним из культурных кодов народа;
2. Отрицательных эмоций в обоих романах представлено значительно большее количество, чем положительных;
3. Негативные эмоции могут передаваться вербально и невербально: мимикой, жестами, взглядом, тоном, выражением лица и т.п.
4. Негативные эмоции в английском романе – *раздражение, разочарование, грусть, плохое расположение духа*; в кыргызском – *недовольство, раздражение, неприязнь, отвращение, разочарование*;
5. Вербальное выражение негативных эмоций чаще встречается в романе Касымбекова «Сломанный меч»;
6. Эмоция «презрение» образно представлена в английском тексте, и почти отсутствует в кыргызском;
7. Эмоция «страх» очень ярко обрисована в кыргызском романе, а в английском тексте встречается очень редко;

8. Эмоция «гнев» полно представлена в обоих текстах, как одна из главных эмоциональных реакций человека;
9. У В.Скотта персонажи часто скрывают свои негативные эмоции, а у кыргызского писателя они выражаются более явно;
10. В языке Касымбекова больше специфичных выражений радости и других эмоций, которые помогают передать культурные особенности эмоционального поведения кыргызов и формируют национальные стереотипы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего лингвокультурологического исследования выявлены пути и способы передачи эмоций в романах Т. Касымбекова «Сынган кылыч» и В. Скотта «Роб Рой». Выяснилось, что в характере семантических отношений между различными языковыми лексико-фразеологическими средствами, выражающими эмоции есть много общего. Реакции людей на негативные и радостные события порой совпадают, порой отличаются в разных культурах. Это объясняется прежде всего когнитивными факторами, формирующими у народов восприятие мира через родные языки, которые фиксируют в своем семантическом пространстве разные способы концептуализации окружающего мира.

В данном исследовании установлено, что эмоции в обоих произведениях выражаются как лингвистическими, так и паралингвистическими средствами. Так, в кыргызском романе лингвистический ресурс вербализации эмоций передан автором большей частью посредством выражений с соматизмами, тогда как в английском языке эмоции чаще выражаются лексикой, выражающей природные стихии (огонь, гроза и т.д.). В обоих языках отмечено активное использование невербальных средств, сопровождающих проявление эмоций (мимика, жесты, позы, интонации, громкость голоса и т.д.)

Можно выделить следующие тенденции эмоциональной концептуализации в кыргызском и английском познании мира. Во-первых, в обоих языках количество негативных эмоций существенно превышает количество позитивных. Негативные эмоции составляют более 85% от общего числа описанных в романе «Сынган кылыч», и более 95% в романе «Роб Рой». Ср.: в состав отрицательных эмоций вошли гнев, презрение, страх, грусть, раздражение, разочарование, плохое настроение, отвращение, досада, возмущение, месть и т.д. Положительные эмоции представлены более скудно: радость, удовольствие, успокоение, одобрение, хорошее настроение. Предположительно это можно объяснить общечеловеческим опытом эмоционального поведения, когда нечто плохое, отклоняющееся от нормы,

фиксируется в сознании лучше, чем хорошее или соответствующее норме или ожиданиям. Наше исследование подтвердило существующее мнение о том, что отрицательные эмоции или, точнее, эмоциональные и поведенческие реакции на отрицательные или опасные стимулы более действенны и ощутимы, чем реакции на положительные стимулы, которые не угрожают выживанию. Наконец, как известно, язык также фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме.

Во-вторых, продемонстрирована специфичность выражения одних и тех же эмоций представителями кыргызской и шотландской лингвокультуры. Однако, следует отметить, что в кыргызском художественном дискурсе эмотивной лексики с национально-специфичной окрашенностью, выступающих в прагматической функции обращений, проклятий и суеверий, встречается значительно больше, чем в английском дискурсе. Это связано, главным образом, с национальными особенностями восприятия действительности носителями кыргызского языка, их менталитетом, социально-историческим укладом жизни кыргызского народа, которые нашли свое отражение в изображении персонажей романа.

В-третьих, было выявлено, что эмоциональный культурный код кыргызов в романе Т. Касымбекова передан более объемно и развернуто, чем эмоциональный культурный код шотландцев по роману В. Скотта.

Таким образом, наряду с параллелями между двумя языками существует и ряд различий, хотя и несколько иных, чем было предполагалось априори. Следовательно, эти межъязыковые несоответствия не обязательно отражают фундаментальные различия между эмоциональными мирами кыргызско- и англоговорящих. Представляется, что у этих различий могут быть следующие источники: – разное лексическое «покрытие» одного и того же концептуального поля – широко распространенный языковой феномен, встречающийся не только в области эмоций. Относительно эмоций это означает, что, подобно тому, как различаются менталитет и культура, так же различаются и правила их вербализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдувалиева, Э.А. Концепт как категория гносеологии и языкознания [Текст] / Э.А. Абдувалиева, Д.Б. Мадаминова, А.К. Зулпукаров // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2017. - №3(5). – С.12-15.
2. Абдулатов, А.А. Кыргыз паремияларынын когнитивдик-лингвистикалык өңүттө сыпаттоонун айрым проблемалары [Текст] / филол. ил.-н. канд. ... автореф. / А.А. Абдулатов – Б., 2008. – 22 б.
3. Абдыракматова, Н.К. “Жан” концепт фразеологизмдерде [Текст] / Н.К. Абдыракматова, Ж.О. Дюшеков // Кыргыз тили жана адабияты. – 2007. - №11. – С. 105 - 110.
4. Абыканова, Г.А. Концепт как лингвокультурологический термин [Текст] / Г.А. Абыканова // Вестник Бишк. гос. ун-та им. К. Карасаева. – 2008. - №1(10). – С. 64 – 66.
5. Абыканова, Г.А. Концепт “вода/суу” в русском и кыргызском языках: [Текст] / Г.А. Абыканова // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бишкек, 2012 – 24 с.
6. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
7. Айтбаев, А. А. Менталитет кыргызского народа [Текст]: теория и практика / А. А. Айтбаев. – Бишкек: [б.и.], 2006. – 249 с.
8. Апаева С.А. Концепт *бийлик/власть* через призму кыргызского языка [Текст] / С.А. Апаева // язык культура, этнос. Вып. 2. – Б.- СПб, 2017. – С. 81-90.
9. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка) [Текст] / О.В. Александрова // Учеб. пособие. - М., 1984.
10. Алефиренко, Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград, 2003. – 202 с.
11. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка: вводный курс [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. 4-е изд. – М., 2010. – 384 с.

12. Алимжанова, Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека [Текст] / Г. М. Алимжанова // - Алматы, 2010. <http://gendocs.ru/v25157>
13. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы [Текст] / Г. М. Алимжанова // Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алматы, 2010.
14. Алишова, М.К. Языковая картина мира в английской и кыргызской культурах [Текст] / М.К. Алишова // Вестник Каз. нац. ун-та им. аль-Фараби. – 2012 - №13(137) – С. 74 – 76.
15. Алишова, М.К. Англис жана кыргыз тилдеринде дүйнөнүн тилдик сүрөтүн салыштырып изилдөө (көркөм, стилистикалык, тилдик каражаттардын негизинде) [Текст] / М.К. Алишова: Филол. ил-н д-ру ... автореф. – Б., 2021. – 44 с.
16. Антология концептов / ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. – М.: Гнозис, 2007. – 341 с.
17. Амиралиев, С.М. “Ит” фрейминин концептологиялык мазмуну: денотаттын касиеттери, түрлөрү жана функциялары [Текст] / С.М. Амиралиев // Ош мамл. ун-н жарчысы. – 2013. - №3. – С.17-20.
18. Амиралиев, С.М. Тилдик менталдык семантикасындагы кинологиялык концепттер [Текст] / С.М. Амиралиев: филол. ил-н канд. ... автореф. – Б., 2014. – 22 с.
19. Амиралиев, С.М. Исследование концепта в когнитивной лингвистике [Текст] / С.М. Амиралиев: методическое пособие – Ош: «Билим», 2019. – 94 с.
20. Аркадьев, П.М. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте [Текст] / П.М. Аркадьев // Москов. лингв. журнал. – М. – 2002. – Т.6. – №1. – С.53-80.
21. Арсланбекова, Н. Э. Концепт «радость» в тексте художественного произведения [Текст] / Н. Э. Арсланбекова: филол. ил-н канд. ... автореф. -Б., 2022. – 23 с.

22. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Аркадьева – М.: Язык русской культуры, 1999 – 895 с.
23. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология/под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
24. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л.Г. Бабенко // Дисс. . д-ра филол. наук.- М., 1989.- 611 с.
25. Бабина, Л.В. О вторичной репрезентации концептов в текстах литературной прозы [Текст] / Л.В. Бабина // Когнитивная семантика: материалы второй школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г.: в 2 ч. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 131-132.
26. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка [Текст] / А.П. Бабушкин – Воронеж: Изд-во Воронеж гос. ун-та, 1996. – 311 с.
27. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка, их личностная и национальная специфика [Текст] / А.П. Бабушкин: Дис ... д-ра филол. наук – Воронеж, 1997. – 330 с.
28. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка, их личностная и национальная специфика [Текст] / А.П. Бабушкин: Дис ... д-ра филол. наук – Воронеж, 1997. – 330 с.
29. Баженова. И. С. Обозначения эмоций в художественном тексте [Текст] / И.С. Баженова: Дис. ... док. филол. наук.—М., 2004. —418 с.
30. Бакирова, А.А. Актуализация витальных признаков русского концепта *звезда* и английского концепта *star* [Текст] / А.А. Бакирова // Язык и культура XXI века – СПб, 2019. – С. 80 – 87.
31. Балакина, З.Ю. Способы толкования номинантов эмоций в русском и английском языках / З.Ю. Балакина // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: тез. докл. междунар. конф. 27 апр. 2004 г. /Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 8-9.

32. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // - М.: Знак, 2008. - 656 с.
33. Бейшенова, Ж.А. Анализ концепта «Успех» среди студентов-кыргызов [Текст] / Ж.А. Бейшенова // Язык, культура, этнос. – Б. – СПб, 2017. – С. 91-96.
34. Богданович, Г. Ю. О некоторых терминах современной лингвокультурологии. Культура народов причерноморья [Текст] / Г.Ю. Богданович // Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. – №53. - С. 65-59.
35. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Изд. 2-е, стер. – Тамбов, 2001 – С.123.
36. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С.25-36.
37. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1 – С.18-36.
38. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций по англ. филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – 2-е изд., – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014 – 236 с.
39. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания. Интернет ресурс. Доступ: www.choronos.msu.ru/
40. Болотахунова, Г.Ж. Номинативно-функциональное поле психологического состояния «удивление» в языке [Текст]: Автореф.дис. ... канд. филол. наук / Г.Ж. Болотахунова – Б., 2016. – 25 с.
41. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2-е. – М.: БРЭ, 2000. – 688 с. (БЭСЯ).
42. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркского языков [Текст] / Дж. Буранов // – М.: Высшая школа, 1983 – 267 с.
43. Бутешова, А.Р. К проблеме метафоризации концепта «жизнь» в кыргызской языковой картине Ш. Абдыраманова [Текст] / А.Р. Бутешова // Вестн. Бишк. гум. ун-та. – 2011 - №18 – С.11-13.

44. Бутешова, А.Р. Концепт «Жизнь» в русской и киргизской языковой картине мира [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Бутешова // Бишкек, – 2012. – 22 с.
45. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996 – 416 с.
46. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263—305
47. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русс. яз., 1980 – 320 с.
48. Вертелова, И. Ю. Концептуализация внутреннего мира человека в русском языке: психическое состояние печали [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Вертелова. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001 – 175 с.
49. Вилюнас, Ю.Б. Психология эмоций [Текст] / Ю.Б. Вилюнас. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
50. Виноградов, В.В. Развитие советского языкознания [Текст] / В.В. Виноградов // Сессия отделения общественных наук АН СССР. – М., 1951. С. 41.
51. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959 – 492 с.
52. Вишнякова, Е.А. Сравнительная характеристика универсальных концептов в английском и русском языках // Ученые записки по филологии: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. А.Н. Карпов. – Тула: Изд-во ТГПУ, 1999 – С. 16-33.
53. Волкова, А. Е. Проблема выражения эмоций в языке и художественных текстах / А. Е. Волкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 16 (358). — С. 129-131.
54. Волков, И. О. Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры: коллективная монография [Текст] / ред. И.О. Волков. – // Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023. – 140 с.

55. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: «ВГУ», 2002. С.79-95.
56. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурной концепт [Текст] / С.Г. Воркачев // – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
57. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография [Текст] / В.В. Воробьев // – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
58. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: Монография [Текст] / В.В. Воробьев // – М.: РУДН, 2008 – 336 с.
59. Воробьев, В.В. Национальная языковая личность как лингвокультурологический феномен / [Текст] / В.В. Воробьев // Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции Москва, 14–15 ноября 2017 г.
60. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике [Текст] / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. — М., 1989. — С. 5—17.
61. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин // - М., 1981. - 144 с.
62. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров // . – М., 1996.
63. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка [Текст] / Г.В. Гафарова // . – Уфа, 1988.
64. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций [Текст] / Г.Д. Гачев // . – М., 1998 – 448 с.
65. Гетц Г.В. Изучение ментальностей: взгляд из Германии [Текст] / Г.В. Гетц // Споры о главном: Дискурс о настоящем а будущем исторической науки французской школы «Анналов». – М., 1993 – С. 98-64.
66. Голованова, А.В. Ум как ценность в русской языковой картине мира [Текст] / А.В. Голованова // Проблемы филологии – Пермь: ПТУ, 2003 – С.38-39.

67. Гумбольдт, Г.В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В.Ф. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1987 – 172 с.
68. Дарбанов, Б.Е. Роль образа мира, культурологические лакуны при восприятии речи [Текст] / Б.Е. Дарбанов, Ш.М. Раманкулов // Вестник Джалал-Абад. гос. ун-та. – 2012 - № 1(26). – С.113-119.
69. Дашиева Д.Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике / Д.Б. Дашиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 70–73.
70. Дарвин, Ч. О выражении эмоций у человека и животных [Текст] / Ч. Дарвин. – СПб.: Питер, 2001. - 46 с.
71. Джакендофф Р. Концептуальная семантика и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. – 1996. Вып. 7. №1 – С.93-129.
72. Дрофа, Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики [Текст] / Л.И. Дрофа – Ош, 2009 – 99 с.
73. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994 - №4 – С.17-33.
74. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994 - №4 – С.17-33.
75. Дербишева, З.К. К проблеме языковой концептуализации мира [Текст] / З.К. Дербишева // Русский язык в сообществе народов СНГ – Б., 2008 – С.52-55.
76. Дербишева, З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка [Текст] / З.К. Дербишева – Б., 2012 – 404 б.
77. Дербишева, З.К. Ключевые концепты кыргызской лингво-культуры [Текст] / З.К. Дербишева – Б., 2012 – 176 с.
78. Дербишева, З.К. Язык и этнос [Текст] / З.К. Дербишева – Монография М.: Флинта 2017 – 256 с.
79. Дербишева, З.К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков Монография / З.К. Дербишева – М.: Флинта: Наука, 2019 – 256 с.
80. Дунканаев, А.Т. Дидактикалык чыгармалардын тили: макал – текст [Текст] / А.Т. Дунканаев – Б., 2016 – 120 б.

81. Елизарова, Е. М. "История зарубежной литературы XIX века" [Текст] / М. Е. Елизарова, Б. И. Колесников, С. П. Гиждеу, Н. П. Михальская // - М., «Просвещение», 1972.
82. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Когнитивная семантика: материалы второй школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г.: в 2 ч. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ 2000 – С.10-13.
83. Жоламанова, Е.И. Концепт «печаль» в художественном дискурсе Ч. Айтматова [Текст] / Е.И. Жоламанова // Язык и культура XXI века – СПб, 2019 – С.86-93.
84. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания – 1999 - №6 – С. 31-42.
85. Звезгинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В.А. Звезгинцев // М.: Изд-во МГУ, 1973. – 248 с.
86. Зотова, Н. В. Репрезентация эмоций в художественном тексте (на материале произведения М. Уэльбека «La carte et le territoire» [Текст] / Н. В. Зотова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. № 2. с. 18—24.
87. Зулпукаров, К.З. О билингвальной когнитивно-дискурсивной модели морфемики и словообразования [Текст] / К.З. Зулпукаров // Рус.яз. и лит. в шк. Кыргызстана – 2005. – №1 – С.76-80.
88. Зулпукаров, К.З. Когнитивдик-тилдик параллелизм жана аккан суу концептинин Токтогул менен Барпынын чыгармаларында берилиши [Текст] / К.З. Зулпукаров, У. Камардинова / Эл агартуу – 2012 - №3-4 – С.28-40.
89. Зулпукаров, К.З. «Суу» концептинин Жеңижоктун менталдык-тилдик дүйнөсүндө [Текст] / К.З. Зулпукаров, У.Н. Камардинова // Эл агартуу – 2012 - №3-4 – С.40-48.
90. Зулпукаров, К.З. Концепт БОГ в религиозном дискурсе // Вестник Ошск. гос. ун-та – 2012 - №1 - С.5-6.

- 91.Зулпукаров, К.З. Концепт “Кудай/Бог” в провербиально-религиозной картине мира [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.А. Калмурзаева, С.С. Сейитбекова //Вестник Ошск. гос. ун-та – 2012 - №4 – С.59-60.
- 92.Зулпукаров, К.З. Семантика жана концептосфера [Текст] / К.З. Зулпукаров, У.Н. Камардинова // Наука и новые технологии – 2013. - №9 – С.193-197.
- 93.Зулпукаров, К.З. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, А.А. Жусупова, Д.Т. Айылчиева – Б., 2017 – 748 с.
- 94.Зулпукаров, К.З. Лингвопозитика менен лингвопаремиологиянын орчундуу маселелери [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.А. Абдулатов, С.Б. Эргешова, Г.Ж. Кожоева, С.К. Эшманова. – Б., 2018. – 828 с.
- 95.Зулпукаров, К.З. Понятие когнитемы [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.А. Калмурзаева // Вестник междун. ун-та Кыргызстана – 2012 -№2 (22). – С.108-109.
- 96.Зулпукаров, К.З. Слово как средоточие лингвоэтнокультурных концептов [Текст] / К.З. Зулпукаров // Вестник Кырг. нац. ун-та им. Ж. Баласагына. – 2014. – Спец.вып. – С.246-251.
- 97.Зулпукаров, К.З. Описание концепта “Ой/Мысль” в песнях: номинативный аспект [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.К. Пазылова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана -2019. №2 – С.169-173.
- 98.Ибрагимов, М. Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөрү [Текст] / М. Ибрагимов – Б., 2008 – 640 б.
- 99.Изард, К. Э. Психология эмоций [Текст] / К.Э. Изард — СПб.: «Питер», 2007. — 464 с.
100. Ишмурзина, И.А. Сравнение русской и китайской языковых картин мира (на примере концепта “голова”) [Текст] / И.А. Ишмурзина // Территория новых возможностей. Вестн. Владивост. гос. ун-та экономики и сервиса. – 2016 - №1 – С.99-103.

101. Кадырбекова, П.К. Языковая и национальная картины мира в межкультурном сравнении [Текст] / П.К. Кадырбекова // Вестник Кырг. нац. ун-та им.Ж. Баласагына. – 2010 – Вып. 4. – С.137-141.
102. Кадырбекова, П.К. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации (на материале немецкого и кыргызского языков [Текст] / П.К. Кадырбекова – Б., 2014 – 419 с.
103. Калмурзаева, А.А. Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Калмурзаева. – Б., 2013. – 23 с.
104. Камбаралиева У.Дж. Этнокультурные особенности паремиологических полей концептов «Время» и «Убакыт» русского и кыргызского языков [Текст] / У.Дж. Камбаралиева // Язык, культура, этнос. Вып. 12. – Б. – СПб, 2017 – С. 234-238.
105. Камбаралиева У.Ж. Когнитивдик тил илими [Текст] / У.Ж. Камбаралиева. – Б., 2019 – 324 б.
106. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты сб. науч. тр. / ВПГУ. – Волгоград: Перемена 1996 – 390 с.
107. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004 – С.75-81.
108. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В.И. Карасик, В.И. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики – Воронеж, 2001 – С.75-81.
109. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.
110. Кильдибекова, Т.А. Основные направления когнитивного описания языка [Текст] / Т.А. Кильдибекова // Теория поля в современном языкознании. Ч.5. – Уфа, 1999. – С.11-15.

111. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия [Текст] / Л.А. Киселева. Изд. Ленинградского университета, 1978. – 231 с.
112. Койчуманов, Ж.Ы. Макал-лакаптар, учкул сөздөр, накыл кептер, залкар ойлор [Текст] / Ж.Ы. Койчуманов, Ы.К. Кадыров – Б., 2012. – 540 б.
113. Колесов, В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ [Текст] / В.В. Колесов // Вестник СПб ун-та. Сер. 2 – 1992 – Вып. 3. – №16 – С.30-40.
114. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов – М., 2003 – 281 с.
115. Коростова, С. В. Эмоциональные ситуации в художественном тексте: Способы выражения эмотивно-оценочных смыслов [Текст] / С.В. Коростова // Вестник ТГУ, Филологические науки и культурология. Культурология выпуск 3 (7), 2016. - С.75].
116. Костина, Д. М. Концепт «Multiculturalism» в системе Британских культурных ценностей и особенности его вербальной репрезентации в современном английском языке [Текст] / Д. М. Костина: канд. филол. наук ... автореф. -Белгород, 2012. – 22 с.
117. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А.В. Кравченко – Иркутск, 1996 – 260 с.
118. Кравченко, А.В. Почему семантика не может не быть когнитивной: на пути к пониманию языка [Текст] / А.В. Кравченко // Лингвистика, литературоведение. – Пятигорск, 2000 – С.102-104. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград, 2001 – 312 с.
119. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2002 – 285 с.
120. Красных, В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность [Текст] / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2003 – 375 с.
121. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – №4, - 1994. – С. 34-47.

122. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века(опыт парадигматического анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995 – С. 149-238.
123. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики – 2004 - №1 – С. 6-17
124. Лазариди, М.И. Концепты психических состояний «страх», «беспокойство», «злость» [Текст] / М.И. Лазариди // Русский язык в Кыргызстане. – Сборник научных трудов и аналитических материалов. Вып.V – Бишкек, 2009 – С. 67-71.
125. Лазариди, М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект [Текст] / М.И. Лазариди // Изд.2-е доп. – Бишкек: КРСУ, 2011 – 356 с.
126. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 23 Когнитивные аспекты языка – М., 1988 – С. 12-51.
127. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: пер. с англ. и нем. / сост. и вступит. ст. В.В. Петрова – М.: Прогресс, 1995 – С. 143-184.
128. Леонтьев, А.А. Психологические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А.А. Леонтьев, К. В. Судаков. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
129. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Изв. РАН-СЛЯ – 1993 - №1 С. 3-9.
130. Лотман, Ю.М. Л80 Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман // — С.-Петербург: «Искусство—СПБ», 2000. —704 с.
131. Манликова, М.Х. Русский языки русская культура: Этнокультуроведческий ассоциативный словарь – Бишкек, 2005 – 137 с.

132. Манликова, М.Х. Этнокультуроведческая лексикография: научные основы, сопоставления и развитие [Текст] / М.Х. Манликова – Б., 2006 - 516 с.
133. Мадмарова, Г.А. Межкультурные концепты в тексте художественного произведения: монография [Текст] / Г.А. Мадмарова – Б., 2017 - 392 с.
134. Мадмарова, Г.А. Региональные межкультурные концепты в художественном тексте [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.А. Мадмарова. – Б., 2018 - 44 с.
135. Марченко, Е.И. Пропозиционально-фреймовое моделирование семантики заимствований из киргизского языка (на материале концептуального пространства «Политика») [Текст] / Е.И. Марченко // Вестн. Кирг. гос. ун-та им. И. Арабаева – Б., 2014 – С.114-118.
136. Маслечкина С. В. Выражение эмоций в языке и речи [Текст] / С.В. Маслечкина // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №3 С.231-236.
137. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова // Изд. Центр «Академия» – М., 2001 – С. 60.
138. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2008 –296 с.
139. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение [Текст] / В.А. Маслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2018 – 208 с.
140. Маслова, В.А. Лингвокультурология как наука о наиболее культуруносных языковых сущностях [Текст] / В.А. Маслова. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. №16. – Россия, Владтказ, 2014 – С. 79.
141. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001. Введение.
142. Минский, М. Фреймы для представления знания [Текст] / М. Минский. – М., 1070 – 318 с.

143. Мусаев, С.Ж. Тексттин коммуникативдик структурасы [Текст] / С.Ж. Мусаев, филол. ил-н д-ру .. дис. автореф. –Бишкек, 2000 – 39 с.
144. Найманова, Ч.К. К вопросу о когнитивном подходе к исследованию дискурса [Текст] / Ч.К. Найманова // Язык, культура, этнос. – Б. – СПб, 2017 – С.269-274.
145. Нарынбаева, Б.Б. Понятие «языковая картина мира» [Текст] / Б.Б. Нарынбаева // Вестн. Кирг. нац. ун-та им. Ж. Баласагына – Б., 2013 – Спец. вып. – С. 293-297.
146. Нарынбаева, Б.Б. Фразеологическая картина мира французского и кыргызского языков [Текст]: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Б.Б. Нарынбаева. – Б., 2017 – 43 с.
147. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики – 2004 - №1 – С.53-64.
148. Нургазина, А.Б. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в поэтической картине мира (на материале лирики А. Блока) [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.Б. Нургазина. – Б., 2016 – 22 с.
149. Нишанова, Г.А. Концепт «вежливость» в разных культурах и особенности его перевода [Текст] / Г.А. Нишанова // Язык и культура XXI века – СПб, 2019 – С.99-106.
150. Ормокеева, Р.К. Понятия «эмоциональный концепт» и «эмоциоконцептосфера» [Текст] / Р.К. Ормокеева // Известия вузов Кыргызстана – 2016 - №2 – С. 216-219.
151. Ормокеева, Р.К. Концепт «Страх/коркуу» в ментальном сознании носителей русского и киргизского языка [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.К. Ормокеева. – Б., 2016 – 24 с.
152. Ольшанский, И.Г. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты [Текст] / И.Г. Ольшанский // Язык и культура: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 21-65.

153. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы [Текст] / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26-55.
154. Осмонова, Ж. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү [Текст] / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ж. Жапаров – Бишкек, 2001 – 519 с.
155. Ортони А. Когнитивная структура знаний [Текст] / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Каллииз // Язык и интеллект: сб. статей. - М.: Прогресс, 1996, - 314 с.
156. Пименов, Е.А. Категоризация и концептуализация жизни (в политических мемуарах) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 13. Екатеринбург, 2004 – С. 56-57
157. Пименова, М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ [Текст] / М.В. Пименова – Кемерово, 2007 – 500 с.
158. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондрашева – М.: Флинта, 2011 – 176 с.
159. Плунгян, В.А. “Безумие” как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Логический анализ языка: Ментальные действия. –М.: Наука, 1993 – С.120-126.
160. Попова, З.Д. Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 211 с.
161. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 238 с.
162. Попова, З.Д. Концептосфера и картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. // Язык и национальное сознание Вып. 3. – Воронеж, 2002. – С 4-8.
163. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 218 с.
164. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, 2010. – 314 с.

165. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988 – С. 49-47.
166. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев, 1993.
167. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров – М.: Флинта; Наука, 2008 – 397 с.
168. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета [Текст] / Т.Б. Радбиль // Учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2010. - 328 с.
169. Реизов, Б.Г. Творчество Вальтера Скотта [Текст] / Б.Г. Реизов // - М.; Л., 1965. - С.14
170. Розина, Р.И. Человек и личность в языке [Текст] / Р.И. Розина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1994 – С.52-56.
171. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: ВГАУ, 2002. – 80 с.
172. Сагынбаева, Б.С. Концепт «Жакшылык» (добро) в кыргызском мировоззрении [Текст] / Б.С. Сагынбаева // Язык, культура, этнос. – Б., - СПб, 2017. – С.129-136.
173. Саматов, К. Концепциялык лингвистика [Текст] / К. Саматов – Б.: Улуу тоолор, 2021 – 176 б.
174. Сайфи, Л.А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Сайфи // - Уфа, 2008. - С. 4.
175. Сергеева, Н.М. Концепты “ум”, “разум” в русской языковой картине мира [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Сергеева – Кемерово, 2004 – 23 с.
176. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир – М., Прогресс, – 2002. – 371 с.

177. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] / Г.Г. Слышкин – Волгоград, 2004 -287 с.
178. Соловьева, Е.А. Концепты *mind, heart, soul* в современном английском языке [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук /Е.А. Соловьева -Тамбов, 2005 – 24 с.
179. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1987.
180. Стернин, И.А. Типы значений и концепт [Текст] / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка – Тамбов, 2005 – С. 257-282.
181. Стернин, И.А. Основы направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике [Текст] / И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев, У.Д. Камбаралиева // Вестн. Кир-рос. слав. ун-та – 2016 – Том 15 – №2 – С.201-204.
182. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И.А. Стернин // — М., 2007.
183. Сыдыков, А. Н. Сакральное число "семь" в кыргызской этнолингвистике / А. Н. Сыдыков // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2020. – № 1(51). – С. 9-11.
184. Тагаев, М.Дж. Когнитивные подходы к лингвистическому описанию русского словообразования в учебных целях [Текст] / М.Дж. Тагаев // Языковая картина мира: лингвистический и культурный аспект Том 2. Бийск, 2004 – С. 113-112.
185. Тагаев, М.Дж. Лингвокогнитивная модель описания неродного языка в учебных целях [Текст] / М.Дж. Тагаев // Вестн. Ошск. гос. ун-та. Серия гуман. наук. – 2004 - №4 – С.165-168.
186. Тагаев, М.Дж. Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования (на материале русского и кыргызского языков) [Текст] / М.Дж. Тагаев – Б., 2004 – 283 с.

187. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. - С. 45-53.
188. Тарланов, З.К. Этнический язык и этническое видение мира [Текст] / З.К. Тарланов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск. 1995 – С.5-12.
189. Телия, В.Н. Метафоризация и его роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия - // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С.173-205.
190. Телия, В.Н. Русская фразеология [Текст] / В.Н. Телия - // Яз. рус. культуры. – М., 1996.
191. Тентимишова, А.К. «Эмгек» концептинин менталдык-тилдик мазмуну [Текст]: Филол. ил-н канд. ... дис. автореф. / А.К. Тентимишова – Б., 2017 – 26 с.
192. Толокова, Э.Т. Некоторые особенности фреймовых и сценарных слотов кыргызского языка (на примере обычаев и обрядов кыргызского народа) [Текст] / Э.Т. Толокова // Язык, культура, этнос. – Б. – СПб, 2017 – С.145-153.
193. Тровати, С.И. Вербализация основных концептов, представляющих интеллектуально-эмоциональную деятельность человека (на материале английской и русской фразеологии) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.И. Тровати – Воронеж – 2007 - 24 с.
194. Урысон, У.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания – 1995 – №3 – С.3-16.
195. Урысон, Е.В. Голос разума и голос совести [Текст] / Е.В. Урысон // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000 – С.184-189.
196. Фесенко, Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.А. Фесенко. – М., 1999 – 52 с.

197. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка – М.: Прогресс 1988 – С.52-92.
198. Фрумкина, Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? [Текст] / Р.М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – 1995 – С.104.
199. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога: (концепт, категория, прототип) [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992 - №3. – С.1-8.
200. Халитова, Р.Р., Художественный текст как источник материала для изучения эмоций [Текст] / Р. Р. Халитова, О. А. Хабибуллина // Перспективы лингвистического знания: молодежь и наука. Сб. материалов. Том 1. Стерлитамак, 2021
201. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии [Текст] / А.Т. Хроленко // Москва: Флинта. - С. 31
202. Чарльстон, В. Общие вопросы изучения страха [Текст] / В. Чарльстон // Истоки страха, 1974. – С.37.
203. Чолпонкулова, Г.Б. Кыргыз жана түрк тилдериндеги концептуладык талдоонун негиздери (“Сөз” концептинин негизинде) [Текст]: Филол. ил-н канд. ... дис. автореф / Г.Б. Чолпонкулова. – Бишкек, 2015 – 23 с.
204. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. [Текст] / В.И. Шаховский // —М.: Гнозис, 2008. —416с.
205. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский // – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996 -191 с.
206. Шаховский В. И. Голос эмоций в художественном тексте // Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. — 2-е Изд.— М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013.— с.64- 69
207. Эргешова, С.Б. Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши [Текст]: Филол. ил-н канд. ... дис. автореф /С.Б. Эргешова. – Б., 2010 –24 с.

208. Юсупов, У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина [Текст] / У. К. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков. — М.: Наука. С. 6-11.
209. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика [Текст] / В.Н. Ярцева – М.: Наука, 1981. – 111 с.
210. Bamberg, M. Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions // The Language of Emotions [Text] / M. Bamberg // – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 1997. – P. 209-226.
211. Calhoun & Robert C. Solomon (eds.). What is an Emotion? [Text] // Classic Readings in Philosophical Psychology Cheshire Oxford Univeristy Press. 1984.
212. Foolen, A. The expressive function of language: Towards a cognitive semantic approach [Text] / A. Foolen // The Language of Emotions. Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation. – Amsterdam/Philadelphia, 1997.– P.26.
213. Heller, A.A. Theory of Emotions [Text] / A.A. Heller – Assen: 1979. – P. 210.
214. Izard, C.E. Human emotions: Per. From English [Text] / C.E. Izard // - М.: MGU, 1980. – 439 p.
215. Kemper, T.D. Sociological Models in the Explanation of Emotions [Text] / T.D. Kemper // Handbook of Emotions / Edited by M. Lewis and J.M. Haviland. – New York; London: The Guilford Press, 1993. – P. 41-52.
216. Niemeier, S. Nonverbal expressions of emotions in a business negotiation [Text] / S. Niemeier // The Language of Emotions. Conceptualization, Expression and Theoretical foundation. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 277-306.
217. Jahendoff, R. What is a concept? [Text] / R/ Jahendoff // Frames, fields and contrasts. New essays in semantics and lexical organization. – Hillsdale, 1992 – P. 629-643.
218. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor [Text] / G. Lakoff // A. Ortony. Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Second edition. – P. 202-251.

219. Parkinson J. An Essay on the Shaking Palsy [Text] / J. Parkinson // Neely and Jones; London, Sherwood: 1995. P. 34-37.
220. Sapir, E. Language: An Introduction to the study of speech. [Text] / E. Sapir – N.Y.: Harcourt, Brace, 1921. – 126 p.
221. Wegner, I. Frame-Theorie in der Lexikographie. Untersuchungen zur theoretischen Fundierung und computergestuetzten Anwendung kontextueller Rahmenstrukturen fur die lexikographische Repräsentation von Substantiven [Text] / I. Wegner – Tbingen, Max Niemeyer Verlag, 1985. – P. 51 - 55.
222. Wierzbicka, Anna. Semantics: primes and universals. Oxford: Oxford University Press. 1996. P. 41-45.
223. Wierzbicka, Anna (2010). The semantics of emotions: Fear and it relatives in English. Australian Journal of Linguistics, 2. P. 359—375.
224. Wierzbicka, Anna (1986). Human Emotions: Universal or Culture-Specific? American Anthropologist, New Series, 88 (3 Sep.)/ P. 584—594].

Лексикографические источники

225. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
226. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 643 с.
227. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой// Изд-во Московского гос. унив-та Москва, 1996. – 245 с.
228. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү / А.А. Акматалиев и др. I-т. – Б., 2011. – 570 с.; II-т. – Б., 2011. – 619 с.
229. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416 с.
230. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 797 с.
231. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ 1) / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.
232. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Й. – М.: Наука, 1989. – 293 с.

233. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы К и Қ. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 368;
234. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Қ. – М.: Наука, 2000. – 261 с.
235. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы Л, М, Н, П, С. – М.: Вост. лит., 2003. – 446 с.
236. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин – М.: Сов. энци., 1965 – 973 б.; Том I. – Фрунзе, 1985. – 503 с.; Том II. – Фрунзе, 1985. – 474 с.
237. Cambridge Advanced Learner's Dictionary (CALD) // URL: <http://dictionary.cambridge.org>.
238. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology (CODEE). – London: Oxford University Press, 1996. – 546 p.
239. Harper, D. Etymology Dictionary // URL: <http://www.etymonline.com>.
240. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Vol. II. – Oxford University Press, 1982.–509 с.
241. Klein, E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English language. Vol. I. Amsterdam-London-New York: Elsevier Publisher Company, 1966–853 p.
242. Kurath, H., Lewis R. Middle English Dictionary. University of Michigan Press, 1999. – 184 p.
243. Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE) // URL: <http://www.ldoceonline.com>
244. Merriam-Webster's Dictionary (MWD) // URL: <http://www.merriam-webster.com>.
245. Webster's New Dictionary of Synonyms (WNDS). – USA: Merriam-Webster Inc., Publishers, 1984. – 909 p.
246. Webster's Revised Unabridged Dictionary (WRUD) // URL: <http://machaut.uchicago.edu>.
247. Wordsmyth Dictionary Thesaurus (WDT) // URL: [http:// www.wordsmyth.net](http://www.wordsmyth.net).

Список произведений художественной литературы

248. Касымбеков, Т. Эки томдук тандалган чыгармалар. Т. I: Туулган жер: Аңгеме; Жетим; Адам болгум келет. Повесттер; Таймашуу: Тарыхый очерк; Сынган кылыч: Тарыхый роман [Текст] / Т. Касымбеков // – Ф.: Мектеп, 1990. -736 б.
249. Скотт, В. Роб Рой: роман [Текст] / В. Скотт // Всемирная литература. - Москва: Эксмо, 2019. – 512 с.
250. Скотт, В. Айвенго [Текст] / В. Скотт // - М., 1999. с. 21.